

СИБИРИАДА

ЕВГЕНИЙ
ФЕДОРОВ

Ермак

Сибиряда

Евгений Федоров

Ермак. Том II

«ВЕЧЕ»

1950–1955

Федоров Е. А.

Ермак. Том II / Е. А. Федоров — «ВЕЧЕ», 1950–
1955 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4484-7551-1

XVI век. Казачий атаман Ермак Тимофеевич возглавляет поход за Каменный Пояс, положив начало присоединению и освоению сибирских земель. Столетия о нем слагали легенды и песни, и в наши дни его образ продолжает привлекать внимание многих писателей и художников.

ISBN 978-5-4484-7551-1

© Федоров Е. А., 1950–1955
© ВЕЧЕ, 1950–1955

Содержание

Часть 5. Путем черескаменным	6
Глава первая	6
1	6
2	8
3	12
4	16
5	18
Глава вторая	22
1	22
2	23
3	26
4	28
Глава третья	30
1	30
2	35
3	36
4	39
Глава четвертая	42
1	42
Глава пятая	47
1	47
2	50
3	54
4	56
5	58
Глава шестая	63
1	63
2	67
3	69
4	71
Глава седьмая	76
1	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Евгений Александрович Федоров

Ермак. Том II

© Федоров Е.А., наследники, 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

Сайт издательства www.veche.ru

Часть 5. Путем черескаменным

Глава первая

1

Грозный и дикий Урал-батюшка встал перед казаками во всем своем суровом величии. Многие видали на своем веку повольники, но такой угрюмости, нетронутой красоты, такого буйного могущества и необозримого зеленого разлива безграничных лесов никогда им не встречалось. словно валы бушующего океан-моря, лесные дебри захлестнули и глубокие пади, и склоны гор, и скалистые кручи. Дика лесная пустыня! кругом сердитый, лихой ветер навалил непроходимые буреломы. В глухоманях царит вечный сумрак, под густыми мохнатыми елями чуть приметные звериные тропы, и среди урманов тускло поблескивают мрачные темные озера. Но и богат, неисчерпаемо богат этот край! Много тут ценного зверя. На скалистые крутояры часто внезапно выносятся козел и, как сказочное видение, не шелохнувшись, долго стоит с высоко вскинутыми гранеными рогами, рисуясь на фоне белесого неба. В горах режут медведи, в кедровниках жируют белки; тут и полосатый бурундук, и черемная лиса с острой хитрой мордочкой, осторожный колонок и всякая другая пушная зверюшка. А в безмолвии сумрачного леса, возле брусничных болот бродят сохатые. Лоси – звери сильные, смелые и сообразительные. Они сразу узнают след человека и, завидя его, бегут прочь. Но темна тайга, пустынны и немые берега озер, не слышно человеческого голоса. Только быстрая река, сдавленная скалами, злобно ревет и стонет, в ярости низвергаясь пенными струями. С крутояра Уральских гор спешит и бушует река Чусовая, как зверь, рычит и клубится на переборах. Эх, быстрая и каменистая падун-река, сколько силы казацкой ты вымотала!

Четыре дня казаки плыли вверх по реке, преодолевая стремительное течение. Шальные воды с яростью били в борта стругов, лаженных крепко из доброго теса камскими кряжистыми плотниками. Выбивались из сил гребцы. Не за себя тревожились казаки, а за груз: сухари в рогожных кулях, крупу и толокно в мешках. В пути не было ничего вкуснее и сытнее толокна. Берегли и соль: без нее и пища не в радость.

Гребли казаки от утренней малиновой зари до золотого заката.

На ертаульном струге плыл Ермак, а с ним рядышком сидел смуглый коренастый татарин Махмед, которого Строгановы отпустили проводником. В свое время Махмед в орде Маметкула бегал на Русь, да камский казак вышиб его копьем из седла, и угодил татарин в полон. Строгановы держали его в колодках в остроге. Знал Махмед свои края: все броды и переходы, дороги и тропы, плавал по многим рекам. Хорошо говорил он по-русски и по-вогульски. Выпросил его атаман толмачом и проводником. Глаз не спускали казаки с Махмеда, хитер, плут, глаза волчьи, злые. Только выбрались на Чусовую, татарин оживился, заюлил. Чутьем догадался Ермак о тайных помыслах сибирца и пригрозил ему:

– Гляди, обманешь – башку долой!

– Ни-ни, – покачал головой Махмед. – Проведу в Сибирь, счастлив будешь.

На пути вставали скалы – «камни»; они теснили Чусовую и закрывали дали. Расцветенные накипью красновато-желтого мха, они то отвесно обрывались в бурлящую воду, то дробились и распадались на причудливые столбы, нагромождения, и тогда казалось – нет дальше дороги. Тревожно начинало биться сердце. Но поворот – и снова раскрывались быстрые светлые воды. Скалы все выше, мимо них с ревом несется взбешенная стихия. Еще тяжелее и опаснее стало плыть. Того и гляди – рванет стремнина и ударит струг о каменную грудь утеса!

Измученные гребцы вечером тяжело валились у костров и засыпали мертвым сном. Спали под сентябрьским звездным небом, подложив под себя кошму, а у кого ее не было – еловые ветви. Выставляли сторожевые дозоры.

К веселым чусовским струям ночью спускались с гор медведи полакать свежей водицы. Под утро, когда синие огоньки костров угасали, а над водой расстился ночной туман, часто выходили на водопой лоси. Ермак любовался сохатыми. Давно, поди четверть века тому назад, он по чарыму¹ охотился за ними и на лыжах гнал зверя. За эти годы многое исхожено и пережито. Атаман вздыхал: «Эх, ушла-прошумела молодость!» Однажды он, оборотясь к проводнику, спросил:

– Скоро ли Межевая Утка?

– Угу, скоро, очень скоро! – залопотал татарин. – Еще день плывем, второй – будет тебе и Утка! – и склонил озаренное пламенем лицо, стараясь не встретиться взглядом с Ермаком. Костер пылал ярко, и уйти от пронзительных глаз атамана было невозможно. Они без слов говорили татарину: «Не юли, все равно не уйдешь от нас!»

Знал Ермак от старых охотников, что с Чусовой можно перебраться в Туру, а там в Tobол. Тут и откроется бескрайное царство сибирское! Но за временем забылось, какие речные протоки текут на запад, в Русь, а какие на восток – в Сибирь. Надо было отыскать сплавную речку, впадавшую в Чусовую, а истоком проходившую близ Туры...

Утром Махмед, показывая на крутые скалы, на которых шумел лес, бойко сказал:

– Вот тут дорога! Теперь скоро...

И вправду, поворот – и сразу открылась неширокая быстрая Утка. Она бежала с гор, шумела на переборах. Горы становились сумрачнее. Густые ели темнили воду, цеплялись за мачты стругов, рвали паруса. Пришлось убрать их. Казаки усердней налегли на весла, но днища стругов все чаще и чаще ударялись о камни, цеплялись за коряги и застревали на перекатах и мелях.

Казаки полезли в студеную воду, приладили лямки и по-бурлацки стали тянуть бечеву. Бешеная струя сбивала ладьи, но казаки тащили их, упираясь ногами в гальку, хватаясь за колючие лапы елей. Поп Савва, в одних портках и рубахе, повесил на шею кольчугу, чтоб не мешала; он шел коренником. Натужно, тяжело шли и пели казаки стародавнюю бурлацкую припевку: «Ой ты быстрая вода, ой, тянем-потянем!»

Ермак не утерпел, сбросил кафтан, снял кольчугу, разулся и широким махом перекинулся на берег. Он по-мужицки ловко впрягся в тягло и закричал озорно:

– Гей, братья, шевели веселей!

– Батька, да куда же ты! – сразу откликнулись десятки голосов.

– А я разве ж плох! – Ермак навалился всей силой и посадил ладью на мель. – Ух ты, лещий! – обругал он себя. – Ну, что наробил!

Поп Савва бросил лямку, утер пот.

– Кидай, братья, приехали! – рявкнул он на всю реку, раскатисто-угрюмо многократно отозвалось эхо. – Некуда больше, батько, плыть. Разве это река, коли воду из нее добрым шеломом впору вычерпнуть! Не пройти нам с грузом, батька! Обманул нас, ирод! Обманул Махметка!

– Сюда его! – гневно прикрикнул Ермак. – Пусть ответ держит!

Хватились толмача, а его и след простыл. В суматохе он спрыгнул вслед за атаманом на берег, подался в чашу и был таков.

– Догнать по следу, да выслать казаков вперед, прознать – далеко ли Тагил-река! – приказал Ермак. – Ну, дьявол, все равно достигну!

Раздосадованный, он вернулся на ертаульный струг и задумался.

¹ Чарым – наст.

Надвигалась осень. В елях порывисто шумел ветер, на воду сыпались золотые листья берез и багряные – осин. На полдень тянули последние утиные косяки. Торопился Ермак до зимы перевалить горы. На душе его было тревожно. Вместе с Матвеем Мещеряком он снова пересчитал кладь: прикидывал, на сколько хватит.

К вечеру вернулись разведчики и рассказали атаману:

– По Межевой Утке, батько, ходу дальше нет. Камни да переборы. Берега дикие и недо-ступные – волоком ладьи не перетащишь. До Тагил-реки далеко, не добраться нам. Одна утеха в этом краю – рыбы тьма: на переборах хариусы плещут, шибко резвятся...

– Выходит, утром отплывать надо! – в раздумье вымолвил Ермак. – К той поре, даст бог, вернется из погони...

Серые сумерки стали укрывать реку, замерцали первые звезды. Где-то в глухой заводи перекликались перелетные гуси. Пора бы спать, но Ермак сторожил у костра. В небе ярко пылали стожары, затаенно шумел лес. Вскоре чуткий слух атамана уловил треск сухого валежника под тяжелыми шагами. Ермак окликнул:

– Эй, кто тут бродит!

– Свои, – отозвался хриплый голос казака, посланного в погоню за беглецом. В освещенный круг вошли трое, измученные и удрученные. Здоровенный казак Колесо чесал озабоченно затылок и переминался перед атаманом с ноги на ногу.

– Сбег? – злым голосом спросил Ермак и почувствовал, как кровь прилила к темени. – Сбег окаянец!

– Нет, батько, не сбег он! – смущенно ответил Колесо.

– Казнили? Саблей зарубили?

– Ни-ни, и пальцем не тронули, – устало сказал другой.

– Тогда что же не довели сюда?

– Не сердись, батько, опоздали мы: медведь задрал татарина!

Атаман пытливо поглядел в глаза каждому:

– Верю, не врете. Одначе жаль: нужен нам басурман. Ох, как нужен! – Ермак огорченно замолчал.

Густо вывездило. Над рекой заколебался непроглядный туман, постепенно потянулся вверх и серой овчиной погасил звезды. В думах о том, как быть, Ермак лег на кошму.

А казаки долго сидели у огонька, варили толокно и тихо переговаривались о дальней дорожке.

2

Около полуночи за каменистым мысом вдруг вспыхнул и замерцал огонек. «Откуда, кто такой?» – встрепнулись казаки и стали глядываться в тьму. Огонек, между тем, как бы плыл по воде – то мелькнет в курье, то укроется за ракитником. По тихому плесу золотилась дорожка. Не утерпели казаки, тихо подобрались к берегу и, чуть раздвинув кусты, увидели маленького человечка в долбленном челноке, который жег смолье и, медленно двигаясь вдоль омутов, бил острой рыбу.

«Вогулич!» – понимающе переглянулись казаки. Ильин не зевал, размахнулся и бросил аркан. Рыбак и охнуть не успел, как очутился в объятиях могучего казака. Станичник мял его, хлопал по спине:

– Не бойся, друг, худа тебе не сделаем!

Вогулич и не думал бежать, он покорился своей судьбе и только жалко улыбался.

– Таймень! Таймень! – восклицал он, показывая на речку и на острогу.

Казаки догадались и нашли в челне жирных сибирских лососей.

– Идем, друг! – повели они вогулича в табор. Тут его посадили у костра, сняли аркан и сытно накормили кашей.

Вогул наелся до отвала, лицо его лучилось от улыбки. Он хлопал себя по животу и повторял:

– Карош, ой, карош...

На востоке стало бледнеть, одна за другой гасли звезды, и с берега потянуло предутренним холодком.

Тяжелым шагом подошел Ермак.

– Батька, охотника пымали. Все края тутошние знает, – вскочили перед атаманом казаки. – Вот кто дорогу на Сибирь покажет!

Ермак внимательно оглядел вогулича. Низкорослый, с морщинистым лицом, одетый в жалкую одежду из рыбьей кожи, пленник казался беспомощным и жалким, но в глазах его светились ум и покой. Вогулич молча склонил голову.

– По-русски понимаешь? – спросил атаман.

– Мал-мало разумею. Тут русская человек я видел, шел своя дорога, – охотно отозвался вогул.

Ермак взял сучок и начертил на песке:

– Вот Межевая Утка, это Чусва, а как пройти в Тагил-реку?

Вогулич внимательно всмотрелся в рисунок, подумал и улыбнулся.

– Тэ-тэ... Ходи Серебрянка-река. Потом иди недалеко по лесу, там Жаровля! – Пленник взял пруттик. Рисуя кривули, он неторопливо выговаривал: – Жаровля кончается, Баранча идет, ходи по ней вниз – Тагил. Там иди, куда хочешь. Вся вода идет в Сибирь.

Вогулич задумался, лицо стало грустным. Ермак положил ему на плечо руку:

– О чем задумался? Как звать-то тебя?

– Мой звать Хантазей, много видел, – ответил охотник. – Но одно горе кругом. Тут князец Кихек берет нашу рыбу, наш зверь. Там хан Кучум. Мы давай князьцу и хану. Ой, худо жить! Не ходи туда, батырь, худо будет. Беги от хана!

– Можешь с нами идти? – спросил атаман, глядя в упор на вогулича.

– Боюсь хана. Ой, боюсь его, – заволновался вогулич. – Хан будет отсекает мою голову... наденет на кол! Боюсь!..

– А меня боишься?

Охотник повеселел:

– Зачем тебя бояться? Ты сильный, смелый. Не бьешь... Ходить с тобой буду...

Скалистые шиханы озарились пламенем зари. Казаки подняли паруса и поплыли к Чусовой. На ертаульном струге, опустив ноги в воду, сидел Хантазей и пел, подставив морщинистое лицо солнцу:

Батырь меня звал.
Я смелый посёл с ним.
Мы идем далеко
Пересагнем горы...

Выплыли в Чусовую. Ермак стоял в струге – крепкий, массивный, из железа кованный – и зорко оглядывал берега. Много шумных ручьев и речек сбегало в Чусовую, неся опавший желтый лист и муть осенних вод. Но в полдень среди этих рек блеснула одна – прозрачная и лучистая.

– Серебрянка! Тэ-тэ, Серебрянка! – ухватясь за руку Ермака, обрадованно закричал вогул. – Туда ходить надо, там добрый дорога!

Струги свернули в реку, светлую и чистую, подлинно серебристую. Текла она в каменистом русле; над ней громоздились скалы, а на них шумели, роптали густые кедровники. Река круга и резва, вода студена, как огнем обжигает. Тяжела тут путь-дорожка! Крепкие мозоли наслоились на ладонях гребцов.

Ермак прищурил глаза на приунывшего Брязгу.

«Что, милоч, не на гульбу вышли! Не девок кохать-миловать! – с усмешкой подумал он. – Ничего, обвыкай! Впереди еще много, ох, много трудов и тягот!..»

Извилистые гряды гор преграждали ущелье, и река узкой змейкой виляла между ними. На легком ертаульном стружке Ермак далеко опередил ватагу. С каждым плесом мелела Серебрянка, и уходили надежды выбраться к ледоставу в Тагил-реку. Неожиданно справа выдался крутой мыс, нагроможденный из скалистых глыб. Как зубы диковинного чудовища, из воды торчали острые камни. Они шли грядой по дну реки, и вокруг них все кипело и пенилось. Атаман помрачнел, но затеи не бросил. И чем больше на пути громоздилось преград, тем упрямее становилось его лицо.

Отошли последние осенние золотые денечки – бабье лето. Потускнело небо, беспрестанно моросил дождь, по скалам и тайге серой овчиной ворочался туман, пронизывая до костей холодом. За день одежда становилась сырой, тяжелой и долго не просыхала даже у костра. В струги коварно просачивалась вода, и от нее стыли ноги.

Ермак не сдавался. Два дня плыли казаки по Серебрянке, и все мельче и мельче становилась она. Наконец струги, шаркнув по каменистому дну, безнадежно остановились.

– Кажись, дальше нет ходу! – мрачно высказался Мещеряк. Его круглое рябоватое лицо выражало уныние. – Опять как на Сылве!

– Погоди каркать! – остановил его Ермак. – Выйдем на волок!

Казаки попрыгали в ледяную воду с остолопьями в руках. Надрываясь, они подсовывали колья под днища стругов, пытаясь их сдвинуть. Грузные струги еле-еле раскачивались: они прочно легли на каменное ложе.

А вода била, хлестала, шальная струя ревела и злилась на переборах. Ермак задумался.

– Погоди, осилю, бесноватая! – наконец сказал он. – Браты, тачай паруса лыком в одно полотнище.

– Хоть и велик будет парус, а не сдвинуть ладей! Если вот разве... А что, коли речку перегородить? – спросил вдруг Иванко Кольцо.

– Вот-вот, об этом я и подумываю, – живо отозвался Ермак. – Браты, тащи полотнище за корму, перегораживай реку!

Угрюмая падь огласилась бодрящими выкриками:

– Давай, заходи, крепи! Э-ге-гей!..

Вода рвалась из-под скал, бурлила, кипела, но казаки крепко держали полотнище и с натужными криками и руганью перехватили реку. И сразу у плотины упруго вздулась вода, струги вздрогнули, закачались и поплыли.

Казаки шумно вздохнули:

– Ох ты!

На берегу, под кедром, стоял Ермак и пристально следил за работой. Хантазей вместе с казаками впрягся в лямку. От усердия он выбивался из сил, но тянул бечеву. Атаман остался доволен, спустился к воде.

Шаг за шагом, с великим упорством, казаки отвоевывали путь стругам. Много раз перегораживали Серебрянку парусами. Она сварливо ворчала, двигала в ярости придонные камни, но перед казацкой преградой останавливалась и, каждый раз отступая, поднимала и несла струги вперед.

Река, постепенно мелея, незаметно превратилась в узкий ручеек. Задули холодные ветры. Хантазей подставил лицо ветру, приняхался и сказал Ермаку:

– Батырь, зима с Тельпоз-Иес летит. Вот-вот падет снег.

И верно, скоро замелькали снежинки. Атаман спросил вогулича:

– А где Тагил-река? Не соврал?

Хантазей спокойно ответил:

– Тагил скоро, но надо идти без лодка.

Ермак обдумывал... Ветер рвал и метал. Густел снег, струги стояли на темной воде.

«Ожидать зиму у волока придется!» – решил Ермак и повелел созвать казачий круг.

Гамно, буйно шел совет. Кричали казаки разное. Одни звали:

– Чего ждать? Обгоним зиму! В Сибирь. На Туре хлебно, зимовья готовые...

Другие утверждали:

– Сибирцы хлеба не сеют. Что там нас ждет – неведомо. Допустим, и волок осилим, а дале что? Сибирские реки замерзли, как поплывешь?

Третьи насмехались:

– Зимовье ставить удумали! Сылву забыли! Хватит с нас! Вертай назад!

Все поглядывали на Ермака, ждали его слова, а он молчал. Иван Кольцо притих, знал, испытывает батька дружину, кто куда тянет? Сдержанно вели себя и другие атаманы, думали: «Впереди – тьма, и позади беда. О чем гадать?»

И тут сорвался Дударек, закричал бараном:

– Не пойду в Сибирь, и тут не зимовать. Голы, босы, пузо от нечисти расчесали. Ин, сыплет белая гибель! Завел нас вогулич на смерть. Дай смахну башку гаду! – Он выхватил из ножен саблю, но поднять ее не успел. Ермак схватил его за грудь так, что у Дударька дух захватило.

– Крови захотел? За честный труд вогулича рубить? – тихо, но угрожающе спросил Ермак. – Кричишь – голы, босы... А мы все не в трудах живем, не из одного котла нужду хлебаем?..

– Не хочу погибать! Помирай сам, – словно огнем охваченный, кричал Дударек, злобно оскалив зубы.

– Э-вон куда метнул. Ну...

Ермак кулаком саданул горлопана в грудь. Тот, корчась, попятился назад и пал на землю. Завопил:

– Братцы, что это?..

Никто не шевельнулся, не сказал слова в защиту Дударька.

– Гляди, другой раз не верещи! Удумаешь мутить, пеняй на себя. Губить войско не дам. – Ермак возвысил голос: – Браты, идет зима, отступать нам негоже. Еще шаг, и мы на волоке, а там Сибирь. Чую, на верном пути стоим. Вон мысок, за ним падает ручьишко Кокуй. Тут и поставим город. Что скажете, братья?

– Любо, батько! Переждем тут до весны!

Иван Кольцо скинул шапку, тряхнул кудрями:

– Верим, батька, как сказал. И я чую – верная тут дорога! На случай пошлем дозор. Пусть Хантазей ведет до Тагил-реки.

– Пусть ведет! А городок тут ставить! – заорали сотни глоток.

– Ставить тут! – подхватили другие.

Стало смеркаться. Дударек подошел к огнищу, у которого сидел Хантазей:

– Прости, погорячился малость, – виновато сказал он вогуличу.

Проводник встрепенулся, незлобиво посмотрел на казака доверчивыми глазами и ответил:

– Мал-мало забыл. Холосо жить будем. Тут кругом наши, рыба будет, зверь есть. Ух, сибко жить будем...

Он улыбнулся казаку и протянул к огню руки.

3

Дозор, высланный на переволоку, подтвердил слова Хантазея: Тагилка-река близка. При устье Кокуя-речки казаки вырыли рвы, насыпали валы и срубили избы. Городище обнесли тыном. Разгрузили струги, добро заботливо положили в амбарушки, а ладьи вытащили на берег и поставили на катки.

По-хозяйски расположились на зимовку в Кокуй-городке. Ветер намел глубокие сугробы, и все замерло. Земля лежала дикая, лесная и безлюдная, но Хантазей уверял:

– Есть тут охотники и рыбаки, но хоронятся в чаще, боятся!

Ермак заявил:

– Зря боятся: никто не тронет, а кто обидит, тому не сдобровать.

Вогул тяжело вздохнул:

– Ох, батырь, не скоро верить будут...

Солнце в полдень висело вровень с сугробом, не грело, и рано угасала вечерняя заря, а ночи тянулись долгие. Тишина глубокая лежала над миром. Нарушал ее вой пурги, а днем – карканье голодных ворон. В трещинах приречных скал замерзла вода и гулко рвала камни. Раскатистый гул шел по реке, откликался эхом в лесах, но не разбудил медведей в берлогах. В полночь играли цветистые всполохи, и донцам казалось это дивным и устрашающим. В первый раз Ильин прибежал и завопил:

– Казачество, светопреставление начинается. Сейчас ангелы слетят!

Ермак захохотал:

– Эх ты, башка! Ну, коли слетят, тебя архангелом поп поставит над ними.

– Рылом не вышел, – пробасил Савва. – Сей хват их в первом царевом кабаке spoит.

– Нам ангелы не ко времени, – сказал Гроза. – Нам баб сюда, казаки по женкам стосковались. Все помыслы их о бабах. И словеса, и сны полны бабами, ангелы же бесплотны!

– Свят, свят! – истово закрестился Савва. – Что за блудодей! Что за богохульник! Сейчас пост сплошной, а заговорил о скоромном. Эхх! – У Саввы в глазах блеснули шальные искорки.

– Ни крестом, ни перстом прельстительных мыслей не прогонишь, поп! Ох, милые! – вздохнул Иван Кольцо и взглянул на атамана. Крепкий, жилистый, тот держался спокойно.

– На лед казакам выбегать – бороться, играть, гонять кубари! – властно сказал Ермак.

Утром он обошел избы, землянки и выгнал всех на Серебрянку, а сам с высокого берега следил за игрищем. Трое казаков с ременными бичами бегали по льду и хлестко стегали кубари², отчего они бешено вертелись. Охваченные азартом, сбившиеся в большой круг, казаки подзадоривали игроков:

– Ихх, хлеще бей, провора! Ишь, загудел!..

Лед звенел под быстро вращающимся кубарем. Казаки неумоимо бегали по реке. Тот, чей кубарь валился набок, под улюлюканье и гогот ватаги выходил из игры.

Ермак не утерпел и бросился в круг. Он перехватил у побежденного бич, подкинул кубарь; едва тот коснулся льда, оглушительно шелкнул ремнем и стал азартно его стегать. Кубарь с визгом завертелся, стремительно насккивал на соседние кубари, сбивал их и, весело повизгивая, бегал по льду.

Громоздкий и тяжелый с виду, атаман вдруг оказался легким и проворным в игре. Он прыгал и вертелся бесом, весь устремлялся вперед, и от посылаемой его бичом страшной силы кубарь выл и шел напролом.

– Ай да батька! Сам кубарь ладный! – любовались атаманом казаки.

² Кубарь – волчок.

Лицо у Ермака горело, ослепительно сверкали белые широкие зубы, каждый мускул играл в его теле. Одетый в короткий тогилей, он носился по ледяному простору, подзадориваемый дружными криками казаков. При каждом ловком ударе они ревели сильнее, оглушая побежденных.

Ермак по-молодому озорно вскинул голову, пощелкал по-цыгански бичом и в последний раз запустил свой кубарь...

Тут к нему сбежались все казаки, все друзья-товарищи по рыцарству, и, схватив его, высоко на руках понесли на яр, в Кокуй-городок. В обвеечных морозным ветром крепких телах горячая кровь все еще не могла уgomониться, и сила искала выхода. Выбежали вперед плясуны, и пошла веселая потеха. Заиграли рожечники, дудочки, зачастил барабан, а песенники подхватили:

Ой, жги-жги, говори...

Надвинулись сумерки. Луна выкатилась из-за тайги и зеленоватым оком глянула на казацкое игрище, на заснеженные избы и заплоты Кокуй-городка. Вскоре в замерзших окнах, затянутых пузырями, замелькали огоньки, и над казацким становищем приятно запахло дымком.

– Эх, братья, радостна на товаристве жизнь, – разминая плечи, сказал Ермак. – Не унывай – завтра на охоту, на рыбные тони двинемся. Всласть наработаемся, всласть и потешимся!..

Хантазей водил казаков на охоту. Знал он сибирские чащобы, как родное стойбище. По следу шел спокойно и находил, где таится зверь. Били казаки сохатого, лис, соболя и зайцев. Ходили на медведя – поднимали из берлоги и укладывали лесного хозяина рогатиной да острым ножом.

В один из искристых морозных дней вогулич примчал на лыжах веселый и закричал:

– Батырь, холосо, сибко холосо. В лесу есть пауль³ – один, два, три. Можно рыбы взять, олешек. Жить будем!

Иванко Кольцо с пятью казаками на лыжах отправились к вогуличам. Хантазей шел впереди и по старой привычке разглядывал следы зверей:

– Тут лис пробежал, а это бурундук... Вот соболя... Ах, ах, бежать за ним, да в пауль идти надо!

У дымных чумов яростно залаяли псы. Хантазей весело прищурил глаза, успокоил:

– Холосо, сибко холосо. Хозяева из чума выходить будут, радоваться гостям. Ой, холосо!

На белой оснеженной поляне резко выделялись пять черных чумов, освещенных загадочным светом северного сияния. Из них выбежали проворные люди в малицах и отогнали собак. Хантазей заговорил с хозяевами, показывая на казаков, и повторил:

– Рус, Рус...

– Русс... Русс! – повторяли вогулы, радуясь приходу гостей, радушно зазывая их в чумы. Скуластые плосконосые женки, украшенные лентами и бляшками, стыдливо опускали глаза. Иванко Кольцо ухватил одну косоглазую за подбородок и засмеялся:

– У, милая, до чего ж хороша!

Казак Колесо, великого роста и простодушный, отозвался:

– Что поделаешь, на чужой стороншке и старушка – божий дар.

Глаза казаков были ясными, шутки искренними, ласковыми. Вогулы чутьем угадывали, что пришли друзья. Казаки забрались в первый чум. Нючи⁴ насквозь прокопчены дымом, который вьется вверх и ест глаза. Кругом нары, покрытые оленьими шкурами. Хантазей присел у камелька, разжег свою коротенькую трубочку и глубоко затянулся.

³ Пауль – вогульское селение.

⁴ Нючи – полости из оленьих шкур, которыми покрывается остов чума.

– Ой, сибко холосо!

На лице вогулича – довольство; он стал раскачиваться и распевать веселое:

Заплягу двух седых.
Самых быстлоногих олесек.
Поеду в гости.
Буду есть чужое
чч-чч-чч...

Казак Колесо хлопнул Хантазея по плечу:

– Вижу, жаден ты на чужое!

Вогулич подмигнул; глаза его смеялись. Он ответил казаку песней:

Ко мне приедут гости.
Заколю важенку,
Будут сыты гости
И собаки их
ык-ык, ык-ык...

– Ишь ты, ловок черт! Вывернулся! – добродушно засмеялся Колесо, а Хантазей весь сиял и продолжал распевать:

Зима-а-а-а...
В белой мгле,
Как тень птицы.
Летит нарта моя
Э-ке-кей...
Свист полоза.
Храп коней,
В ноздрах у них льдыски,
А копыта тах-тах-тах.
Ой, тах-тах-тах...
Снежная пыль слепит глаза.
Я везу к себе вторую жену,
Класивую Кулу.
Она гладка,
Как лисичка...

Полог приподнялся, и в чум вошла краснощекая, в нарядной кухлянке, черноглазая молодка.

– Хантазей! – радостно вскричала она, увидев певца.

– Алга! – вскочил вогул. – Ты на песню присла! – Он быстро вынул из меховых штанов ожерелье из волчьих зубов и подал ей.

Тут и Иванко Кольцо завертелся:

– Гляди, что деется. Без бабы и он затосковал! – Весело улыбаясь, он спросил молодку: – Что, хорош Хантазей?

Она закивала головой и ответила:

– На всю реку и тайгу один такой охотник. Он знает всякого зверя, птицу и человека. Хантазей! – Она обласкала его взглядом. – А это кто, русские?

– Русские, мои друзья, – с важностью ответил он...

Вогулы уселись в круг, не скрываясь, с любопытством разглядывали казаков. Иванко Кольцо сидел, по-татарски сложив ноги, лихо взбил чуб.

Вогулки подали осетра, испеченного в золе, и нарезанное ломтями оленье мясо. Оно было сырое, мороженое, обсыпанное искорками инея. Казакам понравилось. Они ели, хвалили хозяев и все их потомство. Колесо насыщался осетром, макал ломти в жир и нахваливал рыбака, поймавшего такую вкусную рыбу.

Вогулы светлели от похвал, были довольны гостями.

Алга, крепкая, веселая, услужала всем, но Хантазею подкладывала лучшие куски. У вогула раздувались ноздри от вкусных запахов. Прищурился от наслаждения глаза, он вздыхал:

– Холосо... Совсем мало-мало наелся. Ух! – Он рукавом утер толстые жирные губы и отвернулся от корытца с олениной. Но тут Алга принесла на блюде, сделанном из бересты, отваренные медвежьи кишки, набитые морошкой. Глаза Хантазея снова вспыхнули; он расстегнул кушак, приналег и на это угощение.

– Алга, Алга! – хватал он за кухлянку молодку. – Я тебе сейчас спою. Дай мне шангур!

Она подала ему музыкальный инструмент. Он ударил по струнам и запел:

Я увезу тебя, Алга,
В стойбище русских.
Батырь большой
Сделает тебя моей женой
Эх-хх-хх...

Казаки наелись, от сытости слипались глаза, а вогулы протягивали им чаши с горячей дымящейся кровью оленя. Морщась пили, а хозяева радовались:

– Холосо, ой, как холосо...

Иванко Кольцо поближе подсел к вогулам и выпытывал пути на Искер.

– Сюда ходи долго-долго, будет тундра. Пурга там, олешки ходят. Нет там Кучума, – попыхивая дымком из трубки, неторопливо рассказывал старик-охотник. – От Кокуй на Баранчу ходи, там плыви. И плыви, все плыви, в самый Искер плыви. Хан лют, олешек ему давай, соболь давай, лис давай, все давай...

Он присел на корточки, выбил золу из трубки, насыпал свежий табак и потянулся за угольком. Пламя в чувале озарило морщины на его лице и добрые детские глаза.

– Тундра ходи, когда в тайга гнус гудит, – продолжал он. – Холосо, много места. Только князь едет, берет олешек, соболь берет, лис берет... И хан плохо, и князь плохо...

Кольцо почесал затылок, подумал: «Верно, все берут от вогуличей и остяков, худо им. А казакам мясо, рыба потребны, до весны продержаться. Как быть?»

Старик взял Иванку за руку:

– Русский добрый человек, оборони от хана... Есть надо казаку, Алга и сыны сети ставят, вези вам рыба. Олешек дам. Помогать будем...

В умных глазах вогула ласка, добродушие, предупредительность. Кольцо схватил хозяина за плечи:

– Ну, брат, спасибо. Вот как рады дружбе!..

На стойбище пала ночь. Вспыхнуло и замерцало сияние. Пестрым пологом оно охватило полнеба, колебалось, и одни цвета неуловимо переходили в другие.

Вогул-старик сказал Иванке Кольцо:

– Завтра будет хорошо. Я беру тынзян⁵ и ловлю олешек. Дам русским мясо, олешек. Вези!..

На ранней заре Хантазей разбудил казаков. Нарты были нагружены, олени впряжены. Подошел старик:

– Мой Ептома везет гостей. Садись, надо ехать...

Казаки уселись на нарты, Ептома взмахнул хореем и звонко крикнул:

– Эй-лай! – И олешки помчались по твердому насту.

Хантазей ехал верхом и что-то протяжно пел. Свежий ветер относил его голос в сторону. На пригорке стояла, как пенек, Алга, – стояла долго, неподвижно, и снежок порошил на нее, падал на лицо, на мохнатые ресницы, на крепкие губы. Она словно не замечала этого, прислушивалась к тому, что творилось у нее на сердце.

4

Жить стало сытнее, веселее. Казаки ходили в гости к вогуличам.

Часто в Кокуй-городок наезжал аргиш⁶ с рыбой, олениной, брусникой. Ермак угощал вогулов, расспрашивал про места, а в городке в эту пору стучали топоры: плотники ладили сани, чтобы по апрельскому снегу пройти с грузом волок.

Ночи стояли длинные, темные – волчьи ночи. Савва потешал казаков сказками. И когда в черном небе вдруг вспыхивали сполохи, казаки выбегали на полянку и все дивились таинственному сиянию. Дивился и Ермак:

– Что за край, что за диковины! Э-гей, Савва, рассказывай про него!

В тесной рубленой избе, при жарком свете лучины, казаки слушали рассказ попа о неведомой стране.

– На полунощи лежит дивная страна, Лукоморье, – многозначительно, глуховатым басом говорил Савва. – Оттуда и струится сей причудливый свет, озаряющий черное небо в глухую зимнюю ночь. Ходит в народе преданье – много там незнаемого и непонятого. Велико богатство той страны, много, рассказывают, в ней дивных идолов, золотых баб и медных гусей. По реке Оби можно сплыть в сию страну, где стоят горы, заходящие в луку моря, а высотой до небес...

Строгановский писец Мулдышка, маленький, обросший волосами и прозванный за то Песьей Мордой, вдруг вскипел и закричал на всю избу:

– Не верьте, казаки! На погибель пошли, а ныне Лукоморьем манят атаманы. Нет наших сил!

Ермак вскочил со скамьи. От резкого движения она упала с грохотом. Мулдышка сразу смолк, втянул утиную голову в плечи, забормотал что-то невнятное.

– Казаки, так ли думаете, как сие гусиное перышко, слабодушный человечиска? – спросил атаман.

– Батько, да то голос щенячий! Заскулил кутенок! – с пренебрежением к Мулдышке заговорили казаки. – Ему на печке лежать да подле бабы ластиться!..

– Ну, коли так, спасибо, братья, – поклонился Ермак. – А ты, Песья Морда, вон отсюда. Живо!

Мулдышка съежился и, пятясь, нырнул в дверь. Савва подумал недовольно: «Напрасно батько выгнал кривую душу, затаит зло!»

Казаки потребовали:

– Рассказывай, поп, про Лукоморье!

Савва откашлялся и продолжал неторопливо:

⁵ Тынзян – тонкий плетеный ремень для ловли оленей, лассо.

⁶ Аргиш – олений обоз, состоящий из нарт.

– За полтыщи годов до нас ходили в дивный край русские люди. О том читывал я в новгородских сказаниях. Приходили сюда с Ильмень-озера купцы и торговали у народов лукоморских моржовые клыки, пышную рухлядь и серебро. И арабы, и персы, и франки, и норманны чистым золотом расплачивались с новгородскими гостями за драгоценный мех...

Как волшебную нить, тянул, ткал свое сказание Савва. В словах его – влекущих, обаятельных – в цветистом сиянии полночного неба вставала дивная страна.

– Но оберегают то Лукоморье дикие и опасные люди. Дюже злы они и бесстрашны. Преданье дошло: загнал их за Камень, к полуночному морю сам царь Александр Македонский. А жили они до того в чудных местах, где с неба никогда не сходит солнце. И загнал этих чело­веков – племени Иафета – царь Александр за Русь, в скалистые горы. И в горах с той поры слышен был говор. Сидели дикие человецы в недрах гор, в Камне, и боялись на свет показываться. Прорубили они оконца малые, и клич давали новгородцам, когда те приходили в Лукоморье, и протягивали руки, прося железа – ножей, топоров, секир, а в обмен клали в укромном месте рухлядь. А наменявши топоров и секир, выбрались они из гор и стали жить в полнощной стране.

– Чудеса, – насмешливо вымолвил Ермак. – Небыль одна.

– Эх, батька, хоть и не так, как Саввой сказано, а все же душа тешится! – со вздохом сказал Иван Гроза. – Человек без думки, что соловей без песни.

– Это верно, – охотно согласился Ермак. – Но тут где-то Хантазей. Он-то, может, и был в Лукоморье! Эй, милый! – позвал атаман вогулича.

Хантазей поднялся с пола. Хоть многое ему было и непонятно, а слушал по­па усердно.

– Скажи-ка, друг, ты был у моря?

– Мал-мало жил. Стадо олешек гонял на горы Хая⁷ и на берег ходил. Гулял стадо по тундре. Ой, холосо, ой сибко холосо!

– Зверя много? Соболь, песец, лиса есть? – упрямо допытывался Ермак.

– Соболь есть, лиса есть, олешек много, ой много! – ответил Хантазей. – Лето – жарко, гнус гонит, стадо веду в горы Пой-ха!

– Значит, сказания верны, – повеселели, загудели казаки. – А веверицы с неба ниспадают?

– С неба снег идет. Белка нет! – с насмешливостью ответил Хантазей, подозревая, что его вышучивают.

– Белке в тундре, как в степу, делать нечего, – вставил казак Колесо. – Где ей орешков пощелкать?

Савва с довольным видом оглаживал бороду, шурил глаза. Иван Кольцо похвалил его:

– Все-то ты знаешь, расстрига. Хоть с неба и не валится рухлядь, но соболей там, видать, бесчисленно. И выходит, братья, стоим мы у врат Лукоморья. Эх, Сибирь-матушка, Кучуму ли тобой владеть? Тут нужен хозяин умный, зоркий, смелый. Братья, нам ли унывать? На верной дорожке стоим...

Все осознавалось смутно, в тумане еще лежала неведомая страна, но сердце к ней тянулось neodолжимо. Чего только о ней не сказывалось! Выходит, нет дыму без огня.

– Батька, – поднялся со скамьи Колесо. – Прошли, переведали мы много, не отрекемся от своего. Пойдем в заветную землю, может там жаркое счастье для русского человека схоронено! – Голос казака звучал душевно, и чуялось, что идет его слово от сердца. Манит его думка о Лукоморье, не дает покоя.

В избе стало душно, по бородатым лицам катился обильный пот. Хотелось долго слушать о Лукоморье, но давно угасло сказочное сияние и установилась глубокая тьма. С легким шорохом за стенами падал густой снег.

Казаки разошлись по землянкам, и каждый унес свою заветную думку.

⁷ Горы Хая – хребет, отделяющий бассейн Карского моря от бассейна Обской губы.

Хантазей, лежа на палатках, вспоминал Алгу:

– Вот поплосу батыря и выкуп за нее дам. Заживу с бабой! – Здоровый сон смежил ему глаза, а он все еще улыбался – чудилась ему крепкая, проворная Алга с ожерельем из волчьих зубов.

5

Ермак сидел у окна, затянутого рыбьим пузырем, и слышал шепоток.

Сразу он узнал голосок Мулдышки. Слова текли слюнявые, клейкие:

– Незачем брести нам в Лукоморье, коли оно тут рядом. Бегал в пауль, у вогуличей рухляди – завались: соболю к соболю. А бабы, ух, и грязнущие! А ядреные, не ущипнешь!

Двое других покашливали, молчали. Под ногами заскрипел снег, и все сразу стихло.

«О чем думает Песья Морда! – покачал головой Ермак. – Но кто же с ним уговаривался?»

Ермак пытался догадаться, но так и не нашел, на ком остановиться.

С утра серое небо стало ниже, задул пронзительный сиверко, началась пурга. Три дня выла, бесновалась метель, глухо шумела тайга. С треском валились старые лесины. К заплоту казачьего зимовника пришел поднятый незадачливым охотником медведь, закинул лапы и заревел. Дозорный казак Охменя долбанул зверя обухом по башке и сразу уложил его.

Три дня не было Хантазея – ушел в тайгу и не вернулся. Горевал Ермак: не погиб ли добрый охотник?

На четвертый день улеглась пурга, засинели снега, и неподвижно стояли вековые кедровые Кокуй-городка. Ермак вышел на вал и от яркого снежного сияния жмурил глаза. И все же заметил он – по реке спешит охотник к зимовью.

– Хантазей! – обрадовался атаман.

Вогул шел тяжелым шагом. Не дойдя до тына, он упал.

– Эй, друг, что с тобой? – Ермак сбежал с тына, заглянул в лицо вогулича и весь закипел: – Да кто тебя так окровавил?

– Сибко казаки вогулич пограбили... Ох, какое горе! Алга, Алга моя! – горестно покачал головой Хантазей.

– Кто душегубы, сказывай, я им глотки перерву! Иуды! – Атаман скрипнул зубами.

Хантазей сомкнул глаза, ослабел. Дозорный ударил в колокол, со всего зимовья сбежали казаки. Вогула отнесли в избу, омыли. Он открыл глаза.

– Сказывай, кто? – настойчиво потребовал Ермак. – Судить будем за измену лыцарству.

– Сбегли, – прошептал Хантазей. – Они и тебя хотели убить, батырь. Пурга помешала...

Дорога сбилась...

– По сотням скликать, кто сбег! – приказал Ермак.

– Ужо прознали, – отозвался Иванко Кольцо. – Песья Морда всему коновод, Яшка Тухлый – в Жигулях пристал, и трех донских дуруломов сманили.

– Догнать!

К вечеру беглецов настигли под утесом Серебрянки. Мулдышка пустил стрелу в своих, промахнулся. Выхватил саблю и заорал:

– Браты, выручай... Пируют атаманы нашей кровью. Не желаем в Лукоморье. Бей их!..

Беглецы обнажили сабли.

– Все равно умирать, – мрачно сказал маленький корявый Прокоп. В былые годы служил он во Владимире приставом, проворовался и сбежал на Волгу. Был невероятно кровожаден. «Я тебе пошлю смерть скорую, враз удавочку дерну, и душенька твоя прямо в рай рванется к престолу Господа Бога!» – елейно говорил он своей жертве, отводя ее в сторону, чтобы задушить.

Со старшими и сильными был подобострастен. Но сейчас, зная, что дело плохо, заорал Ильину:

– Эй, чего тебе надобно? Казнить нас удумали? А за что казнить? За чумазных вогулишек, за кусок медвежьего сала? Дешево нас ценишь! Тронь только! Лучше уходи с нами! Ну, что выгадаешь у Ермачишки? Эх, трень-брень, уходи отсель! Атаманы добра нахапали, а ты что?

– Он, орясина, осина дерево, перед атаманом дрожит, – насмешливо подхватил Мулдышка. – Ему царство лукоморское Ермачишка обещал, а в жены сулит царевну. Эй, кручина, уходи отсель, а то беги с нами!

Ильин скрипнул зубами:

– Не по пути мне с тобой, Песья Морда! – ответил он. – Клади саблю да винись!

– Дурак! – выкрикнул Прокоп. – Дурулом! Кровь изо рта идет, десны гниют, а Сибирь ищет!

Ильин надвинулся, и не успел третий беглец – Яшка Козел – крикнуть Мулдышке: «Остерегись!» – свистнула сабля, и голова изменника покатила в сугроб.

Казаки крикнули:

– Корись, а то всех порубаем! Эй, жаба! – пригрозили Прокопу. – Пакостить сумел, умей и ответ держать!

Прокоп перетрусил, побледнел.

– Братцы, братцы, это все Мулдышка натворил и нас на окаянство подманул. Только не бейте! – Он пал на колени. Казаки мигом скрутили ему руки. Яшка Козел и дружки молчаливо отдали сабли и саадаки.

– Мы не задирщики, духом ослабели. На бабу загляделись, и грех настиг, – оправдывались они. – Замолви слово перед атаманом, службу тебе сослужим.

– Другое предали, за таких язык не повернется! – резко ответил Ильин. – Гони, казаки, всю эту погань на зимовье! Батька сам там рассудит!

– А того... Песью Морду захоронить надо бы, – заикнулся один из вязавших казаков.

– Собаке и смерть собачья! – отрезал Ильин.

Беглецов пригнали в Кокуй-город, вывели на казачий круг, сбили с них шапки. Повольники окружили изменников, безмолвно взирая на них. И куда ни поворачивались злодеи, везде встречали колючие злые глаза. Только некоторые растерянно смотрели на недавних товарищей, боялись за себя, за свои мысли, которые терзали их в глухие таежные ночи. Были и такие, которые трепетали от думки, как бы Яшка Козел не выкрикнул: «Эй, ты, Завихруй, что молчишь? Не ты ли уговаривал потопить струги и малым гуртом бежать на Русь?»

Над городищем простерлась глубокая тишина, а кругом – чистые сверкающие снега. Среди наступившего безмолвия раздался властный голос Ермака:

– Браты, нашлись среди нас трусы и подлые души, которые всю рать опозорили. Добром нас встретили вогуличи, корму дали, словом обогрели. А что натворили злодеи? Побили, пограбили друзей наших, чумы их пожгли, жен обесчестили. Кто Алгу убил?

У Яшки Козла трусливо забежали зрачки. Чтобы выгородиться из беды, он плаксиво закричал:

– Товариство, накажи меня плетями, всю истину поведаю. Мулдышка затейщик всему. Он подговаривал: «Айда за Камень! Вогуличей побьем, на олешек – и через Камень, к Строгановым. Погуляли с атаманами и хватит. По ним плаха плачет, топор скучает, а мы не клейменные. Мы вольные пристали!» Алгу Прокоп обесчестил, и головой в прорубь.

– Врет сатана! Ой, врет, братья! – закричал Прокоп. – После меня сам бабу терзал. Вдвоем мы – оба и в ответе.

Ермак, насупившись, слушал. С окаменелым лицом стоял он на помосте, малиновый с заломом верх его остроконечной шапки багрово пламенел на фоне белесого неба.

– Нашкодили – ив кусты! На покойника валить вздумали, а у самих разума не было? – спросил он.

Два других виновника повалились в ноги атаману:

– Прости, батько! Простите, братья, за поруху донского обычая. Не по чести сделали. Мы не вьюны и не змеи, по прямоте каемся в своем окаянстве. Сумленье взяло, далеко загребли в чужедальнюю сторонущу. Не манит ни Лукоморье, ни рухлядь. Тут зима лютая, а на Дону ковыль вскоре поднимется, голубое небушко засияет...

– Притихни про Дон, не трави сердце! – выкрикнул Колесо.

– И нам кручинно, надсадно стало, по степу решили на конях промчать. Эх, братья наши! – потерянно вымолвил кучерявый, с синими глазами, беглец.

– Не жалобь воинство! – перебил Ермак и поднял руку: – Братья, казаки, у кого кручины нет? Аль всем, как тараканам, разбежаться по запечью? Выходит, за порух товариства, за злодейство, за слезы материнские и девичьи на волю отпустить? Пусть один по одному идут-бредут, так, что ли?

Круг молчаливо сомкнулся.

– Молчите? – повысил голос Ермак. – Пусть идут, малыми шайками бредут?

– Не мочно так, Ермак Тимофеевич. Горит сердце, а не мочно! – запротестовал бывалый донец Охменя. – Братья, сколько вместях хожено, бед перебедовано, шарпано вместе, но николи изменщиков не терпела ни русская земля, ни наш народ, ни станица. Смерть им, коли злодеями стали! – Охменя, высказав страшные слова, помрачнел, потупил глаза.

– Охменя, аль я с тобой не бился плечо к плечу? Не ты ли меня научил первую стрелу с посвистом пускать? – Голубые глаза кучерявого налились слезой.

– Вот потому и кривить не хочу! – Донец скинул шапку и поклонился кругу. – Братья, жалко золотой поры, но раз опоганил ее, нет к нему жалости. Казачество дороже одного злодея!

– Правильно, Охменя! Станичники, дави жабу!

Прокоп закрыл руками бугристое лицо. Упал на землю, хватал за ноги.

– Пощадите, казаки! Каюсь, хотел с Мулдышкой убить атамана. Не тронете – всю правду скажу.

Дружинники с безразличностью отталкивали его:

– По харе видна вся твоя правда. Зверь-зверем жил. Для своей похоти и жадности пошел с нами. Прочь, пакостник! – Его стали пинать сапогами. Пронзительные крики Прокопа разожгли гнев. По кругу пошло:

– Бей сатану... Кроши!

– Стой, братья! – крикнул атаман. – Без мучительства. За измену и злодейство – в куль да в прорубь...

– Бачка, бачка! – расталкивая казаков, закричал жалобно Хантазей. – Батырь, не надо так. Не холосо...

– Да ты что? – удивился Ермак. – Да они твоих вогulichей побили, Алгу загубили. За кого просишь?

Хантазей протянул руки, на глазах блеснули слезы:

– Ой, дорог-мил мне Алга. Нет больше Алги. Горе мне. Проклянут меня родичи, что навел в пауль чужих. Нет, не надо так. Пусти, пусть живут. Ой, пусти их...

– Погляжу на тебя, овечка божья ты – Хантазей! Доброй души человек, но знай – в воинском деле есть честь и закон. Недруга бей, насильника вгоняй в землю. Волку и волчья встреча. Пожалеешь змею – распалится пуще, затаит злобу.

– Бачка, не губи их! – умолял Хантазей. – Мне больно Мулдыска делал, не холосо Прокоп делал. Я простил их...

– Мы не отара, а войско! – отмахнулся от него Ермак и выкрикнул: – На смерть осуждаем, братья?

– На смерть! Вести их на реку! – неумолимо отозвались казаки. – Бери!..

Прокопа и дружков повели к омуту, к черной проруби.

– Ай-яй-яй! – заголосил Прокоп. – Ух, да что же это? Ай, ратуйте! – закричал он.

– Браты, пожалейте, – взмолился Яшка Козел и опустил в сугроб. – Не пойду, тут кончайте!

Его подняли и поволокли два дюжих повольника, Охменя нес четыре мешка. Провинившиеся донцы шли молча, глаза их были налиты страшной скорбью.

Вот и речной простор. Вертит водоворот в темной полынье. Донцы встали лицом к востоку, помолились:

– Ну, коли так, прощайте...

Прокоп и Яшка бились головами, выли и судорожно цеплялись. Связанных, их силой усадили в кули.

В последнюю минуту взмолились и донцы:

– Пощади, батька, отслужим вины!

Ермак отвернулся:

– Кидай! В самую глубь кидай!

«Не вернуть прошлого! Помиловал бы, вернул бы к жизни...

Но нельзя – дело велит!»

Ермак закрыл глаза, чтобы люди не видели его слезы.

Глава вторая

1

Над рекой засеребрился весенний воздух. Весело зашумела тайга. С глухим шорохом садился жухлый наст. Солнце все выше поднималось над кедром. С крыши застучала капель, вызывая на сердце томление. Отзвенели хрусталем сосульки, подрезанные лучами весеннего солнца. На березке маленькая синичка завела свою бодрую весеннюю песенку. Разошлись серые тучи, и заголубело небо. Зачернели проталины, в избу на сапогах принесли первую грязь.

Ермак повеселел и встречал казаков шутливо:

– Сказывали, в Сибири зима тринадцать месяцев, да не выдержала, сдала. Эх, пора!

Пока скованная морозами река дремала, казаки поставили малые струги на полозья, нагрузили их пушками, зельем, всяким запасом и по насту двинулись к Жаровле-речке. Многие грузы клали на слеги и волочили.

Впереди шел Хантазей. Он пел, а глаза были полны грусти.

Белокрылая
летает зима.
Скоро зашумит река.
Эй-ла!

Звонкие мартовские дали отзывались голосистым эхом. На севере синела гора Благодать. По сторонам шли увалы, с них шумели вешние воды. Ночью в черном небе пламенели яркие звезды, пощипывал мороз. Грелись у костров. Вдоль волока продувал холодный ветер, но из тайги шли неясные волнующие шумы. Всем своим чутьем казаки ощущали великое пробуждение в природе: в темной бездне неба по-иному ходили облака, легкие, ласковые, в крутых горах ревели сохатые.

Устюженский плотник Пимен, сухопарый мужик с длинными руками, признался Ермаку:

– Если бы ты знал, батько, что творится на душе: каждую весну тревожусь, как старый гусь на перелете, поминаю молодость. Одного жалкую – экие струги кинули у Кокуй-городка, на век ладили.

Глядя на его сильные, проворные руки, атаман улыбнулся:

– Верно. Такие ладьи, всю Волгу проплыви, не встретишь! Но не дотащить их, да и на Жаровле на первое встретят Жмели. Будем живы, этакими удачливыми руками лучшие сладишь...

На яркой зорьке на вершине лиственницы встрепенулась синичка, встряхнулась, разбрызгала серебристые искорки утреннего инея и запела. С ветки на ветку поднялась и, будь здоров, вспорхнула и потонула в сиянии утра.

– Вот она веснянка-вестница! Теперь близко весна, ой и близко! – вздохнул плотник Пимен и передал свою радость Ермаку. – Батька, спешить надо...

Спешили, надрывались из последних сил. Снег сходил. Загомонили ручьи, полозья чиркали о талую землю. Туманы поднимались над понизью, а с казачьих лиц лился пот.

– Гляди-ка, братья, у меня из голенищ пар хлещет! – блестя озорными глазами, пошутковал Охменя.

Тянули до упаду, и все окликали вогула:

– Хантазей, где ж твоя пьяная река, гуляющая вода?

– Рядом: одна ночь – и Жаровля!

На последнем ночлеге, чуть только блеснули багровые проблески, в темной чаше разда-
лось таинственное глуховатое бормотанье: «Чу-фы-ш-ш-ш... Кок-кок... Кок-кок...»

Сразу все оживилось.

– Браты, косачи заиграли!

Ох, тяжел и труден последний путь! Рвались тяжи, полозья засасывало в болото. От над-
сады и нетерпения казаки яростно ругались.

И вдруг сразу распахнулся яр. Под ним, ломая ледяной покров, разлилась река.

– Жаровля! – облегченно вздохнули дружинники.

Савва скинул шапку, перекрестился:

– Ну, теперь, браты, плыть и плыть по стремнине до самого Лукоморья.

Хорошо и весело стало на душе! Весенняя Жаровля тешила ее звоном в лесу, в еланях,
в болотинах, на пойме. А тут, словно заждались, вдруг на север двинулись шумные перелетные
стаи. Стон и журчанье лилось с мирного теплого неба: курлыкая, спешили в дивное Лукоморье
журавлиные косяки. Как легкие далекие парусники в синем океан-море, величественно плыли
на своих белоснежных крыльях лебеди.

Пришел песенный час в этот суровый край – все пело: и оживший лес, и талая, налитая
соками жизни земля, и ручьи, и птицы, и сам чистый, прозрачный, искрящийся воздух!

Перевал давно остался позади. В легком мареве все еще синел Урал-Камень, а впереди
ждала быстрая путь-дорога по шалой воде.

Казаки спустили свои малые плоскодонки; бурная вешняя вода подхватила их и понесла
на восток. Ну, как тут не запеть, если сердце жаждет радости. Ермак взмахнул рукой, и на
ертаульном судне взвилась песня, поплыла над рекой, над лесами, над затонами:

Сине море колыhalося.

Орел с лебедем купались...

И впрямь, в тихой заводи, трепеща крыльями, кружились в брачном танце лебедь с лебе-
душкой. У берегов билась рыба, плескалась, сверкала, ярая вода затягивала на отмели икру.

Река набирала силу. Любо плыть по сильной гулевой воде! Берега были тихи и пустынные.
Зацвели вербы.

Казаки перекликались, просилось им на сердце заветное:

«Здравствуй, весна... Здравствуй, сибирская сторонюшка! А на Руси березол⁸, давно
пасечники выставили из омшанников на солнышко улы, окуривают пчелок. Ох, и веселая
пора, молодость кружит девичьими хороводами, играет в горелки! А тут? Эх, Журавлик –
шалая вода, неси вперед, неси к свет-солнышку, на широкий простор!»

2

По вешнему быстрому Журавлику сплыли дружинники в Баранчу, а по ней спустились
до Тагил-реки. На берегах золотился песок, а над водами поднимались корабельные жаровые
сосны. Ермак позвал Пимена:

– Гляди, сколь звонок лес! Клич плотников, строй струги.

– Ох, батька, поверишь ли, сердце сомлело от радости, – с готовностью отозвался устю-
жанин. – Не струги, а лебедей белогрудых слажу.

Не откладывая, он собрал десятка два плотников, и застучали топоры. Все войско впряг-
лось в работу: валили лес, тесали, тащили на берег, где Пимен по-хозяйски покрикивал:

– Круче, круче поворачивайся!

⁸ Березол – апрель.

На устье Ермак облюбывал холм, и тут казаки стали ставить Новый городок.

– И к чему он нам, если плывем дале? – удивился поп Савва.

Атаман ухмыльнулся в курчавую бороду:

– В молитве и сказаниях силен ты, а в походе дите. Не на гульбу идем, и враг неведом.

При неудаче и удаче городок стодится.

Иванко Кольцо тряхнул кудрями и сказал на это:

– А мы дуrom, батько, Сибирь возьмем!

– Головы казачьи поберечь надо, Иванушка. Без казаков далеко ли уйдешь?

Савва подумал: «Ходит Ермак тяжелой поступью, шаг надежный. Ступит – не отдаст землю. Ходун русский!»

Впереди, на востоке, текла Тагил-река, позади, на западе, в синеве растаял Урал-Камень.

Савва вздохнул: «Придется ли вернуться на Русь? Кто знает?»

Хороша река, раздольна – веселая весенняя дорожка! Куда девались долгие черные ночи? Весенние дни – теплые, радостные и светлые. Вот уже давно погас закат, а леса и берега реки, чудится, затканы серебристой дымкой. Близится полночь, а призрачный свет не хочет уступать темноте. Так до полуночи и царит кругом светлый тихий сумрак. Леса, дремучие, смолистые, стрелой вздымаются ввысь. Не знают тут боры-беломшанники топора. Не шелохнутся сосны, не пробежит ветерок, не тряхнет веткой. На быстрой воде поблескивает рябь, слышны изредка всплески, на отмелях и переборах играет молодой окунь. На розовой зорьке к водопою из лесов выходят олени стада.

Зацвела черемуха, зазеленели приветливые елани, по которым бродят и копаются, добывая корешки для очищения желудка, медведи.

Солнечная, радостная Тагил-река! Струги плыли по течению, и не было больших печалей. По-прежнему шли безлюдные берега. Изредка встречались мирные кочевники. Завидя рать, угоняли стада в урманы. Ни стрел не пускали, ни крика, ни угроз. По укромным местам торговали⁹ вогулы. Добродушным взглядом они встречали казаков, отдавали рыбу, убитого зверя и радовались старому кафтану. Ермак накрепко запретил обижать кочевников. При виде их Хантазей выходил на берег. Неторопко, легкой походкой подходил к рыбалям и приветствовал:

– Пайся, пайся, рума ойка!

И вогулы, становились ласковыми, разговорчивыми.

– Холосо, очень холосо. Тура близко! – оповестил Ермака проводник.

А на заре, когда над лесом догорала последняя звезда, из чащобы на берег вышел древний русский дед, с лиловым носом, с охваченной желтизной бородицей и морщинами вокруг живых, умных глаз. Он смахнул лисью шапку и низко поклонился стругам:

– Никак русские?

– Русские, дедко, – добродушно откликнулся Ермак и приказал грести к берегу. Он удивленно разглядывал старика. – Каким ветром занесло тебя в чужедальнюю сторонушку?

– Искал вольных краев. Шел-брел, утек от бояр-шишиг и тута прижился среди зверья.

Пчелкой тружусь.

– Не тревожат? – пытливо уставился атаман на пустытника.

– Лес без краю, зверья полно, пойдй найди меня. Эх, милый, простор тут для прилежных рук.

– А там что? – кивнул на восток Ермак.

– Дальше, милок, простерлось велие царство сибирское... Кучум-хан, почитай, аж до самой Туры протянул свою тяжелую длань.

– Плывем с нами, дедко? – приветливо позвали казаки.

⁹ Способ охоты, при котором плывут в лодке по реке и бьют притаившегося на берегу зверя.

– Куда, родимые? Ужо-тка я доплываю: мало-то осталось жить. А вам, милые, путь-дорога!

Воды Тагила быстро вынесли струги в Туру. Тихие леса прерывались полянами. Сильно пригревало, и на землю из небесной лазури лилась серебристая песня. В казаке заговорило извечное – крестьянская тоска по земле. Он сияющими глазами вглядывался в даль, где темные холмы дымились испариной. Эх, соху бы сюда!

– Жаворонушка! – млея, прошептал Охменя.

И все кругом было так, как на Руси, даже запах прелой земли казался родным, с юности милым.

– Плыдем! – закричал Колесо.

Ермак повелел:

– Плыть тебе, казак, на поиск. Прознай, что за народ, кто хозяин в краю? Все прознай: и про хозяев, и про коней, и овец...

Вскочил Колесо с двумя казаками в легкий стружок и погнал по струе. У речных стремнин поднимались белесые яры. И по-прежнему не смолкала стройная и величавая песня жаворонков.

Сердце казачье не находило покоя: шумел камыш, то и дело поднимались стаи гусей, уток, охотничье сердце учащенно билось, и глаза Ширились и сияли, будто впервые увидели они дивный раздольный мир.

В тихой заводи казаки схватили рыбака. Татарин в островерхой шапке пал на колени, взвыл.

– Не бойся, говори по душевности, все, как есть! – заговорил с ним по-татарски Колесо.

Вмиг татарин повеселел, прижал руку к сердцу:

– Саям алейкум...

– Будь здрав, – отозвались казаки. – Что за царство?

Рыбак развел руками:

– Тут и там лес и вода, и земля князя Епанчи. Мы его добытки, а он холоп хана Кучума. Велик бог, много воинов у хана! Епанча храбр и хитер!

– Дай шерть, что князьку не донесешь, живым пустим, – дружелюбно предложил Колесо.

Татарин взял горсть влажной земли, приложил к губам.

– Коран нет, землю целую, – страстно пояснил он. – Земля есть жизнь всему. Отпусти, батырь!

– Иди с богом! – махнул рукой Колесо.

Ермак похвалил дозорных за осторожность и обхождение с татаринном.

– Ныне вступили мы в курень хана Кучума, остереженье, отвагу и доброжелательность к простому человеку должны держать в думках! – сказал он на привале казакам. – Не сегодня, так завтра встретим супостата. От первого шага идти твердо – враг поймет, кто идет! Не казаки ноне плывут – Русь двигается! Не добыча ноне манит нас, с пользой для Отчизны должны мы схватиться с ханом – потомком Чингиса. Тот, кто забудет русские ратные обычаи, – тому не место с нами.

Круг молча слушал батьку: знали, куда он вел, во что крепко верил, – был всему голова, разумная голова. И говорил так, что за каждым литым словом его чуялась большая правда.

– Ведомо мне, многие тайно корят меня в жесточи. А как жить среди тревог и врагов без воинского закона? Отсекать потребно вредное, что может погубить наше войско. Так ли сказываю, братья?

– Так, батько, сказываешь, – одобрительно загудели казаки. – Люб нам старый донской закон, от него и жесточь правдивая. Хочешь жить, не щади слабодушного и трухлявого!

Долго еще слышались такие выкрики.

– Вашей волей так и буду делать, братья, – сказал довольный Ермак.

Пылали костры на берегу. Затихла Тура-река. Никто не видел, как в безмолвной поре из-за деревьев высматривали становище дозорные князька Епанчи. Они рыскали по берегу, по тальнику, по камышам, прислушивались, присматривались, выznавая, сколько плывет русских. На быстрых конях мчались к Епанче и рассказывали ему об увиденном. Князек разослал гонцов по улусам. Понемногу стекались всадники в Чинигиды¹⁰ – городок Епанчи.

На закате острый глаз Ивана Кольца заметил на высоком яру конных в островерхих шапках, с круглыми щитами в руках и с копьями. Всадники долго вглядывались в вереницу стругов. В последних солнечных лучах отсвечивали хоругви, медные пушки.

– Браты, глядите! – сорвался Иван Кольцо. – Батько, дозвожь пугнуть!

– Ни тебе, ни другому не дозволю зелье тратить. Придет пора, тогда и пугнем! – ответил Ермак.

И только вымолвил это, над рекой со свистом пронеслась стрела, за ней другая, третья...

– Эко, черти, не стерпело сердце, – выругались казаки и стали сильнее грести. Струги быстро уходили прочь, темные фигуры всадников стали отставать и вскоре исчезли в синеве теплого вечера.

3

Окруженный всадниками, Епанча подъехал к отвесному яру. Тура – веселая река – петляла по заливным лугам, над которыми сокол острым крылом чертил небесный простор. Над синим ельником клубился утренний туман, и от свежести в тело вливалась бодрость. В другое время князь со своими уланами¹¹ ринулся бы в реку, переплыл ее, и пошла бы соколиная охота! Но сегодня он гневно и со страхом глядел на знакомую стремнину и не узнавал ее. «Аллах велик, что за люди плывут? Русь!» – встревоженно думал он.

По Туре вниз бежали десятки стругов, за ними плыли большие лады-насады, быстрые шитики неслись, как щуки в погоне за добычей, а позади шумного и пестрого каравана, поблескивая смолистыми кряжами, тянулся плот. Ржали кони, ревели быки, блеяли овцы, огороженные жердями. Белели мучные кули. У кормового весла, сбитого из трех лесин, стоял бородатый, до пояса голый, могучий, с косматой шерстью на груди, кормщик. Вцепившись бугристыми руками в бревно – потесь, он по-хозяйски кричал:

– Молодцы, держись стремнины!

Трое других бородачей в посконных штанах, напрягаясь, направляли плот подальше от яра.

На берег выбежали ребята, за ними татарки – заголосили:

– Плывут неверные, беду везут. Горе головам нашим!

– Русь!.. Русь!..

Хотелось князьку пустить стрелу, ой, как хотелось! Сдержал себя и уланам пригрозил:

– Затаиться пока надо! – Глаза его блеснули решимостью. – Пусть наша сила сольется...

До ночи крутил он по ярам, не мог оторваться от реки, а с наступлением сумерек князек ускакал в Чинигиды. Малый городок стоял над яром, со степи был окопан валом, обнесен остроколем. Крепость! За тынами глинобитные мазанки, землянки – барсучьи норы. С теплыми днями все откочевали в степь. И теперь, поднимая рыжую пыль, спешили от овечьих отар, от конских табунов лучники с саадаками, полными стрел, копейщики, скрипели арбы, блеяли овцы, – оживал городок.

Мерцали звезды, с реки тянуло реденьким туманом, когда Епанча повел орду вдоль реки к Долгому яру. От него Тура, ударившись в каменную грудь, поворачивала к полуночи. Узка

¹⁰ Место, где стоит нынешний Туринск-город.

¹¹ Уланы – всадники, личная охрана ханов, сибирских князьков.

тут река, стремительна. Зеленый тальник полощет гибкие ветки в струе, а в тальнике укрылись татары. Луки наготове, туги тетины из бараньих жил, упруги и певучи оперенные боевые стрелы. Словно рысь, Епанча ловит каждое движение на реке. Брызнуло солнышко, проснулись птицы, туман поднялся вверх, и, вместе с лебединым криком, по воде разнеслись бряцание литавр и голосистое дыхание труб. И вдруг по озолоченной ярким солнышком дорожке, как легкие лебеди, из-за мыса выплыли казацкие струги. На ветру цветными крыльями развевались боевые знамена. На легком передовом стружке, осененном белым парусом, поставив ногу на борт, стоял, сверкая панцирем, бородатый богатырь и пытливо вглядывался в речную рябь. За ним, распустив паруса, держась середины Туры, глубоко бороздя воду, ходко шли струг за стругом. Ярко сияли доспехи, гулко гудел бубен, разливалась песня:

Не зеленый лес шумит.
Не дубравушка...
Эх, туча черная
Ворогов собирается...

Легкий ветер шевелил бороду казака в панцире.

– Аман-ба! – крикнул из зеленого укрытия Епанча и пустил стрелу. С воем пронеслась она, не задев богатыря. Князек с ненавистью выругался:

– Шайтан голова...

Ермак поднял руку, и сероглазый, с пушком на губе, горнист с вестовой трубой проиграл тревогу. Заговорили певучие дали.

В ответ заныли стрелы: били острием в паруса, в борты. Ильина ударило в грудь, но юшлан не пробил. Он пригрозил кулачищем:

– Гей, волчья сыть, доберусь – расшибу! – и жадно глянул на ертаульный струг. Ермак стоял неподвижно; по стругам летел наказ:

– Беречь зелье. Грести изо всех сил!

Эх, кипело казачье сердце: выбраться бы из стругов да погулять с сабелькой! За долгую зиму застоялась кровь. Но крепко взнуздан волю атаман, ух и крепко!

Так гребли, так старались, что дымились уключины, жгучий пот, как капли вара, падал на днище, а впереди стругов седыми усищами разбегалась волна.

Мыс крутой витухой далеко загнулся, и струги, уйдя от одной беды, наскочили на другую.

Епанча повел всадников вперед, наперерез, к узкой стремнине, где стрела пронесется – пронзит, над Турой.

Вот и струги, не бьют больше в бубен, не шаманят русские, и замолкли литавры. С крутого яра все видно.

– Погибнешь теперь, шайтан-голова! – Князь туго натянул тетиву и пустил граненую стрелу. Будто в ответ забил барабан, и струги замедлили ход.

Рядом с Епанчой, поднимая руки к небу, завыл абыз¹²:

– Аллах вар... Аллах сахих...

Истошно завопили уланы:

– Алла! Алла!

Не сходя с коней, всадники стали бить из луков, иные из них бросали с яра копьа. Пронзили золоченую хоругвь, даренную Строгановыми, троих ранили.

Ермак надвинул шелом поглубже и крикнул раскатисто:

– Бей огненным боем. Пищали, пушки! Э-гей!

Высокий пушкарь Петро с горящим фитилем склонился к пушке:

¹² Абыз – служитель мусульманского культа.

– Давай, матушка!

Казаки приложились к пищальям, и вмиг проснулись суровые, мохнатые берега. Пошел сухой треск, полыхнуло огнем, загрохотало громом и за клубился дым. От пушечных ударов качнулись струги, заплескалась волна о берег и гулкое эхо раскатилось по лесам и реке. С яра метнулся десяток татар – и сразу в омут! На воде расплылись рыжие пятна крови. Епанча прищпорил черногривого, тот вздыбился было, заржал, но сразу рухнул и стал от боли взрывать копытами землю. Свинец угодил ему в пах.

Уланы подхватили князька и вывели из опасного места. Он сжал руками голову и заматался:

– Огнем жгут! Гром слышу, а стрел не вижу. Алла!..

Задние теснили передних, а с ладей снова ударил пищальный огонь. Абыз стонал от ужаса, орал:

– Шайтан, шайтан!..

Застыли сраженные насмерть, бились на земле покалеченные. Орда дрогнула. Через поле бежали обезумевшие, крича:

– Горе нам, горе!..

Князьку подвели свежего конька, он вскочил в седло и, не оглядываясь, помчал по дороге. За ним понеслись уланы, врассыпную побежала орда. Кидали на землю луки, саадаки. Злой, с тяжелым подбородком, татарин бросил вслед князьку копье:

– Тьфу, крыса, не увел от беды. Пусть твоя печень вывалится! – Завидя вопящего абыза, накинулся на него: – Заткни глотку, старый баран, или я тебя отошлю к аллаху!

Абыз вскинул на него глаза, хотел что-то выкрикнуть, но вдруг смолк и смиренно побрел по пыльной дороге...

4

Струги приткнулись к берегу. Казаки живо перемахнули через борты и бросились в погону за Епанчой. Иванко Кольцо расторопно обратал брошенного коня и птицей махнул в седло.

– Э-гей, гуляй, Дон тихий, бурли, Волга-матушка! За мной, братья!

Богдашка Брязга захватил табунок косматых сибирских коньков и стал делить в своей полусотне.

– Тебе, Зук, – карий, Осташке – вороной, Панафидке – серый...

Тут, как из-под земли, вырос атаман Матвей Мещеряк, неторопливый, прижимистый:

– Погоди делить. Дуван войсковой – всей дружине кони, арбы в обоз, бараны в котел, верблюды для поклажи.

Все сметил его цепкий глаз, все пересчитал, вплоть до паршивого козла. Брязга налился кровью, налетел петухом. Мещеряк не отступил:

– Велено батькой. Кони для погони. Аминь!

Что поделаешь, Богдашка опустил голову и отошел в сторону. На коней повскакали из сотни Грозы. Повел он следом за татарами. Уносился Епанча с уланами в свое городище, а следом орде неслись насмешки и улюлюканье.

Из городка той порой потянулись в степь арбы, груженные добром. Гнали баранту, коз. Гроза с сотней пересек путь и пошел крушить. До городища гнал ошалелых беглецов и на плечах их ворвался в Чинигиды. Неказист Епанчин городок, а всего вволю: и шерсти, и рухляди, и баранты. Епанча еле успел перебраться через заплот и на облезлом верблюде ударился в перелесок. Гнал изо всех сил; достигнув березовой поросли, оглянулся и упал духом. Там, где был Чинигиды, к небу тянулись густые клубы дыма.

– Аллах, что будет со мной?

Шумел перелесок, перекликались птицы, постепенно волнение на сердце князька улеглось. Он потрогал голову, провел по лицу и вздохнул:

– Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет пророк его. Счастливое предначертание таится в книге Судеб: моя голова не скатилась с плеч и очи мои видят свет. Хан Кучум накажет неверных.

Покачиваясь, как в челне, он ехал на верблюде и, как мог, утешал себя.

И где проходил его верблюд, на дорогу выходили старцы с белыми бородами, которых пощадили казаки, и укоряли князька:

– Куда бежишь? Где твоя храбрость, бек? Позор головам нашим!

– Молчи, пока есть язык! – грозил Епанча.

– Стыдись, – укоряюще и бесстрашно ответил на угрозу самый дряхлый из старцев. – Я древен и знаю от дедов, сколь грозны были татары при Чингиз-хане! Слабодушный!

Князек направил верблюда, чтобы затоптать строптивного. Высохший, со сморщенной кожей, старик сам упал в прах с криком: «Так повелел Аллах и пророк его записал в книге Судеб!» Но верблюд, шлепая широкими ступнями, с брезгливым выражением обошел его...

Епанча пообещал:

– Я еще встречу с тобой, презренный...

Глава третья

1

Шло лето тысяча пятьсот восьмидесятого года. Казаки, погрузив добычу на струги, безудержно плыли на восход. Дни стояли ясные и долгие. В короткие ночи курились туманы над Турой, над прибрежными болотами-зыбунами, над ерником.

Темные тучи комарья и гнуса не давали житья: лезли в нос, в уши, в глаза. От проклятых невыносимо чесалось тело. Все время оберегались в дыму: жгли влажную ель, гнилушки. С берегов сотни настороженных глаз следили за каждым движением каравана. Волей-неволей все жалось к батьке: «Что скажет он, как решит?» Плыли незнакомой рекой, в стране неизведанной, среди врагов. Еще жива была на Руси память о татарском иге. Много страшных, жестоких сказов пришлось каждому дружиннику выслушать в детстве и юности. Богатырские заставы Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Алеши Поповича, Колывана Ивановича преграждали путь на Русь татарскому злему всаднику. А теперь казаки шли в самое логово, откуда выходили на восточные русские рубежи зловредные хищники. Эх, дорожка сибирская, лесная и труднопроходимая! Сколько слез русских пролито! Тысячи полонян прошли по ней...

Дед-гусяр Власий пел про татарские времена. От его слов загоралось сердце и чудилось, что плывут дружинники на подвиг. И впрямь, ныне каждый день упорно дрались казаки и одолевали козни врага. Плыли струги, а по берегу, скрываясь в березняках, тальниках, камышах, ехали конные татары, и каждую минуту дружинника подстерегала коварная стрела или ловко пущенное копье. Попу Савве граненой стрелой пробило ногу. Он терпеливо вырвал железный наконечник с живым мясом и рану смазал медвежьим салом. «Одна слава – пищали, бьют они немного дале лука, но зато сколь страданий причиняют стрелы!»

Поп Савва отчасти был прав: пищали били немного далее стрелы. Выпущенная из тугого лука стрела насквозь пробивала тесину в струге. И при стрельбе из лука было свое удобство: не надо было зелья; оно то отсыреет, то его ветром сдует, то еще что-нибудь. Кроме того, татары пообвыкли к пищалам. Да и по правде сказать, они уже слышали про огневой бой. Никто иной, а русский воевода Лыченцев после схватки с Маметкулом кинул свои пушки и бежал, а тот подобрал их...

Первого августа заняли Цымгу¹³. Кругом простирались неоглядные заливные луга, на которых паслись тучные стада. И дружина Ермака здесь зазимовала.

Татары в городке и окрестностях не держались крепко за сибирского хана. Об одном лишь тревожились и печаловались Ермаку:

– Кто нас освободит от дани Кучуму? Даже одна собака не служит двум хозяевам, а мы скотоводы и люди бедные.

Атаман принял их учтиво, стоя. Выслушал и внушительно ответил:

– Властью, данной мне Русью, от ясака – податей – Кучуму с души, с дыма, со скота я вас освобождаю. Ныне вдвое меньше будете ставить коней, мяса и рухляди моему войску. Живите мирно, растите стада и ведите торговлю, только без плутовства.

Старейшины поклонились Ермаку в землю. Он поднял их за плечи и каждому сказал ласковое слово.

– А в землю челом мне бить не надо, не аллах я и не хан!

И то понравилось старикам Цымги, что говорил он с ними учтиво и по-татарски.

¹³ Ныне на этом месте стоит Тюмень.

На площадях городка зашумели торги, и казаки оберегали товары. Одного боялись правверные, кабы казаки жен их не сбили с пути верности. Хоть и ходили татарки с закрытыми лицами, но казаков, оголодавших без женской ласки, без теплого слова волновал жгучий взгляд, брошенный, как острие, из-под покрывала. Дворы были отстроены с глухими стенами, улицы – двум арбам не разъехаться, но пронырливые донцы и камские ходуны проникали через все запоры, и случался грех.

Трепетал на осине багряный лист, рдела рябина под еще жарким солнцем. Струги неподвижно стояли на приколе. Неподалеку Тюменка с тихим лепетом вливалась в Тобол. Юрты и землянки лепились подле нее. Над ними тянулись дымки. Понемногу, не боясь казаков, возвращались жители из кочевья.

Казачьи разъезды рысили на дорогах, задерживались в улусах. Татары встречали их покорно. Казаки объявляли им:

- Больше нет над вами власти Кучума!
- Хан до нас не доходит, но тарханы его берут ясак. Как быть?
- Дань и поминки нам по силе будете давать.
- Дашь вам, хан раззlobится и вдвойне возьмет!
- Не бойся, Кучумке не выдадим на расправу. Отошло его времячко!

Кто противился казакам, не давал им хлеба и скота по силе, у тех палили жилье.

Вверх по реке Тоболу добрались казаки на стругах до острожка Тархан-Калла. Тыны, вал, перед ним глубокий ров, а через него – перекидной мост. У крепких ворот стража с копьями и луками.

Иванко Кольцо с десятком казаков выпытывал:

– Кто живет?

Татары ответили:

– Вольный господин, дани хану не платит, только оборонять его обязан, и жители малый ясак дают и князю своему, и Кучуму.

Кольцо подошел к воротам, стража скрестила копья:

– Кто такие, куда плывете?

– Купцы московские, торг ведем. Наслышаны о богатствах вольного господина, хотим торговать. Шли в Бухару, да раздумали. Гляди!

Иванко полез в короб и добыл пестрый платок, распахнул, и жаром обдало стражу.

– Бери, каждому по платку...

Разом распахнули ворота и сказали:

– Торг – большое дело. Наш господин могуч, ничего не боится. Гляди, какой город. В Бухара такой нет!

Стражники провожали до тархана. Казаки приглядывались. Хваленый город Тархан-Калла состоял из берестяных чумов. Брехали одичавшие худые псы, от жилья несло острой кислятиной. В центре – рубленая изба.

– Вот и наш князь. Богато живет, – сказал страж.

Казаки весело переглянулись. Иванко Кольцо напомнил им:

– Главное не в чумах, а в силе. И у нас на Дону плетни да землянки, не в том краса!

Притихли и с почтительным видом вошли в жилище тархана. Изба низкая, дымная, вправо чувал, влево на земле оленьи шкуры, на них грязные перины. Тархан – заплывший жиром, лысый, с лукавым взглядом – сидел идолом на подушке. Лик бронзовый, непроницаемый. Подле, на засаленной подушке, сидел худущий надменный татарин в парчовом халате и собольей шапке. Не поднимая глаз, он перебирал красные четки.

Татарин улыбнулся и сказал казакам:

– Я рад, что не минули мой город и привезли товары.

Иванко, в цветной фезязи, опоясанный шелковым поясом, в шапке с красным верхом, учтиво поклонился хозяину:

– Прослышаны о твоём могуществе и богатстве и не миновали тебя.

Быстрые мышиные глаза тархана перебежали на татарина в парчовом халате. Казалось, они говорили ему: «Теперь сам видишь, сколь я могуч и славен!» Однако надменный гость не пошевелился, и еле уловимая насмешливая улыбка скользнула на его тонких губах.

Иванко приосанился и продолжал:

– Ходили мы в Китай, купили шелка и фарфор, и корень жизни – женьшень, от коего старые молодеют и холодная кровь закипает. Были в Индии – предалекой стране, самоцветы выменяли, да в Рынь-песках ограбили нас разбойники.

– А бусы, запястья есть? – спросил тархан.

– Все есть; если повелишь, враз сюда со стругов доставим!

– Пусть люди несут.

Кольцо вышел с казаком, стражник подошел к ним. Он шелкнул языком и похвалил:

– Хороший покрывало дал мне, но у меня две жены, перегрызлись из-за него, как псы.

Ох, горе мое, как усмирить их? Добрый купец, не дашь ли мне второй?

Иванко внимательно поглядел на стражника:

– Боюсь!

– Не страшись, щедрый гость. Никому не скажу.

– Это добро, – похвалил Кольцо. – А кто у тархана сидит? Повелитель какой? Тархан?

Мулла?

Страж вздохнул:

– Горе наше. Не уезжает вторую неделю: жрет, пьет, разглядывает жен тархана, дани требует.

– А вы гоните!

– О, аллах милостивый, нельзя его гнать. Это – Кутугай, ближний Кучума. Он требует покорности и ясак соболями. А тархан жаден, забавляет его историями, а о покорности ни слова...

Кольцо задумчиво покрутил ус. «Дать ему алый платок, а Кутугая мы на струги сведем, может, позарится на добро наше», – подумал он.

Низко кланяясь, стражник сказал:

– Щедрый господин, теперь я пойду успокою своих жен, а страже велю пропустить тебя, когда только придешь...

Казак Трофим Колесо притащил на широкой спине большой короб. Иванко Кольцо вскрыл и извлек из него штуку алого атласа, ловко, по-молодецки, махнул рукой, и кипучей, жаркой волной перед тарханом взметнулись нежные складки тонкой легкой материи.

– Глянь, всемогущий властелин, сколь прекрасно и как ласково облечет женское тело! – Иванко провел ладонью по атласу. – А вот иной товар – радость для сердца прекраснейших женщин на земле! – И он стал быстро выкладывать и расхваливать зеркала, ларцы, ожерелья, монисты, банки с пахучими мазями.

Кутугай презрительно кривил губы, а глаза его полны были насмешки. Он, как стервятник на кургане, сидел не шевелясь. Все эти кольца, зеркала, ленты его не прельщали; глаза его потускнели и были безучастны.

Кольцо выхватил из короба цветные, тисненные золотом кожи и хлопнул ими одна о другую. Посланник Кучума неуловимо перевел взгляд на свои мягкие, зеленого сафьяна, сапоги. Они потускнели, пообтерлись. Ханский сборщик огорченно вздохнул.

Тархан рылся в дешевых зеркалах, лентах, прижимал к груди цветные кожи и сладостно шептал:

– Я буду платить вам лучший соболь. Ох, какой соболь! Неси еще товар, мне надо много, очень много, я имею двенадцать жен, и одна из них – золотой месяц на небе.

Иванко полез в карман, достал кожаный кисет. Потряс им и высыпал на ладонь яхонты, смарагды, изумруды. Искрометным огнем блеснули камни.

Тархан потянулся к самоцветам.

Серьезным тоном Кольцо предупредил:

– Осторожней, великий господин, это не просто камни! Они талисманы: одни из них приносят ненависть, другие помогают, если украсить ими грудь красавицы, вспылать страстью к мужу.

– Ах, купец, давай мне такой! – сторая от нетерпения, воскликнул тархан, и в его мышинных глазках сверкнула жадность.

– Вот он, всемилостивый, – показал Кольцо на яхонт, сыпавший маленькие молнии, когда его поворачивали перед светильником. – Это чудодейственный самоцвет. Но сила его велика только тогда, когда сам обладатель талисмана украсит грудь той... самой желанной.

– Аллах, ты посылаешь мне великое испытание! – возопил жирный тархан. – Что делать мне, если Юлдуз-хатун третью неделю не допускает меня взглянуть на ее лицо! Пусть будет так: идем, ты возложишь самоцвет на мою любимейшую жену.

Он повел Иванку в соседний рубленый дом. И там в углу, за коврами, шла самая ожесточенная перебранка. Тархан положил пухлые руки на живот, предупредительно посмотрел на Иванку:

– Ты слышишь, это щебечет она, моя козочка! – с умилением сказал он. – Юлдуз, моя услада, я пришел к тебе...

– Пошел прочь, плешивый ишак! – капризно закричала певучим голосом жена. – Ты надоел мне!

Кольцо поперхнулся от смеха, но овладел собой.

– Юлдуз-хатун, ты не знаешь, кто вошел со мной? Тут купец, который принес самые красивые перстни и самоцветы.

– Что же ты раньше не сказал мне! – недовольно выкрикнула женщина и распахнула ковер.

Иванко обомлел, вытаращил глаза – такую красавицу он видел впервые.

– Ах, что я наделала! – Торопливым движением она закрыла лицо, но казак успел заметить темный пушок на ее вздернутой пухлой губе, белые зубы и нежный подбородок. Кольцо прижал руку к сердцу и не знал, что сказать. Из-за ковра в него впились пять пар жгучих глаз, но ярче всех горели глаза Юлдуз. Он достал самоцветы и разложил на куске черного сукна. Жена тархана не в силах была оторваться от сверкающих камней.

– Давай ей, давай, – торопил тархан. – Не видишь, что ли, как сияют ее глаза!

Иванко взял крупный яхонт и приложил его к груди красавицы.

– Пусть принесет он тебе счастье и любовь! – сказал он по-татарски. – Счастлив твой муж, что в доме своем имеет такой алмаз.

Она вздохнула и, лукаво прищурился глаза, шепнула казаку:

– Он счастлив, но как несчастлива я...

Тархан пыхтел. Он любовался женой и камнем.

– Эх, где моя молодость, – сказал он. – Я хорошо скакал на коне, был любим женщинами, потому что был силен, ой, как силен!..

– Что ты все врешь! – перебила его Юлдуз-хатун. – Ты и в молодости никуда не годился. Хороший наездник и в старости виден по осанке.

Кольцо покрутил ус и выложил еще лучший камень.

– Бери от меня, от моего сердца, – еле слышно сказал он.

Десять сияющих глаз любовались легкой походкой сильного казака, рядом с которым, задыхаясь, тяжело топтался тархан. Когда казак скрылся из глаз, Юлдуз опустилась на ковер и прижала к сердцу яхонты.

Тем временем Иванко воспользовался случаем и со всей учтивостью сказал Кутугаю:

– Я вижу, тебя не радуют мои товары, мудрый визир великого хана. Если ты пожелаешь прийти ко мне на струги, увидишь иные дары.

Алчность овладела мурзой, и он кивнул головой:

– Я готов идти за тобой, купец!

И они пошли к Тоболу. Кутугай взошел на струг, и его окружили казаки. Мостик сняли и подняли парус.

Кучумовского придворного усадили в камору и крепко закрыли дверь.

Мурза стучал и грозил, пока не охрип. Увидя мешок, набитый травой, он уселся на него и затих.

– Аллах, ты положил моей жизни предел, – спокойно рассудил он. – Я угодил в руки разбойников, и меня ждет мучительная смерть. Так написано в книге Судеб, да будет прославлено имя твое! – Мурзак презрительно смотрел на казака, который приносил ему в камору пищу. Когда же с ним пожелал поговорить Иван Кольцо, он высокомерно отвернулся.

Чтобы не проявить слабодушия, Кутугай совершил положенный намаз и тут же, растянувшись на мешке, заснул.

Но каково было его изумление утром, когда его разбудили и повели со струга. Он шел и узнавал город Цымгу. Кутугая ввели в лучший шатер, и навстречу ему поднялся величавый бородатый человек, в чекмене, опоясанный дорогим поясом и в желтых сафьяновых сапогах. Он усадил Кутугая рядом с собой и цветисто сказал:

– Я несказанно рад тебе и твоей мудрости. Славен сибирский хан! Во всей вселенной я знаю двух могучих властителей: русского царя и сибирского хана. Бью ему челом и очень кручiniusь, что не довелось побывать у него в Искере и воздать ему хвалу. Ныне на Русь собираюсь плыть и расскажу там о силе хана и мудрости его мурз. Я не богат, но прими от щедрот наших!

Казаки по приказу Ермака выложили перед Кутугаем ценные дары: добрые бобровые шубы, связки соболей и сукна.

– Бери и будь здоров! – поклонился атаман. – Плыли в одно место, а попали в другое. Чую, беспокойство учинили, на том пусть хан простит. А ему – мой дар! – Ермак вымахнул из ножен клинок и вручил мурзаку. Тот вспыхнул от дива: под лучами солнца, упавшими на узорчатую грань стали, на булате сверкнули тысячи крохотных молний.

Сердце Кутугая не выдержало: безразличие и надменность словно вихрем сдуло с его лица.

– Хан будет рад такому поминку. Я успокою его...

В то же время в душе мурзака кипела злость на тархана: «А этому я отомщу! – подумал он. – Жаден, чванлив и сердце его – сердце ворона, клюющего падаль».

Дары уложили в короб и поставили перед Кутугаем, а сами стали собираться в дорогу. На стругах подняли паруса, и они надулись под упругим ветром. На носу ладьи стоял Ермак и махал шапкой Кутугаю...

– Батька, – осторожно подступая к Ермаку, обратился Кольцо. – Поплывем в Тархан-Калла и возьмем его!

Атаман сел и, положив жилистые длинные руки на колени, пытливо и долго смотрел на Иванка.

– Да что ты глядишь так? – Не по себе стало Кольцу. – Город мал, берестяной весь, тыны ветхи, враз петуха пустим, как не было его!

– Так, так, – в раздумье поддакнул Ермак. – А потом тархану башку долой, возмутим его родичей, а сами дальше поплывем?

– А хошь бы и так! – тряхнув чубом, подхватил Кольцо.

– Не будет сего! – решительно отрезал Ермак. – Тархан поперек горла хану стал. Кутугай на него еще хану Кучуму наплетет. Выходит, не будет он за хана драться, а потешит свою душу, когда дознается, что мы Кучума колотим. Негоже нам, Иванко, бить каждого без разбору. Силушка наша не только в огненном бое и храбрости казачьей, а и в разумном познании замыслов человека. Надо все знать и все обернуть в свою пользу. Не только мечом, а и словом надо убрать одних врагов, а обхождением не делать себе других. Одним гызом¹⁴ не возьмешь. Зашли мы в другое царство, и вижу, что государство это не единым духом и плотью спаяно. Лоскутное царство! Сам видишь, вогулич Хантазей не пойдет за Кучума, а остяки тож не шибко льнут к нему, да и татары не все воедино, каждый норовит сам для себя, как бы уйти в сторону от Кучума. Вот и подумай над тем, Иванушка, как все это на свою пользу повернуть?

Во рту Иванки пересохло. О другом думал. Красавица Юлдуз-хатун зачаровала его своими очами. И кажется, нет краше женки на свете. И все казалось проще самого простого. Но вот Ермак по-иному повернул думки Кольца. Ничего не скажешь против этого. Иванко склонил голову.

– Так, батько, – согласился он, а на душе стало грустно – приходилось забыть черноокую Юлдуз.

2

В Искере хан Кучум встревожился недобрыми слухами. Прибежавшие с Туры рассказывали разное, но можно ли верить им? Кстати подоспел в становище Кутугай. Он въехал в Искер важно, в дорогом халате, на арабском коне. У ханского шатра он сошел с седла и пополз к ханскому трону. За ним слуги внесли короб, и Кутугай, уткнув бороду в прах у ног хана, возопил:

– Солнце наше, согревающее сердце своих рабов, великий хан, я прибыл издалека и вел речь с тем, о ком столько говорят. Прими дары и выслушай меня.

Кучум спокойно ответил:

– Я ждал тебя, мой слуга. Говори!

– Вот клинок, который прислал тебе торговый гость из Руси.

Хан взял булат и воспаленными глазами уставился в него. С минуту он сосредоточенно смотрел на клинок, потом взмахнул им. Приближенные восхищенно воскликнули:

– О чудо! Но не знак ли это войны?

Кутугай горделиво поднял голову:

– Нет! Щедрый и умный русский гость смиренно кладет к ногам хана свое оружие. Он просил доброй дороги и сейчас спешит на Русь.

Кучум прижал булат к сердцу.

– Этот дар напоминает мне юность! Кто смеет прийти сюда с оружием? – самоуверенно сказал хан и, протянув руку, положил ее на плечо Кутугая.

– Аллах не оставит твоего усердия!

Мурзы завидовали Кутугая, но они не знали душевных тревожений хана. Кучум, хотя и виду не подал, но не верил в сообщение сборщика ясака.

Когда придворные мурзы удалились из шатра, он послал слугу за звездочетами. На зов явились три седобородых бухарца в высоких конусных шапках, испещренных таинственными знаками и звездами. Они держались величественно и сказали хану:

– Ты звал нас, просвещеннейший повелитель. Мы готовы служить тебе.

¹⁴ Гызом – нахрапом, угрозой.

Кучум долго приглядывался к прорицателям. Ни тени волнения на их лицах.

– Поведайте, что сулит мне судьба? – тихо попросил хан. Его желтое морщинистое лицо выглядело усталым и печальным. – Вчера прискакал из дальних улусов мурза и поведал мне тревожные вести. Что предвещают они? О чем говорят ваши звезды?

Старейший астролог выступил вперед и развернул пергаментный свиток:

– Мудрый хан, мы все ночи напролет не спали и наблюдали за светилами, и они все рассказали нам. Тот, кто приближен к тайнам, знает многое. В Бухаре мы долгое время служили повелителю, не было случая, чтобы не исполнилось предсказанное.

– Он говорит истину, – чинно поклонились хану два других звездочета. – Только избранным аллах открывает пути Вселенной и звезд в небе и на земле!

– И вот мы составили гороскоп, милостивый хан, – снова сказал старший астролог. – Ты можешь сам судить, куда уклонился Марс! Он мечтает о крови. Сочетание созвездий говорит нам, что чужеземцы вторглись в благословенную землю и будет несчастье. – Астролог протяжно вздохнул. – Ох, горе головам нашим, но светила небесные сулят помощь аллаха тебе, и ты будешь непобедим...

Старец говорил долго и витиевато. Зажав виски ладонями, Кучум силился понять сказанное и не мог. Внутри у него все закипело, хотелось пнуть в тощий зад астролога ногой и выгнать его из шатра, но хан только шевельнул ладонью, давая понять, что беседа окончена. Астрологи удалились. Хан сказал рабу:

– Мы с тобой лучше звездочетов знаем свое будущее. Надо слать гонцов по улусам и сзывать воинов. Этот русский пришелец силен и лукав...

3

С каждым шагом берега становились оживленнее. Конные татары, не скрываясь, скакали по берегу рядом со стругами.

– Аман-ба, русский смерть ищет! – задираясь и сверкая острыми зубами, кричали наездники.

– Э-гей, она у тебя за плечами, гляди! – звонко отзывался Иванко Кольцо, стоя на носу ладьи. – А у меня она э-вон где! – взмахнув клинком, показывал он. – Враз благословлю!

– Эй, донгуз, наш абыз помолится, и конец тебе!

– Абыз свиное ухо обгрыз! – схватившись за бока, хохотал Иванко.

В ответ оперенная стрела сбила шелом у Кольца. Иванко хватъ пицаль, поднес к ней огонек, и, будь ласков, татарин протянул ноги. Но не бежали сейчас прочь другие и не дивились больше на невидимые стрелы. В ответ пускали тысячи остро отточенных стрел. Лихо доводилось!

Пимен – кормчий и строитель стругов, – намазывая медвежье сало на кровоточащие раны братьев, по-старинному пел:

Под березынькой, под белой
Нашла женка своего ратничка.
Эх, свово ратничка...

Голос у него грудной, ласковый.

Порубан молодец меж бровей булатом:
Закрылись очи милые...
Век мне помнить теперь того ратничка,
Ох, родимого...

На сырой, на истоптанной копытами сырой земле
Да лицо его помертвелое, алой кровью залитое.
Да глаза его соколиные, ветром жгучим запыленные...
Эх, ты за что, да про что под березу лег!..

Казачи дружным хором ответили Пимену:

Лег на землю родную, за отчизну!

По лесу пошло эхо. Впереди шумела вода. Кормчий насторожился, поднял руку:

– Тихо, не дыхни, братья!.. Так и есть!..

Пимен передал кормчее весло другому, а сам перешел к батьке.

Ермак поднял глаза от воды и душевно сказал кормчему:

– Хорошо пел, за душу взяло. Ничего нет сердечней русской песни. Что лежит на сердце, того не купишь...

– Батька, – откашлявшись, сказал Пимен. – Останови струги. Догадка есть – поставили татары под водой рыбий зуб – остроколье, чтобы ладейное дно вспороть. Я на долбленке сплыву, дознаюсь.

– Добро, – согласился Ермак. – Выводи, Пимен, из беды.

Все выглядел старик и вернулся быстро.

– Ну, дело известное, – оповестил он. – Сам поведу своих лебедей.

Опять подняли паруса, и Пимен, став на носу, вскинул руку. Кормщики зорко следили за ней. Чуток повернет ладонью старик, и струг податливо следует вслед мановению. Сорок стругов след в след летели по темной реке. И видел Ермак, как мелькнули в воде волчьей пастью острые колья, торчком навстречу, но струги, скользнув бортами, пронеслись мимо.

И, когда последняя ладья проскочила, кормчий не утерпел, скинул шапку и закричал на всю реку:

– Э-гей, на крылышках промчали!

Хантазей пыхнул дымком и сказал:

– Большой голова батырь, и руки нашел хорошие. Гляди, скоро еще река – и тут стерегись!

В июльское утро раздалась Тура, блеснули воды Тобола. Здесь и подстерегали татары. Шесть князьков с ордами поджидали Ермака. Трое из них вели всю рать: Кашкара, Варвара и Майтмас. Все они были дородные, с бронзовыми лицами, и властные. Не скрываясь, на устье реки поставили шатры и приглядывались к стругам. Ермак хорошо видел этих князьков с большими крепкими скулами, узкими косыми глазами. «Не такие ли на Русь водили свои орды? Вот и кони их, невысокие, с широкой грудью и тяжелыми копытами. Не на таких ли эти безжалостные мурзаки топтали русские поля и плетью хлестали полонянок?»

В татарском стане заиграли в зурны, глухо забил бубен.

На стругах заревели трубы, зарокотали барабаны. Звуки катились над равниной, как вешние воды. Леса отошли назад, раскинулась степь, и по ней носилось множество всадников, горько дымили костры.

От берега оторвался челн и поплыл наперерез стругам. В нем стоял татарин в пестром халате и махал рукой. Ермак хмуро посмотрел на посланца:

– Допустить!

Глаза вороватые, сам хилый, согнулся и руку к сердцу прижал, заговорил быстро, захлебываясь. Толмач стал переводить речь, но атаман сказал:

– По-татарски и сам знаю.

– Я ничтожный слуга Варвары послан к тебе, – продолжал татарин. – Повелел тебе господин выйти на берег и просить у него милости. На Русь живым отпустит и выкуп не возьмет. Великий и всемогущий аллах наградил моего господина властью и силой. Видишь, сколько войска собралось у него? Куда пойдешь, что сделаешь? Хочешь жить, проси пощады, целуй сапог моего господина...

Глаза Ермака потемнели. Усмехаясь, он ответил татарину:

– Опоздал твой мурзак на долгие годы. Пусть бьет челом нам – Русь сюда пришла, и земли, леса, воды станут тут для вогуличей и остяков вольными. Иди, пока не всыпали плетей, не ведает твой мурзак, что говорит. У нас на Руси таков обычай – никто и никому не лижет сапог. А кто и лижет по своей трусости и подлости, того народ не чтит и зовет срамным словом.

Ермак говорил медленно и спокойно, не спуская глаз с посланца.

– И не пугай нас смертью, – продолжал он. – На сибирских перепутьях она не раз поджидала нас, да отступала, ибо не вывести русский корень ни смерти, ни лиходею. Передай своему владыке: коли храбрый он, биться будем!

Темной ночью казаки выгрузились со стругов, быстро окопались, и на брезжущем свете, только погасли в татарском стане костры, сотни пешим строем пошли на слом. Татары встретили их косым частопадом стрел. В середине толпы на тяжелом вороном коне выступал Варвара в сверкающей кольчуге. Он сердито кричал и гнал копейщиков плетью на русскую рать. Ермак стоял на холме под стягом Егория Победоносца. Он правил боем. Махнул рукой, и с берега ударили три пушки, ветер понес пороховой дым. Татары заматались, но князьки с уланами неустрашимо двигались вперед и гнали толпы. Распаленные муллами фанатики шли с короткими кривыми мечами, их крики слились в протяжный вой. Они резались смертно. Савва палицей вертел над головой, не допускал к себе врагов. Впервые он встретил такое множество их, и дух его дрогнул. С горящими ненавистью глазами татары подбирались к нему, как звери к жертве. Худо довелось бы попу, но выручил Брязга с казаками. Вертлявый, черномазый, он и сам походил на татарина, крича по-татарски, колот, рубил, резал турецким ятаганом. Его молодцы кидались в кипень. Любо было глядеть на опытных и бесстрашных воинов. С противником, равным по силе, долго кружились, как коршуны в схватке; карауля роковой миг, подстерегая оплошку, всаживали нож или саблю в самое сердце.

Внутри у Ермака все ходило ходуном. Сесть бы на коня да помчаться в горячую яростную волну, навстречу Варваре. Видать по всему, тот – воин. Да нельзя уходить с холма! По бою угадывалось – умен и хитер враг: он слал конницу и на полдень, и на север, чтобы охватить дружину. Но Ермак крепко держал боковые рубежи. Впервые он встретил достойную силу, и хоть трудно доводилось, но лестно было выстоять в такой схватке.

Бились весь день, и только ночь разняла врагов. И будто договорились: во мраке жгли костры, оберегались, но ни стрела, ни свинец не перелетали в чужой стан. На заре затрубили в трубы, забили в барабаны и снова сошлись в кровавой сече. Вот русские отбросили татар, но Варвара тут как тут – ведет новые толпы и теснит казаков.

Жалко было зелья, но Ермак наказал бить из пушек. Видя, что татары измотались и близится решительная минута, он сам повел на приступ. Атаманы первыми кинулись на валы, и настал тот миг, когда как бы внезапно иссякла татарская сила.

И тут казаки пошли на слом.

Князь бежали с поля, за ними устремились их воины. Один Варвара решительно осадил коня на перепутье и хлестал бегущих тяжелой плетью. Но что мог поделывать он в этом хлынувшем ревушем потоке людей, объятых ужасом смерти.

Издали он заметил плечистого, коренастого воеводу с курчавой бородой и угадал в нем Ермака. И тут Варвара не изменил себе; в последний миг он всадил нож в свое сердце и свалился с вороного коня.

Ермак подошел к нему и встретился с тускнеющим взглядом князя. Еле шевеля губами, Варвара сказал:

– Не поведешь меня за своим конем на Русь!

Атаман склонился над ним, дал испить студеной воды.

– Отходишь? Жалко. Такого воина и на Руси чтут...

Князь не ответил, его глаза стекленели, и коричневое лицо выражало спокойствие.

– Сего татарина похоронить с воинскими почестями! – сказал Ермак, снял шлем и поклонился телу врага.

Весь день после битвы Матвей Мещеряк подсчитывал добычу и грузил на струги. Все глубже и глубже оседали они.

– Потопишь ты нас своей жадностью! – упрекнул его Никита Пан.

Мещеряк по-мужицки, озабоченно, почесал затылок, моргнул серыми глазами:

– Ноне в коренную Сибирь выплываем, вода глубока и сильна, выдюжит и понесет нас, голубушка, плавно и легко!

И вновь лебяжьей стаей поплыли струги, а татарские орды опять постепенно собирались и шли берегом вслед. Кругом развернулись сибирские просторы, и ждали казаков трудности великие...

4

Хантазей в долбленке уплыл вниз и вернулся через три дня озадаченный. Ермак позвал его к себе:

– Ну, бедун, рассказывай, что видел?

Вогул сбросил шапку, лицо изъедено комарами. Закурил трубку, прищуренные глаза честно уставились на атамана.

– Мой далеко плавал. Чинигиды большой есть, там сидит мурза, хану дань платит, хану поклон бьет. Везде татары кричат: «Идет русский!» Везде войско, боятся казаков, как зверь прячутся, чтобы из куста стрелу пускай.

Ермак выслушал взволнованную речь Хантазея. Его твердые, холодные глаза, словно синевато-серые льдинки, сверлили Хантазея:

– Ты не договорил мне, что на реке делается!

Вогул склонил голову, помолчал.

– Есть нехоросее: Алысай, поручник Кучума, перегородил реку цепями, караулит русских.

– Вот это и неведомо нам было. Подумаем, как перехитрить. А еще что?

– Есе дознался от вогуличей. Есть князыцы Каскала Алысай и Майтмас, стрелу посылал с класным пелом, звал на войну. Ждет воинов там, где Тура впадает в Тобол.

Ермак покачал головой:

– Эх, сколько наворочали! Ну, так и быть: и в Азове цепи на Дону татары ставили, да казак, что налим, и через цепи плышет...

Он вздохнул, томила жара. У казаков скулы потрескались на солнце и шелушились, как чешуя вяленой рыбы. Трудно было грести днем, а ночью тучами напал гнус. Он был страшнее зверя. Только что миновали оленью тушу на берегу.

– Комар заел, – с усталостью сказал Хантазей. – Лайка теперь слепнет от комар. Э-хе...

Река огибала извилистые утесы, а вправо приволье – луга, озера. Ермак приказал нарубить хворосту, вязать пучки.

Погасли белые ночи. Казалось, весь мир погружался в кромешную тьму. Казаки собрали старые кафтаны, вогульские парки и надели на хворост.

– Добры чучела, – похвалил атаман и велел рассадить по стругам, а кругом поставить плетешки – оградку из плетеного тальника, да посадить рулевых.

– На вас вся надежда. Не кланяться татарской стреле, плыть прямо на цепи!

Сам он с дружиной неслышно пошел в обход татарской засаде. К той поре над лесом нежно зарумянился край неба. Выпала крупная медвяная роса. В предутренней тишине из невидимого улуса к реке плыл горьковатый дым чувала. К воде вперевалочку брели две утицы.

Из-за меловых утесов показались паруса стругов. Плывут безмолвно. Все видит и слышит Ермак. Паруса растут, розовеют. Вот и цепи, – подле них струги дрогнули и потеряли строй. И сейчас же берег усыпался татарами. Впереди Альшай. Он махнул саблей и закричал:

– Алла! За мной! – и кинулся в воду. За ним полезла орда.

Запели стрелы, замелькали топоры.

– Э-ха! – ухватился за борт струга Альшай. – Пропал казак! Э-ха!..

Тут князек раскрыл от изумления рот, вылупил глаза:

– Шайтан, где же казак?

В спину загремели пищали: дружина ударила в тыл.

– Гей-гуляй, братья! – разудало закричал Богдашка Брязга. – Вот коли пришла пора. Ржа на сабельку села. Эй, разойдись!

Он легко, с выкриками, выбежал на топкий берег. За ним не отставала его лихая, драчливая полусотня и первой сцепилась с татарами резаться на ножах.

– Бей с размаху! Руби! – гремел в другом конце голос Иванки Кольца. Его сабля, свистнув, опустилась на плечо татарина. Тот упал, обливаясь кровью. А Кольцо продвигался в толпе врагов и, горячий, сильный, рубил наотмашь.

У борта струга вынырнула голова Альшай. Он отчаянно взвыл:

– Аллах вар...

В этот миг кормчий – усатый казак Хватай-Муха – долбанул его веслом. Князек пошел на дно.

Савва перекрестил разбежавшиеся по воде круги:

– Упокой, господи, его душу окаянную... Ах ты, дьяволище! – вдруг крепко обругался поп. – Гляди, вынырнул-таки супостат!..

Альшай вылез из воды и, оскалив зубы, бросился на Савву. Поп подоткнул холщовый кафтан, сильным махом выхватил меч и скрестил с булатом князька.

– Ох, худо будет мне! – почувствовав добрые удары, спохватился Савва. – Лихо рубится сатана!

Плохо довелось бы попу, да на счастье подоспели ордынцы и оттащили прочь своего князька, заслонив его собой. С ними-то Савве впору потягаться. Он вскинул над разлохмаченной головой тяжелый меч и под удар выкрикнул:

– Господи, благослови ухайдакать лешего! – и разворотил противнику череп. – Матерь божья, глянь-ко на того идола. Ух, я его! – И, как дровосек топором по колоде, саданул мечом по второму. Тот и не охнул. – Святитель Микола, неужто терпеть мне и этого лихозубого! Во имя отца и сына! – С размаха он ткнул третьего в живот.

Любуясь ударами Саввы, Ермак похвалил:

– Добр попина, хлесток на руку. А ежели бы хмельного ему, тогда и вовсе сатана!

Савва и без хмельного осатанел: шел тяжелой поступью и клал тела направо-налево. Татары бежали от него.

А рядом сотня Грозы сошлась с татарами грудь с грудью. Бились молча, жестоко. Никто не просил о пощаде. Гроза бил тяжелой палицей, окованной железом. Сдвинув брови, закусив губы, он клал всех встречных.

На Пана налетел конный татарин. Вымчал неожиданно-негаданно из березовой поросли, и раз копьём по сабельке! Выпала она из рук атамана. Не растерялся Пан, не раздумывая,

схватил татарина за ногу, сорвал с седла, и пока тот приходил в себя, выхватил из-за голенища нож и всадил его в самое сердце врага. Потом вскочил в чужое седло и закричал на все ратное поле:

– А ну, жми-дави, чертяка! – Почуввав сильную руку, конь заржал, поднялся на дыбы и давай копытами топтать татар.

– Эх, ладно! Эх, утешно! – загорелось сердце у Мещеряка. Схватив дубину, он врезался в орду...

– Грабежники! На Русь бегать, селян зорить! – ярился Матвейко и бился беспощадно.

Алышай, мокрый, оглушенный, еле ушел в лес, за ним, огрызаясь по-волчьи, отступили ордынцы.

Казачи валились от усталости. Косые длинные тени легли у лиственниц. Солнце уходило за холмы. Где-то в чаще бился о камни, бурлил и звенел ручей. Птицы накричались и напелись за день, теперь смолкли. Темный лес был полон вечерней тишины, смолистых запахов и коварства. Ермак не велел идти за татарами.

Кормчие провели струги за протянутые через реку цепи. Налетевший ветер слегка покачивал ладьи, они поскрипывали. Казачи вернулись на места. Наступил благословенный час, когда натруженные кости воинов обрели покой. Блеснули первые звезды. На берегу под ракистой раздавалось печальное пение: поп Савва отпевал трех убиенных казаков. Шумела листва, синий дымок смолки из кадилницы висел над обнаженными головами.

Матвейка Мещеряк с десятком воинов собирал на бранном поле брошенные татарами юшланы, саадаки, щиты и копья. И, что греха таить, снимал сапоги и халаты.

– На тот свет и так добегут! – говорил хозяйственный атаман.

Раненых перенесли на струги, и снова поплыли. Было тихо на воде и в лесу, только на стругах повизгивали уключины.

Глава четвертая

1

Татары на время притихли, от беспрестанных схваток утомились и казаки. Многие из товарищей остались лежать в одиноких безвестных могилах. Невольно в душу просачивалась тоска. Тучи комаров и гнуса донимали казаков, особенно страдали раненые и больные. Не хватало кормов. Перебивались полбой, кореньями, стреляной птицей да зверьем, доедали заплесневелые сухари.

Тихо доплыли до устья Тавды. Широкая темная река вливалась в Тобол. Заходило солнце, и хвойные затихшие леса по берегам были угрюмы и мрачны. Разбили стан, разожгли костры. Проводники, показывая на реку, говорили:

– Глубокая река, люди плавали вверх до Югорского Камня. А за ним, перевалив его, попадали в Пермскую землю.

– Русь! – сразу у многих защемило сердце.

Тут и прорвалось у недовольных.

– Хватит плыть дале! Остались в рубище, голодные, пора на Русь ворочаться. Что припасли из рухляди, с нас и будет! – гаркнул на весь стан Петро Копыльце, молодой, но уже плешивый повольник.

– Чего орешь, шакал! – прикрикнул на него Гаврюха Ильин. – По петле соскучал? До Москвы тебя не довезут, топором голову оттяпают и на Чердыни!

– Ты погоди, казак, грозить! – вмешался в спор Артем Задери-Хвост. – Не пужливы мы. Солевары извечные, навидались строгостей и у Строганова! Обсудить надо. Хана нам не побороть. Велика орда, и зря задираем ее. Топор на Руси ждет, а в сибирской стороне либо от стрелы, либо от голода могила! Эх, ты! За каким же лядом идем? Незачем.

– Врешь ты! – сердито перебил его атаман. – Ведет нас дело!

Кормщик Пимен встал рядом:

– Верное слово сказано: ведет нас дело, а не грабеж!

– Какое такое дело выискалось? – запальчиво прокричал в ответ Копыльце. – У казака одна удаль и потеха – за зипунами сбегать.

– А я вот хочу Руси послужить! – сказал Пимен.

Артем Задери-Хвост хватил его за бороду.

– Боярам да купцам задумал служить? – заорал он. – Я тебе послужу, схвачу топор да по днищу. Вот и плыви тогда на стругах.

Пан ухватил за руку Артема – хрустнула кость.

– Не тронь кормщика! Без него и тебе тут грош цена.

– Браты! – злее прежнего заорал Артем. – Атаманы нас обманули!

Тут уже поп Савва не удержался и рывкнул во всю могучую грудь:

– Браты, слушайте меня, шатость до добра не доведет. Кто, как не атаман, сделал нас силой. Не забывайте, други, среди врагов мы!

– Катись ты, долгогривый. Брысь отседова! – закричали смутьянщики.

Поп засучил рукава, стиснул кулаки:

– А ну-ка ты, орясина, тронь только! Выходи, померяемся! – Глаза Саввы стали злы, колючи. Расправил плечи, борода рыжим парусом – диковинный силач. – Я те за порух товариства башку оторву! – погрозил он Артемке.

– Зачем зашли в такую даль? – закричал рязанский Куземка Косой. – Плыли-плыли и заплыли на край света. Не хочю пропадать. Гляди, браты, от невзгод голова сивой стала!

– Это верно! – закричали сразу десятки голосов. – Пропада-а-а-мм!..

– Вши заели!

– Раны замучили!

– На Русь!

– Эко просторы, земля без конца-краю, а нас горсть. Растопчут татары!

Люди горячились, злобились. Позади, в толпе, эти речи сдержанно слушал Ермак. Ватага зашумела яростней, в людской толчее кто-то с рывка ударил атамана Грозу в бок кулаком.

Атаман вскинул руку:

– Станишники, аль я вместе с вами к Астрахани не ходил? Кто по горячему палу шел без воды пять дней? Кто мстил за слезы русские? А кто все предал? Я, что ли? Ермак? Иванко Кольцо? Дешево расценили, мы не продажные.

– Не продажные! – поддержал Савва. – Мы волей избрали их атаманами!

В круг напористо протолкался Ерошка-солевар с белесыми бровями. Ростом малый, а сильный и злой. Схватил с головы шапку – и оземь:

– На грабеж, что ли, шли? И кого грабить? Татарские мурзак с ордой налетают на Русь и бьют. Кого бьют? Мужиков, женок, ребят малых наших. Строгановы за крепкими стенами отсидаются! Нет, родимые, мы с Камы тронулись вольности искать. Триста лет мы в татарском ярме ходили, сбросили его. Далё идти надо, на простор...

– Долой его!.. На Волгу, на Дон радости хлебнуть, родной сладкой водицы испить!

Грудь с грудью сошлись, кругом взбешенные лица. Ерошка-солевар кричал обидчику:

– Привык жировать с кистенем на разгульной дороге. А ты попробуй, трудом помозоль руки! Чую, Ермак на светлую дорогу тянет. И куда ты на Русь пойдешь, пустая головушка? Против течения тебе скоро не выгрести, а тут Тавда станет! На Камне, чай, на горах снег скоро ляжет!..

– Не слушай его, уговорщика, братья! – злобился Петро Копыльце. – Поддай нам сюда атамана. Кто наших на Серебрянке в прорубь пометал? Он – жильный зверюга! Его самого в куль да в омут!

– Где он? Пусть сунется. Я первый его саблюкой по башке!

– А ну-ка, ударь! – осадил буйного властный голос. Ермак сильным движением раздвинул толпу, выхватил из ножен тяжелый меч.

Горлопаны шарахнулись в стороны: вот крякнет и пойдет Крестить булатом! Атаман взялся за лезвие и рукоятью протянул меч Копыльцу:

– Эй, удалой, сорви-башка, руби голову своему атаману.

Петр Копыльце побледнел, стоял опустив руки.

– Ну, чего же притих? – громовым голосом спросил Ермак. – Али слаб разом стал?

– Да что ты, батька? – пролепетал Артемка. – Да нешто мы... Так только, покуражились. Аль такого николи не бывало на казачьем кругу?

Атаман бросил меч в ножны и отвернулся от смутьяна.

– Казаки! – обратился он к вольнице. – Я выбран громадой и веду войско, а не баранье стадо. Что губы распустили, из-за чего перегрызлись? Атаманы, сотники в спорки схватились, в муть гущи подбавили. Где ваша воинская рука? – Гневным взглядом Ермак повел по толпе.

Казаки притихли, понурясь стояли младшие атаманы и сотники.

– Слухай меня, войско! Вот крест святой, – Ермак перекрестился. – Или пойдете, как воины, или всех до одного смутьянов на осине перевешаю! Не дам русские хоругви позорить, над воинской честью надругаться. Войско! Все слушайте: за трусом смерть приходит! Уходить отсель, когда полцарства повоевали и до Кучума рукой подать... Да что вы, шутки шутковать? Погибели хотите? Надо вершить до конца затеянное! Не о себе пекусь, об отчизне, о каждом из вас. И куда отходить? На старой дороге – бесхлебье, а по новой – по Тавде – не выходит. Дуроплясы только могут звать на белую гибель. Морозы, горы, и нет пути в эту пору. И при-

стало ли унывать нам, коли бьем врага? И ведомо вам, что не все Кучуму преклонны. Есть народы, что чают избавиться от хана...

Иванко Кольцо согласно кивал головой: «Что скажешь против слова батьки? Правда в нем!» Незаметно толкнул Савву в бок:

– Притихли люди, пробрало?..

– Пробретет, – тихо ответил поп. – Умеет; не мытьем, так катаньем... Так и надо, коли взялся за гуж!

Ермак продолжал:

– Выбран я коренным атаманом. Чуете?

– Чуем! – в один голос отозвалась дружина.

– И говорю я вам – волен я в ваших жизнях. Помыслы ваши и мои едины суть будут: идти на Кучума! Атаманы и сотники, в походе не грызутся воины! Дружина сильна единодушием. Тот, кто нарушил воинскую клятву, вносит смуту и шатость, того, не мешкая, всенародно казнить. Пусть знает каждый, что его ждет за измену! И еще говорю вам – утром плывем дальше, на восход. Будет так, как сказано!

Копыльце завыл, как волк в морозную скрипучую ночь. Его и других сомутителей повязали и увели в лес. Никто не перечил.

Иванко Кольцо подумал взволнованно: «Страховито! Батько кровью умывается! – И тут же себе ответил: – А как иначе? Пусты повод – разбредутся».

На синем рассвете погасли костры. Дружина убралась в струги. Подняли паруса и поплыли по желто-мутному Тоболу к буйному и широкому Иртышу.

В улусах – тишина, пусто. Откочевали татары на пастбища, а вогулы и остяки бродили по лесам. На привалах конопатили струги, смолили. Кормщик Пимен всем верховодил. У каждого струга было свое имечко, и его ласково называл старик.

Ертаульный струг звался «Молодец». У него бок помят – новые тесины ставили. У «Дона» течь открылась – конопатку сменяли. Чинили паруса, продырявленные стрелами. Много стругов – сотни забот. Матвей Мещеряк за добром следил, чтобы не подмокло, не сгнуло; казаков распекал за нерадивость. Дни стояли жаркие, безоблачные.

Иван Кольцо, лежа в мураве, издали разглядывал работу ладейщиков, казачий стан у реки и синие дымы костров, а мыслями был далеко – в Тархан-Калла. Все виделось ему призывные очи Тархановой женки. «Ах, Юлдуз, Юлдуз, зря отцветают твои дни! Можно ли приласкаться к старику? – От ревности распирало казачью грудь. – Суров, жесток батька, не хочет он знать человеческого сердца. Что бы дать полста казаков! Сумел бы Иванко раздобыть коней и вернулся бы вихрем в Тархан-Калла. И ничего ему там не надо, кроме черноглазой Юлдуз-хатун!»

Вспомнилась Ивану его сестра Клава – такая же горячая и беспокойная сердцем, как он. Нашла ли она свое счастье или сгинула на Волге?

На берег внезапно выехали три конника. Иванко вскочил: «Татары!» Хотел крикнуть о сполохе. Однако признал своих из полусотни Богдашки Брызги. Третий промеж ними на коне – пленник с повязанными назад руками. Подскакали казаки ближе и закричали:

– Встречай, братья, мурзака поймали!

Татарин был в цветном кафтане, в шапке из темного соболя. Сапоги из красного сафьяна, изукрашенного серебром. За поясом клинок с золотой насечкой. Иванко Кольцо пошел следом и не сводил глаз с пленного. Лицо острое, желтое, борода – клинышком. Глаза веселые.

«И чему радуется пес? В полон угодил, какая в том корысть?» – подумал Кольцо.

Татарина ввели в шатер к Ермаку. Атаман сидел на барабане. Вскинул на пленного глаза.

– Кто такой? Как звать? – спросил он по-татарски.

Пленник глазами показал на связанные руки.

– Освободить!

Татарина освободили от ремней, потянулись за его клинком. Ермак повел бровью:

– Сабельку при нем оставить!

Пленник поклонился атаману:

– Таузан зовут. Слуга хана, торопился собирать дань.

– Велик ли ясак? – заинтересовался Ермак.

– Туразик¹⁵ дает десять соболей, хабарчик¹⁶ – столько же!

– Велика дань, – сказал атаман. – Много же, видать, хану надо?

– Много, много! – охотно подтвердил Таузан. – Большой, царство, великий хан.

Ермак подумал, наклонился вперед и спросил:

– А как царство хана строится? Видать, ты человек смысленный, коли сам хан доверил тебе собирать ясак. Расскажи!

Таузан поднял руку, отогнул мизинец:

– Это семья – звать кибитка, юрта. – Тронул следующий палец: – Улус – десять, двадцать семья, сколько есть в одном месте. – Подняв безымянный перст, сказал: – Все семьи в поколении – волость! – Указательный палец Таузан поднял: – Орда. Все поколения соединились.

Наконец, он кивнул на большой палец и пояснил:

– Сибирский юрт! Все царство. Сидит на юрте хан, ой, большой хан! Город Искер – силен, ой силен! – Глаза татарина плутовато бегали.

– Ишь ты, как царство свое построил! И в ногах тако ж, – вымолвил Ермак и спросил Таузана: – При хане много вельмож?

– Ой, сколько вельмож! Бухара такой пышность нет. Гляди-считай: князьки, тайджи¹⁷, мурзы, ахуны, сеиты, карачи думные, кюряганы¹⁸. Ой, много! Столько, сколько звезд на небе!.. За саблю благодарю, вели коня отдать?

– И коня, и все тебе отдадут, только не стражай нас ханским войском. У Кучума воинов – сколько проса, но и всякое семя поклевать можно. Идем, тебе покажу, как это творится! – позвал Ермак мурзу из шатра.

Окликнули полдесятка казаков – добрых пищальников. Повесили на кол железную кольчугу, и атаман приказал стрелять.

Грянули пищали и насквозь пробили кольчугу.

Мурза развел руками.

– Аллах велик, но такого дива не видел.

Татарину стало страшно. Косил глаза на Ермака, стараясь по его лицу угадать свою судьбу. Но атаман дружески положил руку на плечо пленного:

– Будь гостем! – Он ввел его в шатер и посадил рядом. Поставили яства, и Таузан жадно поел.

– Хороший хозяин, большой воин. Хвала аллаху, что встретил такого! – льстил мурза.

Ермак озабоченно спросил:

– Как здрав хан? Думал сам навестить, да уж припоздал, спешу на Русь.

– Хан стар, глаза плохо видят, гноятся, – охотно отозвался Таузан. – Но у него тайджи Маметкул, у того глаза острые, рука твердая, храбр, как барс, и яростен в битве. Нет ему равного во всей сибирской земле. Горе тому, кто встретится с ним в ратном поле!

– Кланяйся ему, – спокойно сказал Ермак. – И поведай, жалкую, сильно жалкую, что такого лыцаря не повидал. А вогуйичи, остяки и другие – добрые воины?

– Плохи, – с нескрываемым пренебрежением ответил мурза. – Они не хотят за хана воевать, плохо ясак платят, мусульманской веры не признают, идолам кланяются. А идолы

¹⁵ Туразик – один женатый.

¹⁶ Хабарчик – двое холостых.

¹⁷ Тайджи – титул татарских царевичей.

¹⁸ Кюряганы – родичи хана.

у них каменные или деревянные, бывают и медные. Шаманят перед ними, губы мажут кровью и жиром.

Ермак встал и велел принести лучший кафтан и меха. Принесли голубой кафтан и пышных черных соболей.

– Соболи – поминок хану и мурзам, а тебе кафтан!

Сам Матвей Мещеряк напялил на Таузана суконное одеяние, поморщился и подумал: «Ему бы, идолу, пинок ногой в зад, и катись к лешему, а тут батько речи разводит!»

Мурза коснулся правой рукой лба, потом сердца и поклонился Ермаку:

– Аллах пошлет на твоём пути удачу. Хан пожалеет, что не увидит столь знатного иноземца. Я скажу всемилостивому о твоей щедрости и силе!

К шатру подвели коня. Мурзак проверил, все ли в целости. Тщательно ощупал седло из красного сафьяна, сбрую с золотыми бляхами и молодого взобрался на скакуна.

– Будь здоров! – махнул шапкой Ермак, и Таузан тихо, рысцой пустился по дороге. За лесом он погнал коня быстрее. Мысли в голове его летели одна за другой, как сновидения. Он был поражен и подавлен: «Что скажу я хану? Не посадит ли он мою голову на кол у своего шатра?» Однако, ощупав в тороках мягкую рухлядь, Таузан повеселел. Из предосторожности он снял голубой кафтан и бережно сложил его. «На все воля аллаха. По лицу хана увижу, что сказать ему!»

Глава пятая

1

В этот памятный день хан Кучум встал не в духе. Сильно донимали старческие немощи и острая резь в больных глазах. Все надоело ему, но сильнее всего давало знать о себе старое тело. Рядом, за пологом, уткнувшись носом в подушку, сладко посапывала жена. Она жирна, обрюзгла, и хан с отвращением подумал: «Отгулялась в гареме на пуховиках, как кобылица на пастбище!»

Когда-то он подолгу любовался женами и наложницами и для каждой из них находил ласковое слово. Семь жен осталось у него: Салтынык, Сюлдеджан, Яндевлет, Аксюйрюк, Актаг мун, Шептан и Сузге. Все они ушли из сердца. Осталась лишь одна – гордая, веселая царевна Сузге. Она стройна, не оплыла еще желтым нездоровым жиром и, хвала аллаху, бесподобно пляшет!

Он, Кучум, понимает толк в женской красоте и в придворных обычаях, при которых жены и наложницы всегда являлись украшением трона и от века играли в жизни восточных властителей большую роль.

Толпа слуг и мурз окружала его, славословила. Он искренне верил, что достиг невиданного могущества и что столица его ханства, Искер, недоступна самым дерзким полководцам. Ханский город расположен на кручах, обнесен тынами, окопан валами и рвами. Две пушки, с таким трудом доставленные из Казани, грозно смотрят на запад. Увы, до сих пор бухарские пушкари, присланные эмиром в дар, ни разу не выстрелили из них! Но они обещают сделать это, и тогда над Иртышом прогрехочет гром, сотворенный рукой правоверного. Искер – недоступен, так повелел сам аллах, а хан, осененный разумом полководца, многое сделал для того, чтобы враг не мог подойти к нему незамеченным. На западе, на востоке и на пути в Бухару много городков окружает Искер-Кашлак. В каждом из них сидит преданный и умный мурза. Вот один из них сидит в Аттике и зорко следит за тем, чьи суда и ладьи плывут по Туре. Он знает, что происходит на Руси, за Каменными горами. Он, как пес, привязан к хану, потому что старшая дочь его Салтынык – жена Кучума. Разве это мурзаку не лестно? Разве ему не выгодно это? Немного поближе – городок ханского думчего, Карачи. Этот хитер, тщеславен, и жадность его ненасытна. Он пресмыкается перед ханом, хотя мечтает убить его и сесть на его место. Мурза Карача недоволен Кучумом за дочь Сайхан-Доланге, которую он прочил в жены Маметкулу, а хан сделал ее только своей наложницей.

О, Кучум, Кучум, ты устроил все как хозяин и властелин большого государства, но ты нажил себе коварного, изворотливого врага! Мурза Карача непременно обманет тебя. У него под каждым льстивым словом спрятаны две змеи... Но и Карача дрожит за свой городок, владения и поборы. И он ненавидит русских и не допустит их сюда, к Искеру-Кашлаку!

Неподалеку от устья Вагая стоит рубленый городок князя Бегиша. Он предан хану, – и тут не пройти врагу. Князь Бегиш – воин, и он умрет у ворот своего городка, но не впустит в него чужого. В ишимских степях среди кочевников собирает ясак мурза Чангул. И еще есть мурзаки, дородные, хитроглазые, думающие только о себе, но сытость и наслаждения в жизни у них крепко связаны с процветанием Искера. Не будет его, хана Кучума, – и побьет их любой враг, сделает рабами.

Он властной рукой подмял под себя народы полночных стран. Остяцкие и вогульские князьцы везут в Искер редкую дорогую рухлядь. Они не смеют подойти к шатру Кучума, ползут и угодливо смотрят в лицо хана...

Кучум встал с ложа, раб подал ему узкогорлый кумган с подогретой водой, и хан совершил положенное Кораном омовение. Он сотворил краткую молитву и сел на возвышение. Задумчивость не сходила с его лица. Слуга раздул угли в мангале, благодетельное тепло стало наполнять шатер. Горделивые мысли постепенно овладели ханом: «Двадцать пять лет я властвую тут, и все покорны мне, а я непокорен Руси. Я изорвал письмо русского царя и казнил его сборщиков дани. Пусть знает, силен Кучум!»

Перед мысленным взором хана промелькнули его обширные владения. Все татарские племена, от Исети и Тобола до верховьев реки Оми и озера Чаны, подвластны только ему и шлют ясак, дань идет и с низовьев широкой Оби и даже с берегов Ледового моря, где полгода царствует мрак и горят сполохи, и там, в стране полунощи, трепещут перед ним! Подать везут и барабинцы. И каждые юрта, река, становище хороши своими дарами. Охотники Севера приносили в Искер темных соболей, шкурки серебристых бобров, красных и черно-бурых лисиц, выдр, горностаев и белок.

Степняки пригоняли чистокровных коней, при виде которых у ханских джигитов захватывало дыхание. Поднимая тучи пыли, оглашая степь блеянием, спешили стада ясачных овец и баранов. Ханские приемщики отбирали самых жирных, с нежной шерстью.

Идоломольцы Васюганских болот, которым хан разрешил молиться своему грубо раскрашенному, рубленному из дерева болвану, были самые дикие и доставляли Кучуму дань добрыми шкурами, шерстью и конями. Имамы не могли проникнуть в их гнилые болота, чтобы насадить среди васюганцев мусульманство.

Величие и богатство окружали хана. Чего ему еще надо? То, о чем мечталось в юности, все сбылось. Он имеет много рабов и наложниц. Ему навезли их с Руси, из Бухары. Казахи доставили сюда красивейших девушек; из Горного Алтая старый князь Тулай, женатый на дочери Кучума, прислал ему в обмен на соболя и бобровые меха караван с девушками. Ах, беда – глаза хана заволокло туманом, он плохо видит прелести наложниц! Быстрыми перстами он обежал алтаек. Низкорослые и малоразвитые телом, они имели прекрасные лица с темными жгучими глазами. Они много курили и пили арачку – были самые нетребовательные и самые простодушные.

Табиби¹⁹, прибывшие из Бухары, уверяли Кучума, что юное тело и дыхание девочки всегда не только согревает, но и молодит старческую кровь. Они читали перед ним древнюю еврейскую книгу Бытия, и там утверждалось, что это так! Иудейские цари – и воинственный Давид, и мудрый Соломон – клали себе в постель малолетних юниц-наложниц. Мог ли хан Кучум не верить этому, если так написано в книге Бытия? И уж очень хотелось ему верить в то, что можно продлить молодость и горячие страсти, ради которых и стоило только жить!

Самый мудрый ахун говорил хану:

– Женщина – ядовитая радость. От нее хмелеет сердце человеческое и кружится голова. Но что поделаешь, если плоть человека сильна и без греха скучно жить!

Ахун часто вздыхал и вместе с Кучумом вечерами любовался пляской наложниц. Хан сидел на троне, а седобородый досточтимый ахун и хитроглазые, заплывшие жиром мурзакки – у ног повелителя. На исцвеченном ковре, под бумажными китайскими фонарями с нарисованными драконами, при ярком свете наложницы и рабыни, увешанные серебряными монетами, запястьями и монистами, побрякивая ими в такт, плясали легко и неслышно. Кучуму казалось, будто в тумане скользят прелестницы рая, обещанного ему ахуном. Ему сказывали, и он сам убедился, что самые красивые и синеглазые, самые душевные и добрые пленницы были из русской земли. Волосы у них кудрявые и мягкие, как лен, и длинные, как водоросли в степных озерах, руки чистые и теплые, а песни их брали за душу. Каждая из невольниц и рабынь пела

¹⁹ Табиби – врачи.

на языке своей родины песни своего народа. И каждый мотив звучал по-своему, необычно и прекрасно.

Особенно полюбившимся наложницам хан дарил городки-крепостцы, отстроенные на окрестных холмах. Так Сузгун-Туру он подарил прелестной Сузге, которая была его последней любовью. Красивая и очень умная, она держалась гордо и властно. Но Сузге прекраснее и честнее всех женщин, окружавших Кучума. И в Бицик-Туре, и на горе Алафейской, и в Абалаке стояли шатры, где жили в затворничестве красивейшие наложницы и жены. Он являлся сюда со всей пышностью восточных властелинов. Его несли в паланкине, а впереди бежали скороходы. Нарядные мурзы на конях сопровождали его; каждый из них считал это великой честью.

Увы, бешено бежит время и разрушает все, даже самое прекрасное! Старшие жены отжили свой век – отяжелели или высохли, зубы их черны от табака, а дыхание вызывает лишь отвращение; молодые целыми днями валяются на пуховиках, без конца едят сладости, доставляемые бухарцами, и постепенно гаснет их жажда к ласкам. Они становятся злы, тупы и холодны. На их густо и грубо нарумяненные лица время усердно кладет густую паутинку морщин, их тело тоже становится дряблым...

Не оттого ли сегодня хан хмур и недоволен? Он обошел шатер, перебирая янтарные четки. «Все тлен и предано тлену. И все призрачно, как призрачен туман над болотами!» – огорченно подумал хан и подошел к зеркалу. Давным-давно он выменял его у китайского купца на соболей, а потом пожадничал – велел уланам нагнать купца в горах и отрубить ему голову. И зеркало, и соболи остались в шатре Кучума. «Вот оно! Посмотрим, что оно скажет мне?»

Лучше бы хан не смотрел на свое отражение! Узкая бритая голова высохла, видны жгуты синих жил. Кожа – желтая и сухая, как древний пергамент. Лоб – в глубоких морщинах, глаза гноятся. Опухшие воспаленные веки дрожат. Ниже подбородка, как грязные тряпицы, болтаются дряблые складки.

И все-таки не от этого особенно хмур сегодня Кучум. Тревожные мысли сверлят его мозг...

Как-то в Искере побывал бухарский купец. Недобрую весть принес он. Боялся купец сказать все открыто и долго говорил Кучуму притчами и загадками. Лишь под конец, когда хан пригрозил посадить его на кол, он повалился в ноги и возопил:

– Велик аллах, милость и щедроты его неисчерпаемы. Все пути злодеям в твою благословенную землю он преграждает, но старое, забытое тобою зло дало свой корень. Из Бухары собирается сюда, в степи, как злой волчонок, Сейдяк – сын Бейбулата!

Четки выпали из рук Кучума. Раб быстро поднял их и подал господину. Стараясь обрести душевный покой, хан нервно перебирал янтарь. Он сидел на троне с замкнутым лицом, опустив веки и прислушиваясь к своему сердцу. «О чем стучит оно? Страх, гнева не было в нем. Нужно предупредить события: Шейдяк – сын Бейбулата смертен, как и все люди. Разве с ним не может приключиться смерть еще до выхода из Бухары?»

Хан слепнет, но разумом он видит далеко. Если свои глаза плохо видят, Кучум пошлет соглядатаев. Никто не узнает, что у него есть верные люди, которые всегда сделают так, как хочет он! В Искере они делают обычное дело и почти не показываются на глаза придворных. Цирюльник Хасан бреет головы правоверных и слушает их болтовню, и все, что говорят ему, он хорошо запоминает. Гончар Ибрагим постукивает по своим горшкам, зазывая покупателя, но он столько же интересуется твоими изделиями из глины, сколько хан Кучум думает об остяках. Гончар может обжигать не только горшки, он может заилить рот свинцом тому, кто много знает и неугоден хану. И не только это может сделать Ибрагим. Нож в его преданной руке может в любую минуту прикончить мурзака, если на этом несчастном остановится хмурый взгляд Кучума. И есть еще третий, самый ловкий и сильный, – Абдурахман. Он глашатай ханских указов. Горло его крепче верблюжьей глотки, а руки подобны железным тискам. Этот не упустит жертвы, если она к нему угодит. Он умеет усладить Кучума страданиями неугодных ему людей.

Трех самых преданных он позвал в Бицик-Туру, где уселся под лиственницей и рассказал им свою печаль, и они в тот же день, снарядив верблюдов, отправились на юг.

Вечером с высокого минарета мулла выкрикивал голосисто:

– Я ху! Я хак! Ля иллях илла ху!²⁰

А глашатай на площади рассказывал народу:

– Хвала аллаху, очам хана стало лучше, но он отправил караван в Бухару. Не только целебные мази нужны ему, но и забота о народе гложет его сердце. Они добудут там дешевые ткани, оружие и медные сосуды для правоверных!..

Только полуголый дервиш – святой человек – захохотал и сказал толпе:

– Кто поверит тому, что лиса перестала гоняться за зайчатами. Старому волку захотелось свежей крови...

На другой день дервиш больше не появлялся на площади. Никто не видел его и в караван-сараях. Что стало с ним? Спрашиваемые пожимали плечами и отвечали безразлично:

– Люди появляются и уходят, как облака по течению ветра. На все воля аллаха!

И вот прошло уже много времени, а выбывшие с караваном все еще не возвращались. Что произошло? Это волновало хана. Но больше всего тревожили русские, перевалившие Каменный Пояс и плывущие сюда. Вот о чем и не хотелось думать, а все же думалось, думалось... Не сбываются ли предсказания его звездочетов, знахарей, и не о том ли вещают страшные сны?

2

Уже давно к нему пришел старый татарин, много ездивший по стране и еще больше слышавший. Он принес кусок дерева с белой корой и сказал хану странное слово:

– Береза!

Мало ли деревьев растет в его обширном царстве – хана ничем нельзя удивить. Но в этот раз он насторожился и повторил:

– Береза! Почему у нее белая кора? Я никогда не видел этого дерева здесь!

Татарин поднял глаза и ответил хану:

– Такое дерево никогда раньше не росло в Сибири. Оно пришло из-за Камня. Крепкое и живучее дерево перешагнуло горы, высокие скалы, перешло реки, не побоялось вьюг, морозов, и вот оно здесь. Видишь?

– Вижу. Что это значит? – насторожился Кучум.

– Ты не поверишь, мудрейший, мне, – с легким укором сказал старый татарин. – Ты оставил старых богов, совершил обрезание и прогнал в Васюганские болота старца-шамана Кукджу. А он мог все сделать, отвести всякую беду. Он все знал, старик, и выжил злого духа из утробы твоей дочери Лейле-Каньш. А ведь все отреклось от нее – сказали, что у ее ног стоит смерть. Кто, как не Кукджу, вернул храбрость тайджи Маметкулу? Я недавно видел старца. – Татарин отодвинулся от хана, но тот не поднял руки.

– И что же сказал тебе Кукджу? – охрипшим голосом спросил Кучум.

– Он сказал мне: белое дерево – береза всегда идет впереди белого человека – русского. Раз оно перевалило Камень, следом за ним придет русский, а затем их царь. Худо будет нам, хан!

И тут хан вспомнил, почему под утро на сердце вдруг пала невыносимая тоска. Все дни он ходил встревоженный недобрыми вестями и всякое передумал, а ночью видел страшный сон. Будто он сидел на яру и хорошо видел пределы своего царства. И вот из Иртыша, с татарской стороны вышла на остров черная собака, а с московской, с Тобола, – белый волк. Они грызлись до утра, кровью покрылась вода, а Иртыш метал огненные искры. И что было страшнее всего –

²⁰ То он! Он справедливый! Нет бога, кроме него!

на Искерском холме вдруг встал московский город с белыми церквями. Что все это значило? Ученый сеид объяснил хану, что он сильно обеспокоен и потому такие странные сны.

«Кто же может прочесть в книге Судеб мое будущее? – с отчаянием подумал хан. – Сеид, может, и знает, но дорожит головой. Худое он не откроет, а хорошему хан не поверит. Ох, горе мое, горе!» И, обратясь к татарину, он спросил:

– Где же ты видел шамана Кукджу?

– Дай свое высокое слово, что не казнишь его, – распростерся у ног хана татарин.

– В том мое великое обещание, – торжественно произнес Кучум.

Татарин поднялся и сказал:

– Сто лет шаману Кукджу, белая борода, которая растет от самых глаз его, точно мох на старом пне, пожелтела, как шафран, но ум его стал обширнее, и он видит далеко вперед, что не открыто смертному. Скажу тебе тайное, хан. Старый Кукджу прибыл с Васюганских болот в улус Карачи. Мурза держит его как дорогого гостя. И надо признаться перед твоим чистым ликом: Карача и старец все еще преклонны к старым богам и молятся им. И подумай – они поклоняются святой Оби и буйному Иртышу!

Кучум теребил реденькую седую бородку. Он сидел в шелковом халате с большим кругом на груди, на котором были вышиты изречения из Корана. Он сложил руки на коленях и задумчиво опустил голову. Так сидел он долго, и татарину показалось, что хан уснул. Вдруг Кучум поднял голову, прислушался, как волк на охоте, и тихо сказал татарину:

– Приведи ко мне старого Кукджу!

Гость с суеверным страхом поглядел на хана: «Не знает ли он, что шайтанщик близко?»

Кучум кивнул:

– Ты, старый пес, наверное, и сейчас укрываешь его. Не бойся, Кукджу мне потребен немедленно!

Сухой и маленький шайтанщик, с седыми волосами, заплетенными в косички, переступил порог ханских покоев и упал в ноги Кучуму.

– Пощади ради старости, и боги оберегут тебя! – вскричал он.

Хан с презрением покосился на него. Кукджу лежал распростертым, его сухие коричневые руки походили на древесные корни. «Повержен в прах», – подумал и успокоился хан. Он кратко поведал о сне.

Шайтанщик начал дряблым голосом:

– Я уже спрашивал своих богов, что это значит.

– Как? Ты знал о моем сне?! – удивленно вскричал Кучум.

– Я знаю все, и боги мои поведали сказать тебе, хан, что белый волк с Тобола – это русский атаман из-за гор, а черная собака – мы, твои данники и слуги. Волк порвет черную собаку – так я читаю в книге Судеб. Хан, ты знаешь, что Кукджу не врет!

Кучум был встревожен, дрожащие руки его быстро перебирали четки, но все же он поднял гордо голову и крикнул, чтобы слышали все, кто подслушивал там, за пологом, его беседу с предсказателем.

– Ты лжешь, старая сова. Как ты можешь читать в книге Судеб, если твои очи совсем плохо видят! – И, ехидно улыбаясь, закончил: – Я вернее предскажу твою судьбу!

Хан захлопал в ладоши, и тотчас у входа выросли два сильных улана.

– Схватить его! – указал им на старика хан. – Он хочет покоя. Пусть мои степные кони размечут в поле его тело во имя бога милостивого и милосердного!

– Будет по-твоему, хан! – поклонились уланы и взяли за шиворот старца.

Они увели Кукджу, а хан все еще сидел задумчивый и грустный. Он походил на старого коршуна, который одиноко сидит на кургане и еле дышит. Полузакрыв глаза, хан прислушивался к своему сердцу.

За пологом опять зашевелились, и в тронную вошел раб. Низко склонившись, он оповестил:

– Милость аллаха на земле, только что прискакал мурза с важной вестью!

– Впусти! – приказал хан.

В шатер, шатаясь от усталости, вошел Таузан. Он был в бухарском халате и лисьей шапке. Мурзак повалился ниц.

– Великий хан и милосердие среди правоверных, выслушай горестные вести!

Кучум окаменел: он ждал грозы, но как скоро она пришла! Сохраняя величие, он надменно сказал:

– Никакие горестные вести не могут потрясти ни меня, ни мое царство. Я силен и могуч, а царство мое границами упирается в края вселенной. Говори, Таузан!

Мурзак поднялся, стоя на коленях, поведал хану:

– Тебе известно, мудрейший хан, что из-за Каменных гор появились русские воины. Они плывут на ладьях. Неверных не так много, но они крепкие и плечистые люди. Они неумолимо сокрушают все на своем пути. Горе нам!

Кучум поморщился и не сдержался:

– Откуда слышал эту сказку? Ты умен, и многое тебе мною доверено – говори только правду. Что сам видел и слышал ты?

– Они стреляют не из луков. В руках у них посохи: из них идет дым и гремит гром. Стрел не видно, а люди падают мертвыми. Крепкие панцири и кольчуги пробивают невидимые стрелы...

– Шайтан! – вскричал хан. – Мы имеем пушки, но бухарцы не могут пустить из них гром и смерть! Пусть покажут мастерство! Или отсечь пушкарям головы! Еще говори, Таузан!

Тот низко поклонился:

– Дозволь, премудрый хан, передать подарки, которые послал тебе русский воевода.

– О! – в удивлении уставился в мурзу Кучум.

– Он просил сказать тебе, радость живущего на земле, что торопился к тебе в гости, – льстиво продолжал Таузан, – да боится холодов, и теперь он плывет обратно в Пермскую землю.

Хан повеселел, шевельнул ладонью:

– Внесите подарки!

Внесли тюки и развязали их. Хан схватил ярко-красное сукно и поднес к мутным глазам. Он ощупал материю, скомкал ее, пробовал разорвать и не мог.

– Добрый подарок! Еще что?

Таузан выложил перед ним парчу, ленту и клинок. В эту минуту вошли мурзы и Маметкул. Тайджи взял клинок, но Кучум сказал:

– Этот меч ханский!

Маметкул нахмурился, но сдержался. Мурзы и военачальники уселись полукругом перед лицом Кучума. И он сказал:

– Аллах посылает нам испытание. Из-за гор идут русские воины. Они хотят отнять у нас наши владения, рабов, лишить всего. Быть войне! Шлите гонцов с золотыми стрелами по всем рекам, городкам, улусам и юртам. Пусть наши данники спешат сюда, к Искеру. Воинов здесь ждет слава и почести. Мы побьем неверных и воевод их предадим мучительной казни. Маметкул, ты поведешь это войско! Ты лихой наездник и кровь Тайбуги, тебе – честь покарать дерзких!

Все молча выслушали приказ хана.

– Так будет, многомилостивый, как сказал ты! – встали и низко поклонились мурзаки, а с ними склонился до земли и Маметкул.

– А теперь идите! – кивнул хан на полог, и все степенно, пятась к выходу, удалились из шатра. И как только скрылся последний мурзак за пологом, Кучум позвал:

– Юсуф!

Вошел раб, и хан повелел извлечь из сырой ямы-темницы русских.

В глубокой копани на дне сидели трое русских, обросших лохматыми бородами, в истлевших одеждах. Тайджи Маметкул привел их на аркане из набега на Пермскую землю. Полгода назад они выглядели богатырями, а сейчас шевелились тенями. Захвачены они были в поле. Один из них был горщик, добывал руду, второй пушкарь, а третий – солевар.

Ни угрозы хана, ни пытки не страшили их. Под бичами, исполосованные до костей, они молчали. Мурзаки выведывали у них короткие дороги в строгановские городки и в Чердынь. Синеглазый с льяными волосами усмехался и отвечал допросчику:

– Попробуй добраться сам, тогда все изведает!

Ослабевший от пыток, он плевал мурзаку в лицо.

Второго подвешивали за ноги и говорили:

– Ты, пушкарь, покажи, как стрелять из пушек, мы отпустим тебя и дадим коня!

– Не надо мне ни вашего коня, ни басурманских обещаний, я и так убегу, а пушками владеть не умею.

Ему выбили глаз, голова его покрылась струпьями от ран, но он молчал. Когда мурзак насмешливо спросил: «Русский, как тебя зовут?», он скривил губы и озорно ответил: «Зовут зовуткой, величают уткой...»

Солевару разорвали рот до ушей, но он все ругал уланов и грозил:

– Всех не перебьешь, а Кучума не спасешь. Солоно ему придется от Руси.

– Откуда знаешь, что сюда идут русские? – удивленно спросил допросчик.

– Ужо-тка знаю! – уклончиво ответил солевар.

Русских полонян почти не кормили и часто пытали. Они доживали последние дни. Уланы, которые стерегли их, всегда старались копьём разогнать их по разным углам узилища, чтобы своим дыханием они не согревали друг друга. Сегодня, в сырой октябрьский день, о них вспомнили, вытащили из ямы и привели к хану. Они не пали ниц и не просили пощады.

– Кто из вас пушкарь? – спросил Кучум.

Вперед выступил высокий одноглазый.

– Я – пушкарь.

– Ты можешь стрелять из пушек?

– Могу! – твердо ответил пленник.

– У меня есть пушки, и ты будешь стрелять из них! – Хан жадно потянулся к пленнику и пообещал: – Ты получишь волю.

Двое товарищей пытливо глядели на пушкаря: «Неужели предаст?»

– Сатана, купить хочешь? – вскричал он. – Ты хан, а глуп. Во всем твоём царстве не найдется богатств, чтобы купить одного русского. Хочешь, по твоей орде стрельну, ух, и стрельну!

– Юсуф! – дрожа от гнева, закричал Кучум. – Прочь ему голову!

– И на том спасибо, шакал! – Пушкарь сплюнул и, вскинув голову, вдруг залиvisto запел:

Эй, да по горячим пескам,

По зеленым лужкам...

– Обезумел, – сказал хан. – А вы, что молчите? – спросил он двух оставшихся пленных.

– Казни и нас, змея лютая, а не то мы сами казним тебя! – Пленники дружно бросились вперед, но уланы быстро перехватили изможденных русских.

– А этих потоптать конями! – ткнул в них пальцем хан.

Русские с такой ненавистью посмотрели на Кучума, что тот задрожал весь и в страхе подумал: «Что за народ – русские? Они не побоялись Бату, разорили Золотую Орду, побили Казань, взяли Астрахань... Что за народ?...»

3

В Искер съехались татары, ханские мурзаки пригнали сюда вогулов и остяков. Из ишимских степей уланы привели табуны коней. Маметкул торопил седельщиков: он готовил к встрече с Ермаком сотни всадников. Во все он входил сам, так как понимал толк в конях, воинских уборах и снаряжении. Кучум говорил мурзакам:

– Это степной орленок! Я напушу его на русских. В его жилах течет кровь ханов, и потому он бесстрашен, храбр и умен!

На сером тонконогом коне Маметкула видели в Алемасове.

Здесь на холме черными пастями зияли землянки – закопченные кузницы, возле которых громоздились кучи ржавого железа и полосы неотделанной стали. Тянутое железо, так же как и сталь, привозили каждую весну в Сибирь запыленные, обожженные солнцем караваны из Лагора и Кутиса.

В узких проулках Алемасова оглушали шумом оружейные мастерские. Крохотные, полутемные, с вечно пылающими горнами, которые среди мрака казались приветливыми и манящими, они были забиты стальным ломом, оленьими и турьими рогами, моржовыми клыками. Тут выковывались клинки, мечи и острые кривые ножи, которые особенно любили татары. Их закаляли на века. Старинный мастер, оружейник Хасим, доводил их до совершенства, полировал и передавал не менее опытному граверу Юсуфу. Когда-то Юсуф был рабом в Бухаре, где постиг тайну гравюры. И сейчас, в глубокой старости, без очков, он насекал на сабельном клинке, отливающим синью, контур рисунка. Из медного котла, вделанного в горн, поднимались вредные зеленые испарения, смрад которых густо наполнял оружейную мастерскую. В котле кипела смола, затертая на прогорклом масле. Этот состав шел на травление орнаментов на клинке.

Тут же под оконцем, затянутым пузырем, трудились золотых дел умельцы – наколачивали на клинки золотые и серебряные рисунки. За верстаком, заваленном простыми ножами, долотами и шильем, старались косторезы, мастеровившие чудесные эфесы для сабель.

Маметкула не интересовали тонкости мастерства. Он криком вызывал оружейников из мастерских. Морщась от вони, которую выделяли кипящие кислоты, он давал исход своему негодованию: жильной плетью беспощадно избивал старых оружейников и седельщиков. Горяча коня, грозил:

– Я растопчу вас, и тела ваши растаскают псы! Ленивцы, когда вы сделаете то, что приказано?

Мастера стояли перед ним на коленях:

– Тайджи, ты видишь, мы день и ночь трудимся у горнов и стараемся дать воинам крепкие клинки. Но что делать, если у каждого из нас только по паре рук.

– Отдайте все ваши силы и умение, но клинки принесите мне через три дня!..

После этого Маметкула видели на горе Алафейской. Его конь птицей расстился по гребню высоты, за которой синело небо. Лихой всадник тайджи! Посетил он и Бицик-Туру! И нигде ему не нравилось. Потный и пыльный, вечером вернулся он в шатер Кучума и сказал ему:

– Ждать врага нельзя, надо идти ему навстречу.

– Я всегда делал так, – согласно кивнул хан. – Когда я был молод и мои глаза все видели, я смотрел на самое страшное и не боялся. Пусть аллах благословит путь твой!

Кучум отошел ко сну рано, успокоенный и утомленный от дневных забот. Маметкул вскочил в седло и выехал из Искера. Дозорные безмолвно пропустили его. Звездная ночь была полна прохлады, шумели старые кедры, роптал Иртыш. Тайджи свернул коня на тропку, и вскоре перед ним сверкнул огонек.

«Сузгун-Тура! – узнал он, и сердце его сильно заколотилось. – Что будет, если узнает хан? Но ему сейчас не до этого!» – успокоил себя Маметкул и остановил коня перед дубовыми воротами. На его окрик в башенке открылось оконце и выставилось бородатое лицо.

– Аллах, кого я угадываю! – вскрикнул привратник.

– Открой мне, и ты от меня получишь должное.

Босые ноги зашлепали по лесенке, и ворота со скрипом полуоткрылись. Маметкул въехал во дворик. Почуввав отдых, жеребец заржал. Рядом с тайджи оказалась женщина с покрывалом на лице. Она схватила его за руку.

– Идем, тайджи! Сузге давно ждет тебя.

– Как же она узнала, что я приеду? – удивился он.

Служанка тихо засмеялась:

– Сердце-вещун подсказало. Сколько орлу ни кружить над степью, а к своей орлице прилетит.

Ощупью, влекомый служанкой, он прошел через темные сенцы. В большом шатре по углам горели высокие светильники. Вился дымок из курильницы.

– Жди здесь! – указывая на подушки, разбросанные по ковру, сказала служанка, и коричневые глаза ее зажглись лукавством.

Смелый в бою, Маметкул вдруг смутился здесь, в женском жилище. «Может она предаст?» – подумал он о служанке, но сейчас же отогнал эту мысль...

Зашелестел полог. Он поднял глаза и увидел Сузге. Молча глядел он на красавицу. Что сказать ей? Слова не шли с языка. Тайджи был полон чувств и хорошо не знал, любят ли его. А Сузге ждала его слов и улыбалась. Потом вздохнула, взяла чангур и тронула струны.

– Ты огорчен, ты озабочен и скоро ускачешь из Искера? – спросила она. – Хочешь, я спою тебе? – И она запела протяжно и нежно, тоненьким голоском. Маметкул хорошо знал слова этой песни о любви.

Лицо Сузге сияло юностью, глаза красноречиво дополняли песню – они то смеялись, то были печальны. В голове гостя стоял жаркий туман. Довольный, что не нужно говорить, он минуту за минутой сидел и слушал. Затем он блаженно закрыл глаза... И тут, от усталости, что ли, с ним произошло то, что позднее тайджи никак не мог простить себе, – он крепко уснул.

Маметкул открыл глаза, когда свет зари стал проникать в шатер. Недоуменно оглянувшись, он вспомнил все и ужаснулся. Позор! Как мог он уснуть в такой неурочный час! Тайджи вскочил и позвал:

– Кильсана!

Вошла смуглая служанка. Она насмешливо взглянула на смущенного гостя.

– Я хочу ее видеть!

– Но ее нет. Какой же ты евнух, что не устерег ее?

В лицо Маметкула ударила кровь. Гневный на себя и служанку, он крикнул ей:

– Моего коня!

– Может быть, господину угодно ехать на ишаке? – озорно спросила служанка. – Так делают все старики!

– Прочь! – взбешенно закричал Маметкул и, выбежав во дворик, вскочил в седло. Привратник услужливо открыл ему ворота.

– В добрый путь, господин! – сказал он и протянул руку за подачкой, но Маметкул не поднял глаз: ему казалось, что все знают о его позоре.

Из-за дальних холмов поднималось ликующее солнце. В Алемасове вились сизые дымки над кузницами: оружейники работали всю ночь. На искерских высотах мелькали сотни мотыг и заступов: татары укрепляли городище. Везде был нужен Маметкул. И постепенно впечатления позорной ночи отошли, их сменили мысли о военном деле, заботы полководца.

Пора в поход! Настало время проучить дерзких русских!

4

Струги плыли к Иртышу, держась близко один к другому. Только ертаульный струг кормщика Пимена шел на версту впереди. Брязга напряженно следил за берегами. Шарил глазами по кустам, оврагам, прислушивался к лепету каждого ручья, впадавшего в Тобол. Уже садилось солнце и наступала пора выбрать прибрежную елань²¹ для стана. Где-то неподалеку, по рассказам проводников, должен находиться улус мурзы Бабасана. Устье Тавды осталось позади на тридцать верст. Гребцы устали, тянуло на отдых. Богдашка Брязга решил пристать к берегу. Казаки ударили веслами и весело завели:

Вылетал соловей
На крылечный столб.
Он со столбика
На окошечко. Эхх...

И вдруг на берегу вырос, как литой, всадник. Он пригнулся к конской гриве, солнце сверкнуло на острие его копья. Вмиг казаки стали отгребать от берега.

Кормщик Пимен предостерег ватагу:

– Браты, чую татар! Бери вязанки хвороста, хоронись!

Брязга не сводил глаз с гигантского конника, застывшего в неподвижности. За ним в вечернем небе поднимались клубы дыма; судя по всему, не случайно тут горели бесчисленные костры.

– Гляди, вон где таятся вороги! – крикнул Богдашка и указал на густой тальник. На безветрии зелень дрожала и качалась. Короткими молниями вспыхивало и угасало сверканье сотен острых копий. И вдруг заржали кони; речная ширь подхватила и понесла это звонкое ржанье. Татары перестали скрываться. На разномастных конях сотня за сотней вылетали они на берег, и разноголосье покатилося над темной стремниной.

Брязга окликнул горниста:

– Играй!

Тревожные, призывные звуки рожка понеслись вверх по Тоболу, оповещая Ермака об опасности. Всадник на берегу взмахнул рукой, и по всей кромке крутояра зашевелились, как страшное многоглавое чудовище, орды.

Сотни стрел с визгом взмыли в воздух. Рядом с конником появился мулла в белоснежной чалме и, подняв руки, завопил. От его воплей еще сильнее забушевали всадники, стремясь к воде. Заблестели сабли, крики слились в один протяжный гул.

– Не страшись! – закричал Брязга и, прикрываясь связкой хвороста, пальнул из пищали. Близкий к реке татарин упал с коня и пополз. Еще неистовее взвыл мулла.

– Добыть басурмана! – приказал Брязга.

Трофим Колесо, не раздумывая, сбросил кафтан, сапоги и прыгнул в воду.

Сотни стрел уходили вглубь рядом с пловцом, но он, ныряя щукой, плыл к берегу. Смелость поразила татарского всадника, и он невольно залюбовался пловцом.

Ертаульный струг косо резал воду, плывя следом за казаком. Оперенные стрелы с воем били в пучки хвороста, колыхаясь от ветра и движения струга. Невзирая на опасность, Брязга выскочил из укрытия и, ободряя пловца, закричал:

– Вон идолище, в тине барахтается!

²¹ Елань – лесная поляна.

Колесо поднялся. Дно, затянутое илом, было мелко. Ордынцы застыли настороженно, решив, что это перебежчик. А он подскочил к сбитому татарину, набросил на него аркан и опять ринулся в тобольскую стремнину.

И только тогда сообразили татары, что не перебежчик плыл к ним, и снова сотни стрел, описывая дуги, били по волнам. Одна из них с большой силой прошла вдоль спины пловца.

– Ох, дьяволище! – прерывающимся голосом выругался казак; вода позади него окрасилась кровью.

Влекомый на аркане татарин захлебывался.

– Не барахтайся, пес, – прикрикнул на него Колесо и размашистыми саженками доплыл до струга. Браты подхватили храбреца. За ним выволокли и татарина. Он был бледен и не дышал.

– Враз откачать! Заговорит поганец! – И сам Брязга схватил пленного за плечи, положил на дно струга. Сводя и разводя безвольные руки ордынца, он озорно покрикивал: – Погоди, успеешь еще на тот свет. Магомет не заждется. Дыши, дыши, леший!

Изо рта и носа ордынца пошла вода, он неровно задышал и открыл глаза.

– Жив чертушка! – обрадовался Богдашка. – Чье войско? Зачем пришел?

– Много... Маметкул ведет... Племянник хана...

Кормщик Пимен отводил струг подальше от орды, но татары следом скакали по берегу. Парус был изодран острыми наконечниками стрел. Многие из казаков поранены: одному глаз выбило, другому ухо оборвало, третьему в грудь попало. Колесо обливался кровью, но ни стоном, ни взглядом не выдал сильной боли, только попросил Пимена:

– Умой спину мне да медвежьим салом смажь. Живо... черт!..

До чего терпелив человек! Старик, смазав рану салом, наложил на нее тряпицу, и Колесо, поставив перед собой пук хвороста, стал бить по врагу из пищали.

Татары не унимались. Гарцуя на горячем коне, Маметкул размахивал саблей и крепко бранился. Ох, до чего хотелось ему добыть казачий струг!

Казаки лихо отвечали:

– Эй, подбери полы кафтана, конь смочит!

– Чего кричишь, шайтан голова! – несло с берега.

Со стругов отзывались:

– Подавай нам вашего царевича, мы поучим его казачьей удали!

– Тьфу, рус, ты жрешь свинья?

– Жру, а тебе свиное ухо осталось!

– Получай стрела!

Следя за полетом тугой стрелы, казаки смеялись:

– В чистое небо, во широкое полюшко. Глаза косы, пуп сивый!..

Побросав коней, татары лезли в реку, но струг поворачивался боком, и по волчьим шапкам били пищали. Брязга метил в Маметкула, но свинцовые пули не долетали до яра.

– Эх, волчья сыть, сцепиться бы с тобой врукопашную! У-у, дьявол! – злился Богдашка.

Солнце в последний раз озолотило воды Тобола и укрылось в тайге. Под яром на воду легли длинные синие тени. Клубы дыма на берегу стали гуще. В этот закатный час совсем близко заиграл горн. Брязга оглянулся на казаков:

– Ну, братья, батька торопится.

Из наползающего сиреневого сумрака строем выплыли струги. По широкой воде разносились звуки литавр, труб и рожков.

– Аллах вар... Аллах сахир... – все еще не унимались татары.

Огни костров стали ярче. Сумерки ложились на землю туманной пеленой. Перестали визжать стрелы.

5

Ермак в легкой кольчуге и шеломе, обнажив тяжелый меч, первым выскочил на берег.
– За мной, братья!

Теснясь, с топорами на длинных ратовищах и хлесткими кистенями, с протазанами и чеканами казаки устремились за батькой. Поток их был так стремителен, что татары, пораженные дерзостью, не рискнули схватиться врукопашную. Напрасно Маметкул бил плетью трусливо отступающих, грозил, топтал их копытами коня – время было упущено. Русские уцепились за кромку берега и стали разливаться вдоль яра. Скоро густая тьма укрыла все. Вдали загорелись костры; от них ночь на берегу казалась еще непроницаемее. Вспыхнувшая сеча сама собой погасла.

Во тьме слышался топот коней, гортанные выкрики – во всем чувствовалось движение огромной рати. Ермак жадно ловил каждый шорох, крик, вглядывался в мерцанье огней. Весь собранный, напряженный, он обдумывал предстоящее. Пользуясь ночью, можно уплыть и дальше, но рано или поздно схватка неизбежна. На этот раз перед его дружиной стояла большая, сколоченная рать. Из струга принесли раненого татарина. Внимательно выслушав его рассказ, атаман узнал, что ордой командует племянник хана. Несомненно, Маметкул – смелый вожак и храбрый, опытный воин – постарается опрокинуть казаков в реку. Пленник так и сказал:

– Тайджи клялся хану пометать неверных в Тобол, речное дно усеять их костями...

На темном небе ярко пылали звезды. Густая россыпь их – «Батыева дорога» – золотым потоком пересекала небо из края в край. Ермак взглянул на склоненный ковш Большой Медведицы и решил, что пора выбираться на простор.

Посланные дозоры наталкивались на заставы. Татары неслышно подползали к русскому стану и кололи молча. Иван Гроза со своей сотней пошел на хитрость и протянул невысоко над землей бечеву. И все, кто зверем подбирался к берегу, падали. Их клали насмерть размашистым ударом в сердце.

Пищальники Никиты Пана залегли за буграми. Впереди на равнине пылали костры.

– Батько, тут непременно пройдет татарская конница, мы ее сдержим, а другим атаманам в тот час потребно обойти врага. Царевич ихний горяч, зарвется. Вот и круши тогда супостата!

– Умен ты, Никита. О том мнилось и мне! – согласился Ермак и поднялся на холм. В отблесках пламени метались темные тени всадников. – И еще думается мне, – сказал он, – Кольцо да Брязга справятся в рукопашной. Их и в обход. Молодцы у них отчаянные. Воины!..

Тьма постепенно таяла, и восток загорался золотом утренней зари. Как и ожидал Ермак, с первыми лучами солнца татарская конница, с гиком и пронзительным воем, сверкая обнаженными клинками и остриями копий, вырвалась из березовых перелесков и понеслась на казачий стан. Под топотом копыт загудела земля.

– Батько, ой, батько, стелется темная туча. Лечь нам костями под тяжелой громадой! – взвыл рядом с атаманом рыжий казак.

Ничего не ответил Ермак, только взглянул и словно стрелой пронзил робкого.

– Раззява! – выругал рыжего Никита Пан. – Чего орешь непотребное!

– Страшенно, атаман! – чистосердечно признался пищальник.

– А ты не страшись! Ты пищаль крепко держи и бей справно! – внушительно сказал Пан.

И в самом деле, надвигался ураган: разгоряченные кони с храпом рвались вперед. Вот уже видны оскаленные зубы всадников, обезумевших в злобе. Еще пронзительнее стали крики.

Казачий лагерь сковало безмолвие. Над зеленым холмом развевалась парчовая хоругвь...

Татары приближались, вот-вот яростная волна опрокинется на казачьи сотни и сметет их. Одна из лошадей встала на дыбы и попыталась от застывшего тела мертвяка. Налетевшие сзади всадники сбили ее с ног и растоптали вместе с упавшим воином.

Подпустив ближе татар, казаки в упор ударили из фузий. И начали падать люди, опрокидываться кони; на зеленом поле все перемешалось. Орда заколебалась и отхлынула. Но затем снова ринулась на казаков. Разбился о казачью силу и этот вал, оставя на земле сотни тел. Вновь и вновь собирал всадников Маметкул и бросал к яру, но, зацепившись за холмы, казаки встречали их бойким огнем. Солнце поднялось высоко, жгло, и повольников мучила жажда. Вода рядом, за спиной плещет Тобол, и это еще больше возбуждало.

Ермак стоял на холме и хмуро разглядывал поле. Справа и слева лежали глубокие овражины, густо поросшие ольшаником. По ним пробирались казаки Иванки Кольца и Брязги. Пора бы уже тут быть, а их не было. В нагретом мареве все расплывалось, над истоптанным лугом плыли облака пыли. Издали, с бугра, все казалось непонятным и беспорядочным. Сумятицу дополняли непрерывные крики татар и русских.

Бой затянулся, уже стало падать за Тобол солнце. И вдруг по набегавшей конной орде вспыхнули пищальные огни, раздался тяжкий топот и оглушительный вой и гул. С фланга ударили казаки. Ермак довольно крикнул и перекрестился: не подвели Кольцо и Брязга!

Поп Савва, который в обереженье остался подле атамана, видел, как крепко сжималась и разжималась на рукояти меча рука Ермака. Ноздри атамана раздувались. Не успел иерей опомниться, как Ермак сорвался с бугра и устремился в самую кипень.

– Куда, батьк-о-о! – заорал Савва, силясь его остановить.

Ермак не оглянулся. Широким, уверенным шагом шел он по полю, взрытому копытами.

Что тут делать? Знал удалый беглый поп, стань он на пути батьки с запретом – снесет тот сгоряча с него башку. Отсюда, с бугра, ему было видно, как вздымается и опускается тяжелый широкий меч атамана. С низко надвинутым шоломом, в кольчуге, стоял Ермак, словно вросший в землю, среди орды и рубил сплеча. Над ратным полем с граем вилось воронье. Их не пугал ни полет стрел, ни крики – запах мертвечины манил на пир. Карканье мешалось с неистовым воем татар, которые осиным роем окружили атамана. И углядел Савва, как в клубах пыли звиллся аркан, ловко пущенный на плечи батьки.

– Все! – решил поп и от страшного смятенья на миг закрыл глаза. – Аминь! Что только будет с нами?..

Потом взглянул и с удивлением увидел, как батька схватил аркан, разорвал его и мечом стал прорубать дорогу к всаднику в латах.

– Ну и ну! Здорово! – выдохнул поп. – Это на царевича он! – Не мешкая, Савва выхватил меч и побежал на помощь к атаману.

– Бей супостатов! – испуленно кричал он и уже не помнил себя в воинственном пылу. И тут огромный татарин саданул его по башке окованной палицей. Все завертелось в глазах попа. И он рухнул на пропитанную кровью землю...

Когда Савва очнулся, все тело его дрожало от холода. Стуча зубами, он увидел над быльником красный ущербленный месяц, а перед собою – на кочке – дружинника, в груди которого торчала длинная стрела. Рядом, в чаще горькой полыни, сверкали два зеленых блуждающих огонька.

«Волк!» – сообразил Савва и нащупал меч.

Сколько времени он снова пролежал в забытии, он не помнил. Очнулся второй раз, когда уже лежал у костра и слышал казачий говор. Над ним склонился Ермак и укоризненно промолвил:

– Эх, разудалая головушка, гулевой поп, ну, куда тебя погнало?

В суровом голосе батьки Савва уловил теплые нотки. Схватив руку атамана, он пожал ее:

– Не кори меня, батька, душа зашла, не утерпел. А башка у меня крепкая, выдержит. Как же бой?

– Бой? – посерьезнел Ермак. – Что ж, бой один кончился. Завтра – другой!

Под утро через вересковые трясины, весь мокрый, изодранный и хмурый, приполз Хантазей. Его отвели к Ермаку.

– Садись! – ласково сказал батька. – Говори, что узнал.

Вогул уселся на землю. Глаза его слипались – он не спал три ночи.

– Был татарский стан, головни, пепел разметаны, – начал Хантазей. – След много, ой, как много! Узнал след вогулич, остяк, но больше татар. Пеших мало. За полем – белое дерево густо-густо, а дальсе долина, а в ней кони гогочут... И опять сел и полз, и опять слысу много коней, тысячи... Поскачут они сюда...

Ермак слушал сумрачно. Держался он прямо, хотя в теле чувствовалась усталость. Потом огладил бороду и задумался. В поле, укутанном туманом, протяжно выли волки.

– Уже успели набежать, проклятые! – очнулся он. – Своих подобрали?

– Подобрали, батько, и на струги перенесли, – ответил Мещеряк. – Пимен-кормщик при них за ведуна: раны омыл, мазями смазал, зельем присыпал. Тех, которые легли в бою, земле предали...

Одна за другой гасли звезды. Над Тоболом густой пеленой поднялся туман, пронизывала сырость.

– Скоро и рассвет! – проговорил Ермак и взглянул на Хантазея. Тот, свернувшись, крепко спал. Атаман взял свой кафтан и накинул на вогула. Неторопливо вышел из шатра.

Покойно было у него на душе. Только что кончился кровопролитный бой, унесший из дружины многих, и ожидался новый – еще более кровавый, а он, хотя и поглощенный воинской тревогой, чувствовал себя так, словно уже видел поражение татар и свою победу. Было это чувство от веры в свои силы, в непобедимость русских и от невозможности уйти от битвы и отступить. Спасение было в одном: в победе. И он твердо знал, что победит.

Ермак обошел стан. Костры погасли, подернулись пеплом. Казаки уже расселись подле казанов и укладисто ели. «Может быть, кто в последний раз насыщается, – подумал атаман, но сейчас же крепко решил: – Жива будет дружина! Дойдем до Искера, а там Русь поможет нам!»

Туман стал подниматься, таять, и над лесом зарделся восток. Где-то неподалеку дятел-хлопотун старательно долбил сухую лесину. Жизнь шла своим чередом.

Казаки заняли свои места, приготовили пищали. Лица у всех сосредоточены, суровы. Напряженно стерегут равнину, по которой снова вздыбится свирепая татарская орда. Сколько ее будет? Неужто не иссякнут ее силы?

На холмах пушкарь Петро выставил пушки. Калили на огне ядра, красными глазками светились зажженные фитили. Поп Савва ходил с повязанной головой, грозил:

– Ежели его, ирода, не уложили наши, узнаю. Истин бог, зубами глотку перегрызу. Усат и громаден, черт! Палица с оглоблю.

Синие облака разошлись, и на равнину легли светлые блики. Из дальнего края, как муравьи, двинулись люди. Они росли с каждым шагом.

– Пешая рать идет! – выкрикнул Брызга. – Браты, держись!

Выставив вперед копыя, татары шли плотными молчаливыми рядами. Уже различались их смуглые, замкнутые лица. Еще сотня шагов, и начнется жутко-медленное сближение. Стало тихо. Станным казался на бранном поле птичий щебет – через минуту-другую здесь все наполнится злобой, стенаньем и кровью.

– Ползут, гады! – дрожа от возбуждения, возвестил Брызга.

Первый солнечный луч скользнул, и в ухе казака сверкнула серьга.

Но татары, удержанные невидимой рукой, вдруг остановились. Передовые присели, а за ними выступили лучники – на подбор крепкие воины – и устали перед собой большие, выше

человеческого роста, луки. Ветер свистел в натянутых тетивах. Выпущенная из такого лука, стрела насквозь пробивает человека.

– Браты, не страшись! Айда, врукопашную! – Брязга первым сорвался с места и побежал навстречу гудящей орде. Стрела с воем пронеслась мимо уха полусотника и сорвала мочку вместе с серьгой. – Гей-гуляй! – еще громче вскричал Богдашка и налетел на лучников, за ним навалились казаки. Они остервенело схватились врукопашную. Татары, не выдержав этого бешеного натиска, отбиваясь копьями и мечами, стали медленно отходить на середину равнины.

Ермак вскочил на коня и помчал вдоль поля. Он слышал, как за пешей татарской ратью ржут кони.

«Враз Маметкул напустится с конницей и станет рубать. Погоди ж ты!» – мысленно пригрозил Ермак. Он угадал намерение ханского племянника заманить казаков подальше в поле и растоптать копытами, порубить саблями.

Атаман огрел плетью резвого коня, тот рванулся и птицей понесся вдоль войска.

– Браты, поостерегись! Конница враз ударит. Рой землю, кройся в окоп! – кричал Ермак, и поле быстро бежало под конские копыта.

Казаки не погнались за лучниками, остановились и стали торопливо рыть тучный чернозем. Они углубляли ров заступами, копьями, руками выбрасывали влажные комья. Уходили в землю, а над ней синело небо, распевали жаворонки, ветерок доносил запах луговых трав и клейких березовых листьев.

Лучники, преследуемые полусотней Брязги, торопливо уходили к лесу. Ермак выхватил меч и огласил поле:

– Назад, полусотня!

Кипела кровь, разгоряченная схваткой, но Богдашка, унял ее и нехотя повернул вспять.

А там, впереди, по зеленому окоему быстро передвигались темные тени. Они сливались в одно целое и полумесяцем охватывали равнину. Из балочек, кустов, околков выкатывались всадники и пристраивались в конную лаву.

Ермак прислушался: возникший далеко впереди глухой топот стал приближаться. «Вот когда весточка Хантазея подтвердилась», – вспомнил о вогуле Ермак.

– Браты, из пищалей по орде, а после того провались в тартарары, а как проскочут – опять бей! – Атаман спрыгнул с седла и вместе с казаками засел в окоп.

С каждым мгновением нарастали шум и топот. Вздывая вихри пыли, из рядов на быстрых конях выносились татарские всадники. Впереди них на коне-вихре, в сверкающей кольчуге скакал лихой конник. Высоко подняв руку, он крутил над головой кривой саблей, и ее лезвие вспыхивало, как зарница перед грозой. Подзадоривая себя и других, татарский наездник призывно кричал.

«Неужто сам Маметкул ведет уланов! Смел...» – подумал Ермак, и острое чувство лихости охватило его. Сдерживая себя, он взял пищаль у казака и прицелился. Все как бы слилось воедино: взгляд атамана, прицельный выступ, шелом скачущего татарина, который все рос и приближался... Рев и топот орды совсем рядом. Еще мгновение, и... «Вот когда пора!» – сообразил Ермак и зычно крикнул:

– Огонь!

По всей казачьей линии грянул оглушительный залп. Многие из всадников свалились с коней, но, разгоряченная единым порывом, орда неслась, невзирая ни на что, топча копытами своих, корчившихся в прахе. И вдруг поле перед ордой опустело – казаки, словно по волшебству, провалились под землю. Неудержимые кони, оскалив морды, понеслись через рвы и ямы, только ветер засвистел в остриях сабель.

Маметкул схватился за обожженное плечо, дернул за повод, и послушный аргамак ветром пронес его вперед. Кони татар с разгона набегали на выставленные из окопов копья и распа-

рывали брюхо. С предсмертным ржанием иные носились в клубах пыли, волоча уланов и свои внутренности, а иные, пробежав вперед, валились и бились в корчах.

И тут в спину тем, кто вихрем проскочил вперед, ударил второй залп пищальников. На бешеном скаку опрокидывались люди, ломали ноги подбитые кони. Все перемешалось – живые и мертвые. И тогда казаки выбрались из окопов и пошли на татар.

Удальцы Брязги перехватили высокого коня с могучей грудью. Седло отделано сафьяном, удила с серебряными бляхами. Казаки подвели его Ермаку. Он не мешкал, миг – и в седле. Размахивая мечом, крикнул на все ратное поле:

– За мной, братья! Вот коли подоспела жатва!

Татары толпами рассеялись на равнине. Их настигали и рубили. Проворные и быстрые уходили на рысях в лес. Маметкул, гневный, разъяренный, привстав на стременах, грозил ордынцам:

– Шайтан! Куда?

К нему подомчал улан со скуластым коричневым лицом, схватил коня за повод и увлек ханского родича в овраг.

Мулла, оказавшийся на поле, упал на землю, простер к небу руки:

– Велик Магомет, пророк!..

Набежавший Брязга взмахнул саблей:

– Пошел живо к аллаху!

Бородатая голова покатила в пыль. Богдашка сорвал чалму и перепоясался длинной шелковой материей.

А тем временем на другом конце поля Савва узнал своего обидчика.

– Он, братья, он! – закричал поп и, бросившись к татарину, стащил его за ногу с седла. Улан взмахнул кривым ножом, но поп выбил оружие из жилистой руки и на лету перехватил.

Молниеносным движением он полоснул врага по горлу. По-звериному сильный татарин, очертив зубы, бросился на Савву.

– Свят, свят! – замолитствовал поп, ужасаясь свирепому виду врага. Из-под густых бровей улана сверкали узкие злобные глаза. Резко очерченный подбородок и небольшая густая борода были в пыли и залиты кровью. Он с ненавистью что-то кричал Савве. В последнем смертном объятии улан свалил попа на землю и замер, захлебнувшись своею кровью...

Пять дней длилась битва у Бабасанских юрт. «Блескались их сабли от махания и копья переломались, бысть брань жестока и падение ото обоих стран многое множество», – так записал впоследствии летописец.

Татары по оврагам и перелескам стремились прорваться к стругам. Но казаки сбили орду. Запыленный и грязный Маметкул, весь в крови, повернул коня и молча покинул поле. Верные уланы, оберегая его, рассыпались по лесу. Казаки не пустились в погоню. Обессиленные, многие упали тут же, где застала темь, и сразу погрузились в дремучий сон. Ермак приказал выставить дозоры, но, не надеясь на истомленных воинов, сам объезжал стан.

Ночью казаки сварили в котлах последнее толкно и, обжигаясь, торопливо и жадно поели. Потом, забрав раненых, погрузились на струги и по знаку кормщика Пимена подняли паруса. Бабасанские юрты и страшное поле остались у них позади.

Глава шестая

1

Поп Савва подарил Хантазею образок Николы Чудотворца, написанный строгановскими иконописцами на ясеновой доске. Никола выглядел плешивым старичком, по краям лысины кудреватые бахромочки, борода небольшая, седенькая, глаза строгие, но добрые. Хантазею образок понравился.

– Добрый бог?

– Справедливый, – подтвердил Савва. – Ты ему и молись: от всех бед избавит.

Хантазей молился Николе-угоднику:

– Ты, старичок, хоросий, много жил, по лесу белку бил, по рекам плавал, сам знаешь, как трудно ладить с татарами. Помоги нашему батырю.

Этот же лик угодника вогулич видел и на воинской хоругви. Углядел он на другой и всадника на белом коне, копьём поражающего поверженного змея.

Хантазей с пониманием сказал:

– Большой змея. Много-много голов у нее, такой впервой вижу. Кто бьет копьём? Казак?

– То Георгий Победоносец, помощник и защита воину.

– Второй бог – добрый бог?

– Бог один, а это слуги господни, – пояснил Савва, и в голове Хантазея все перепуталось.

«Эге, и у русских не мало богов, не меньше, чем в тайге и тундре. И всякому молись и жертву дай. Плохо, плохо».

Хантазей только что вернулся с низовья, куда посылал его Ермак, и дознался о новой беде. Вправо в Тобол впадает река Турба, за ней Долгий Яр, а на нем, как осы, – не счастье, конные татары. Опять ждут казаков, из луков бить будут. Страшно! Но Хантазей знает, как беду отвести. Об этом он никому не скажет, но сделает по-своему, так будет лучше. Он забился в уголок палатки, достал из мешка своих деревянных божков. Есть тут и резанный из моржовой кости Чохрынь-Ойка – покровитель охоты и промысла. Он поставил его на священный ящичек. Чтобы не обидеть русского святого, он и его приткнул рядом с Чохрынь-Ойкой. Потом Хантазей принес в березовом туеске немного крови – казаки только что на зорьке убили лося, вышедшего к реке. Кровью вогулич старательно вымазал губы Чохрынь-Ойке и всем божкам. Нельзя же обойти и Николу-угодника, ему тоже помазал кровью лицо и бороду и начал молиться.

– Чохрынь-Ойка, ты слысись – татары хотят нас побить из луков. Ермак – добрый батырь, справедливый человек. Сделай, Чохрынь-Ойка, так, чтобы татары ушли. Ты забудь, что я в прошлый раз побил тебя. Но ты не помог мне на охоте, а лежебоку всегда бьют. Вот спроси русского святого, он скажет, что так надо. И ты, Никола, не дай казаков в обиду, недаром я тебе бороду сейчас мазал и еще буду поить оленьей горячей кровью, как только поможешь...

На голове идола остроконечная шапка из красного сукна. Одет Чохрынь-Ойка в облезлый лисий мех.

– Я тебе черный соболь добуду, – пообещал Хантазей, – ты только помоги русским.

Савва стоял у палатки и все слышал. Стало смешно и обидно. Так и хотелось ворваться и побить Хантазея, отобрать его идолов и растоптать, но отчего-то вдруг стало жалко вогула. Тихий и услужливый, он всегда робко улыбается, и когда поп спрашивает его: «Ну как, Хантазей, живешь?» – вогул отвечает: «Холосо... Очень холосо...»

– Вот и теперь слышит Савва слова горячей молитвы Хантазея:

– Чохрынь-Ойка и ты, Никола, сделайте так, чтобы ни один волос не упал с головы батыря. И попа русского не забудь. Он добрый и храбрый воин. Пусть долго живет. Помоги

ему на охоте. И кормщика Пимена не забудь, без него струги не послушаются... Ай-яй, Чохлынь-Ойка, худо будет, если обманешь, опять буду бить...

Хочется Хантазею немного погрозить и Николе, но неудобно. Кто его знает: может быть, русский святой обидится?

Савва улыбнулся, махнул рукой. Его внимание отвлекли лебеди. Они проплыли высоко в небе, как сказочное видение. Вспомнилась Русь, родная речка и тропка к родничку, у которого склонились и ласково лепечут белоствольные березки, нежные, духмяные и светлые. От них на сердце радость.

«И как мало надо русскому человеку – краюшек родной землицы и благостный труд на ней!» – подумал он.

Жил Савва словно перекасти-поле. Буйствовал с повольниками на Волге, а сейчас что случилось? Словно прирос к ермаковскому воинству. Много осталось позади: и Сылва-река, и Серебрянка, и Тура, и Епанчин-городок, и Тархан-Калла, и Бабасанские юрты! Много пройдено! И все вместе с Ермаком.

Шли за ним потому, что видели: крепко верит он в свое дело и знает, куда ведет казаков и камских солдатов, потому и зажигал он всех своей верой. Откуда же эта его вера и эта его сила? Народ родил их. Тот народ, что исстрадался под татарским игмом и не хочет больше терпеть набеги кровавых хищников. Народ поручил Ермаку и его дружине защиту своей жизни и своей чести. Не будь такого – не было бы в казацком войске силы, были бы казаки тогда разбойничьей ватагой, а не воинством за правду.

Поп вздохнул и оглянулся на стан. Сильно одолевали комары и гнус. Их не было только у дымных костров, над которыми в черных котлах варилась душистая уха. Казаки сидели подле огней, под прозрачной кисеей голубоватого дымка и мирно гуторили. Над рекой, талами и камышами простирался безмятежный покой. Многие повольники лежали чуть поодаль от костров. Приятно было растянуться среди душистых трав, внимать голосу птиц, тихому шуршанью камышей и другим, еле уловимым, шорохам, наполняющим лесную чашу.

Паруса бессильно опустили крылья над Тоболом. У самого берега, среди кувшинок, играла и билась рыба, всплывала вдруг черная щучья спина и виделась на миг зубастая пасть, хватавшая лягушку или рыбу. Савву взволновала охотничья страсть. Он ринулся было к реке... Но заиграли горны: батька вызывал воинов на круг.

Загребая грузными сапогами, раздосадованный Савва пошел на сбор.

Среди дружины, поблескивая панцирем, на пне стоял Ермак и пристальным взором оглядывал воинство.

– Браты! – заговорил атаман. – Предстоит нам ныне не только лихость и умение свое показать, а и выдержать великий иску: терпением обзавестись! Все на нас падет, всякие лишения придут, а идти надо все вперед и вперед. Таков наш самый верный путь! И тут, чтобы одолеть врагов, должны мы быть прилежны и в строгом послушании. Трудно будет видеть врага, идти под его стрелами и скрепя сердце, притушив пламень в груди, продолжать дорогу, будто не слыша его озорных криков. Да, нужно это! Знаю я, браты, это потруднее, чем саблей кромсать, но такими быть должны в этом подвиге нашем! Слыхали, чай, вы добрую старинную сказку об Иванушке – русском молодце, и о том, как добывал он злат-цвет. Все поборол он, а самое главное впереди ждало. Надо было идти ему среди чудовищ, нечисти всякой, слышать за собой змеиное шипение и не оглянуться назад, не дрогнуть.

– Ты это к чему притчу, батька, сказываешь? – уставился в атамана чубатый казак с посеченной щекой. – Аль запугать удумал?

– Тебя не запугаешь, Алешка, ни лешим, ни оборотнем! – улыбаясь, отозвался Ермак. – О том весь Дон знает, а ныне и Волга и Кама-река!

Казаку лестно стало от доброго слова. Он оглянулся и повел рукой.

– Да тут, батько, все такие. Из одного лукошка сеяны!

Ермак прищурил глаза и подхватил весело:

– Выходит, один к одному – семячко к семячку: крупны, сильны и каждое для жизни!

Гул одобрения прокатился среди дружины!

Ермак вскинул голову и продолжал:

– Слово мое, братья, к делу. Дознался я, что на Долгом Яру опять нас ждут татары. Яр – высокий и впрямь долгий, не мало тревоги его миновать...

– Батько, дай после Бабасана отдышаться! – выкрикнул кто-то в толпе.

– Тишь-ко! – приглушили другие. – Сказывай, атаман.

– Нельзя медлить и часа, братья. Внезапность уже полдела. Перед нами одна дорожка – на Иртыш. Надо прорваться, братья! Пусть осыпают нас стрелами, а мы мимо, как птицы! Зелье беречь, терпением запастись. Плыть с песней, казаки! А сейчас к артельным котлам, набирайся сил – и на струги! Плыть, братцы, плыть, мимо врага, с песней!

– Постараемся, батько! – ответила дружно громада.

– В добрый час, братья! – поклонился дружине Ермак и сошел с мшистого пня.

Над глушицей вился сизый дымок. У костров казаки хлебали, обжигаясь, горячее варево.

В полдень кормщик Пимен махнул шапкой, и миг на мачтах взвились и забелели паруса. Береговой ветер надул их, и они упругой грудью двинулись по течению. Под веслами заплескалась волна. И над рекой, над лесами раздалась удалая песня. Вспоминалось в ней о Волге:

По ельничку, по березничку
Что шумит-гремит Волга-матушка,
Что журчит-бранит меня матушка...

Атаман снова впереди всех, смотрит вдаль, а голос его рокотом катится по реке. Поют все лихо, весело. Хантазей и тот подпевает. Время от времени он утирает пот и вздыхает:

– Холосый песня, очень!

В лад песне ударили в барабаны, зазвучали сиповки, серебристыми переливами голосисто заиграли трубачи.

Словно на светлый праздник торопилось войско. Кончило одну песню, завело другую – о казачьей славе.

Струги шли у левого лугового берега, покрытого таволгой и густой высокой травой. Справа навстречу выплывал темный Длинный Яр.

– Ну-ка, песельники, громче! – гаркнул Ермак.

Заливисто, протяжно до этого стлались по Тоболу душевные казачьи песни, теперь же торжественность и величавость их вдруг сменились бойкостью, слова рассыпались мелким цветным бисером.

У нас худые времена –
Курица барана родила.
Кочерга яичко снесла.
Помело раскудахталось... Эх!..

Вот и крутые глинистые обрывы, а на них темным-темно от всадников. Струдились стеной, и луки наготове. Доносится и волнует сердце чужое разноголосье.

– Словно вороны слетелись на добычу! – с ненавистью вымолвил Ильин. – Из пушечки бы пальнуть!

– Гляди, гляди! – закричали дружинники, и все взглянули влево. Там, над зелеными зарослями таволги, над травами, плыла хоругвь с образом Христа. Невольно глаза пробежали по стругам – среди развевающихся знамен и хоругвей знакомой не отыскалось.

– Наш Спас оберегать дружину вознесся! – удивленно перекликались казаки. И впрямь, со стругов казалось, что хоругвь трепещет и движется сама по воздуху.

Громче загрели трубы, заглушая визг стрел, которые косым дождем посыпались с крутоярья. Татарская конница, не боясь больше огненного боя, живой лавой нависла на береговом гребне, озаренном солнцем. На статном коне вылетел Маметкул и, подняв на дыбы ретивого, закричал по-татарски:

– Иди в плен или смерть! Эй, рус, на каждого тысяча стрел!

Не раздумывая, казак Колесо спустил шаровары и выставил царевичу зад:

– Поди ты... Вон куда!..

Из-под копыт прищипоренного коня глыбами обрушилась земля в закипевший Тобол. Маметкул огрел скакуна плетью и, задыхаясь от ярости, кинулся в толпу всадников.

– Шайтан! Биллягы!²² Пусть забудут имя мое, если стрелы моих воинов не поразят их раньше, чем закатится солнце. Джиргыцин!²³ Я искрошу казака на мясо и накормлю им самых паршивых собак. Бейте их, бейте из тугих луков!

Потоки воющих стрел низали небо, они рвали паруса, застревали в снастях; одна ударила Ермаку в грудь, вогнула панцирь, но кольчужная сталь не выдала.

– Поберегись, батя, не ровен час, в очи угодит окаянная! – заслоняя атамана, предупредил Иванко Кольцо. Ермак локтем отодвинул его в сторону.

– Не заслоняй мне яра! Трубачи, погромче!

Белокрылые струги легко и плавно двигались вниз по Тоболу мимо выстроенного, как на смотре, татарского войска. Изумленные татары дивились всему – и ловкости кормщиков, и неустрашимости казаков, и веселой игре трубачей. Но больше всего поразил ордынцев плывущий над зеленым разливом лугов образ «Спаса».

– Колдун, шаман, русский батырь! – кричали татары.

– Велик бог! – вскричал Маметкул и набросился на ближнего конника. – Чего скалишь зубы и порешь брехню? Какой шаман? Тьфу! За твои речи я сдеру с тебя кожу и набью ее гнилым сеном! Я вырву язык тому, кто закричит о чародействе русских, и велю всунуть его в свиное гузно!

Мокрое от липкого пота лицо тайджи исказилось от гнева. Со злой силой он сжимал рукоять плети, готовый в любой миг исполосовать неугодного.

– Бейте из луков! Бейте! – кричал он. – Я залью Тобол русской кровью. Биллягы! Скоро мы скрестим сабли над дерзкими головами!

Но трубы над водой не прекращали греметь. Дружно размахивая веслами, казаки пели:

По горячим пескам.
По зеленым лужкам...
Да по сладким лужкам
Быстра речка бежит...
Эх, Дон-речка бежит!..

Солнце раскаленным ядром упало за лесистые сопки, засинели сумерки. Татарский говор и крики стали смолкать, последние стрелы ордынцев падали в кипящую струю за кормой. Постепенно стихла песня, умолкли трубы. Высоко в синеве замерцала первая звезда. Долгий Яр остался позади, окутываясь сиреновой мглой.

Хоругвь со «Спасом» подплыла к берегу, из лозняка вышел поп Савва и крикнул:

– Умаялся, братья, еле на ногах стою.

²² Божба.

²³ Тоже божба.

Ертаульный струг подошел к мысочку. Поп, бережно храня хоругвь, заслоняя ее своим телом, перебрался на струг. С опухшим лицом, облепленный комарьем и мошкаррой, он со стоном опустился на дно.

– Вот оно как! – со вздохом вымолвил он.

– А мы и не знали... Ну, спасибо, друг, хитер ты, и нас ободрил, и татар напугал...

Но Савва уже не слышал: от усталости он повалился на спину и захрапел.

Вызвездило. Над кедррами дрожал хрупкий бледный серпик месяца. Вода под веслами сыпалась серебристыми искрами. Струги шли ходко, а Ермак мысленно подгонял их: «Быстреей, ходче, братья...»

Гремели ключины, с громким окриком сменялись гребцы для короткого сна. Только кормщик Пимен не сомкнул глаз – он неподвижно стоял на мостике и следил за стругами.

2

В шестнадцати верстах от устья Тобола лежит изогнутое подковой Карача-куль²⁴. Над ним тынами темнеет городище кучумовского советника Карачи. Надлежало ханскому служаке следить, кто по Тоболу плывет, дознаться – с добрыми или худыми замыслами.

Карача – маленький плешивый старичок – жил тихо, угождал хану. Чтобы не утратить волости, он отвез Кучуму свою единственную дочь – красавицу Долинге. Мурза был хитер, из ясака немало утаил от хана. В кладовушках его хранились лучшие собольи и лисьи меха, в окованных ларцах переливались яркими огнями редкие самоцветы. В синем шатре Карачи резвились семь молодых жен. Быстроглазые, они насмешливо зывали к мужу:

– Козлик, наш козлик, поди сюда!

Всего вволю имелось у Карачи, но одно волновало его – незаметно подкралась старость и ушли силы, как вода из обмелевшего пруда. Только лукавство и вероломство росли с каждым годом, и все надменнее становился Карача. Бежавшие с верховьев Тобола татары с изумлением и страхом рассказывали мурзаку о пришельцах из-за Каменного Пояса. Он посмеивался в бороденку; не верилось ему, чтобы несколько сот казаков могли дерзко пройти до Иртыша. Но когда вечером на взмыленном коне прискакал гонец и оповестил о разгроме Маметкула под Бабасанскими юртами, Карача упал на колени, простер к небу руки и, потрясая ими, завопил:

– Аллах всемогущий, отведи ханский гнев! Что скажу я сильнейшему и мудрому Кучуму в свое оправдание?

Гонец злобно сказал:

– Ничего не скажешь, твою голову он наденет на острый кол, а тело бросит псам. Ты проглядел врага!

Карача обернулся к гонцу.

– Я могу за такие слова отрубить тебе голову раньше, но я не кровожаден. Скачи в Искер к хану и скажи ему: «Пока жив Карача, русские не пройдут к Иртышу».

Вечером в городище закрыли все ворота, завалили их камнями и дерном. Мурзак с муллой взобрался на минарет и оповестил:

– Аллах, сам аллах и Магомет, пророк его, повелели нам покарать неверных! Смерть нечестивым! Они идут сюда, готовьтесь их достойно встретить мечом и стрелами!

Из-за рощи выкатился ущербленный месяц. Над башней бесшумно пролетела сова. Карача стоял у каменного парапета и всматривался в зеленый сумрак, простершийся над землей. Серебристой рябью морщились озерные воды, и лунная дорожка бежала к другому берегу. Шумит камыш, из него черной тенью выкатился волк и, крадучись, трусливо побежал к лесу.

²⁴ Куль – озеро.

Внизу, в маленьком дворике, там, где воды близко подходят к стенам, ржали оседланные кони. «Лучше иметь трех скакунов, чем покорно ждать смерть!» – подумал Карача и вспомнил о женах.

В полночь их усадили в ладью, и суденышко уплыло в камыши. Самая младшая и красивая из жен – Зулейка – большими темными глазами взирала на своего повелителя.

– Неужели ты останешься здесь умирать? – встревоженно шептала она. – Боюсь, что ты всех нас обманешь...

Мурза так и не дознался, о чем хотела сказать Зулейка, так как ладья отплыла от берега.

К утру, когда все тонуло в зыбком тумане, под стенами городища появились изнуренные, голодные и оттого злые казаки. Вдали в солнечном озарении ослепительно белели тугие паруса на стругах. Они показались татарам крыльями неведомых птиц.

Казаки пошли на приступ сомкнутым строем. Над ними развевались сверкающие хоругви. В напряженной тишине гулко раздавались грузные шаги. С тяжелыми топорами бросились ермаковцы на тыны. Каждого из них донимали раны, и у каждого кипело сердце. Столько плыли, шли, бились, поливая кровью сибирские просторы, оставляя под курганами тела товарищей! Теперь все это сразу вспомнилось и всколыхнуло кровь.

– На слом, братья! – потрясая мечом, загредел Ермак. С башенок и тынов навстречу летели камни, но он шел прямо, грозно, а за ним спешили казаки.

Карача явственно видел их суровые, загорелые лица, полные решимости. Правее, впереди горсти воинов, с кривой саблей бежал смуглый проворный казак. Он выкрикивал что-то озорное.

Карача схватил лук, пустил стрелу. Озорной казак завидел мурзу и пригрозил ему саблей:

– Доберусь до тебя, тогда – молись, сукин сын!

Мурзе стало страшно: он вдруг понял, что перед этими людьми не устоит его городок. Незаметно покинув тын, Карача выбрался тайной калиткой к озеру. Верный слуга ждал его на уютной душегубке. Над озером все еще колебались холодные седые космы тумана, когда мурза уплывал в густой камыш... Позади все громче становились крики...

В ранний час казаки ворвались в городок. С плоских крыш на них лили кипяток, бросали камни, песок в глаза. Шли в последнюю битву древние старики, давно не державшие оружие. Даже женщины и подростки, подобрав подле трупов копья и мечи, вступили в бой.

На площади перед мечетью собрались последние защитники – оплот ислама, которых до решающей минуты берег Карача. Они не молили о пощаде, сбились в плотные ряды и пошли навстречу казакам, без криков, не спеша. Это были отборные воины, молодец к молодцу, – рослые, сильные, многие из них в кольчугах и начищенных латах, блестящих на утреннем солнце. С кривыми ятаганами они бросились на казаков.

– Добры вояки! – похвалил Ермак. – Живьем бы взять!

– Да нешто их, чертей, возьмешь, батька! – огорченно вскрикнул Брязга. – Гляди, как режутся!

Под их ятаганами падали посеченные тела.

– Не можно терпеть, батько! – кричали казаки, и жесточь овладела ими. Они били топорами, палицами, рубили мечами идущих на смерть фанатиков. Быстро редела толпа храбрецов, и наконец остался один. Брязга ловким ударом выбил из его рук ятаган. Казаки навалились скопом и повязали удальцу-татарину руки. Его подвели к Ермаку.

– Хвалю, джигит! Иди ко мне! – сказал он по-татарски.

Измученный татарин упал на колени, и крупные слезы потекли по его лицу:

– Вели рубить мою голову! – взмолился он и склонился перед атаманом.

– Да зачем же рубить ее, коли ты еще молод и в честном бою взят? – удивился Ермак.

– Секи, рус! Не могу в неволе жить! – горячо вымолвил татарин.

– Коли не можешь жить в неволе, иди, куда глаза глядят! Браты, освободи его! – усмехнувшись, взглянул на пленника Ермак.

Татарин с недоумением разглядывал казаков. Бородатые, кряжистые, злые в сечи, сейчас они добродушно кивали ему:

– Айда, джигит, уходи!

Пленник закрыл руками лицо и в неподвижности простоял с минуту, потом встрепнулся, опустил ладони. Глаза его блестели радостью. И вдруг он рассмеялся.

– Можно? – переспросил он.

– Айда! – махнул Ермак.

Татарин сделал два-три неуверенных шага вперед, потом сорвался, подпрыгнул и легко понесся к озеру. С размаха он бросился с зеленого обрыва в воду и ушел в глубь.

– Никак утоп? – вздохнули казаки, но в тот же миг просияли: на озерной глади появилась бритая голова и стала быстро удаляться к противоположному берегу.

Выплывшие из-за мыса два лебедя, завидя человека, шумно захлопали крыльями, побежали по воде, поднялись ввысь и вскоре исчезли, как дивное видение. А вслед за ними растаял в синеватом мареве и пловец.

3

В амбарах Карачи сберегалось много добра. Была и ячменная мука, и арпа-толкан²⁵ – неизменная еда бедняков, хранились бочки меду, вяленое мясо и рыба. Казаки наелись вволю, напились кумыса и ходили по городищу веселые, сытые и немного охмелевшие.

Только один Ермак не изменил своей привычке: поел толокна с сухарями и тем удовольствовался. Опытным взглядом он рассматривал свое воинство. Исхудалые, обросшие, оборванные казаки имели суровый, закаленный вид, но видно было, как они смертельно устали. Все – от атаманов до рядового казака.

Полный раздумий сидел Ермак в шатре. Неподалеку – Иртыш, а там, на крутых ярах, кучумовская столица Искер. Перебежчики сообщили атаману, что ханские гонцы рыскают по улусам и северным стойбищам, сзывая народ на войну. Уже примчали в Искер степные кочевники на шустрых косматых коньках. На ярах пылают костры, наездники живут под открытым небом. Ржанье их жеребцов слышно в Заиртышье. Из сумрачной тундры на поджарых, полинявших оленях и на собачьих упряжках подоспели остяки. Из Прикондинских лесов подошли вогулы – воины в берестяных колпаках и с деревянными щитами, обтянутыми кожей. Но хан все еще колеблется, выжидает. Он не верит, что пятьсот русских дойдут до Искера...

«Надо дойти! – сдвинув густые брови, думает Ермак. – Дойти и напомнить хану его прошлые дела, пролитую кровь».

Перед мысленным взором атамана лежала обширная страна, населенная разными народами, чуждыми татарам и враждебными к хану. Если сбить Кучума с его куреня – откроется несбыточное... Да, другие люди шли теперь с Ермаком, не те, что приплыли с Волги. Была вольница, а теперь кусочек Руси.

«С ними дойдешь! – решает Ермак. – Но дух перевести надо! Пусть перестанут ныть раны их, пора отдохнуть! Сакма²⁶ на Искер – последний невиданный подвиг. Перед ним, видно, придется сделать великий искус, пытать рать нуждой. Скуден, ой как скуден хлебный припас! Выдюжит рать, тогда и вперед будет с чем идти».

В шатер по-медвежьи ввалился Мещеряк. Лицо круглое, изрытое оспой, плечи широкие и руки – медвежьи лапы.

²⁵ Арпа-толкан – поджаренная ячменная мука.

²⁶ Сакма – дорога.

«Силен! – с одобрением подумал о нем Ермак. – А к силе ум немалый и великая хозяйская сметка!»

– Ах, Матвей, Матвей, тебе бы думным дьяком в приказе сидеть! – не утерпел и сказал Ермак.

– Мне в приказе сидеть не с руки, – серьезно ответил Мещеряк, и его водянистые глаза потемнели.

– Пошто? – спросил Ермак.

– Всех приказных хапуг перевешаю за воровство и сам с тоски сдохну, – не моргнув глазом, ответил Матвей и вместе с атаманом захохотал.

– Ух, и вольно бы тогда дышалось на Руси! – сквозь смех выговорил Ермак.

Мещеряк в раздумье сдвинул брови.

– Нет, – покачал он большой головой. – Не быть этому на Руси! Как только на Святой земле появились приказные крысы да иуды, с той поры и пошло заворуйство и лихоимство! И не будет ему перевода до конца века.

– Вишь ты, что выдумал! – весело удивился Ермак. – Так и не будет перевода?

– Хочешь верь, атаман, хочешь нет, но, видать, руки у того, кто к складам да амбарам, да к торговлишке приставлен, так устроены, что чужое добро к ним прилипает!

– Вон оно что! И у тебя, выходит, такие руки?

– Мои руки чистые: своего не отдам и чужого не возьму!

– Добрый порядок! – уже не смеясь, похвалил Ермак. – Ну, сказывай, что с припасами?

– Беречь надо, – ответил Мещеряк.

– Коли так, будем беречь, – согласился атаман. – Зови Савву!

Загорелый, жилистый поп предстал перед Ермаком.

– Ведомо тебе, что наступает Успенъев пост? – спросил атаман.

– Уже наступил, – поклонился Савва. – Добрые люди две недели блюдут пост, а наши повольники скоромятся.

– Какой же ты поп, коли дозволяешь это?

Савва поскреб затылок:

– А что поделаешь с ними? Да и не знаю: то ли я поп, то ли я, прости господи, казак? С рукотомеса сбился.

– Вот что, милый, – негромко сказал Ермак, – предстоит нам идти на зимовье. А перед тем, как решить, что делать, повели всему воинству поститься, да не две недели, а сорок ден. Слышал? Можно то?

– Казаки не иноки и не пустычники... – заикнулся Савва. – Не выдюжат... согрешат.

– Так ты молебен устрой да богом усовести их. Адом пригрози. Тебе виднее. А на все время поста мое атаманское слово – отдых!

Расстрига потрянул волосами:

– Будет так, как велено! Выдержат искусы, атаман!

– Ну, молодец поп! Спасибо тебе. – Ермак хлопнул Савву по плечу.

Вскоре в Карачине-городке отслужили молебен. Иерей, облаченный в холщовую ризу, торжественно распевал тропари, курил смолкой, а сам умильно и с хитрецей поглядывал на повольников: «Кремешки и грешники! То-то постовать заставлю вас!»

А «кремешки» и «грешники» стояли с опухшими лицами: комары и неистребимый гнус за летние недели искушали их лица, шеи, руки. Не спасали ни смоляные сетки, ни дым костров.

Склонив голову, среди казаков стоял и Ермак. Тяготы и заботы оставили следы и на его лице. В бороде атамана еще больше засеребрилось прядей.

Чувство жалости наполнило сердце попа, голос его задрожал: «Какой тут пост! Едой бы крепкой побаловать трудяг. Устали, бедные!»

А воины и впрямь утомились. Теперь они, как селяне, вспахавшие поле, умиротворенно слушали молитвы, старательно крестились и кланялись хоругвям. Когда Савва оповестил их о сорокадневном посте, никто ни словом не взроптал.

Стоявший рядом с Ермаком Иванко Кольцо протяжно вздохнул:

– О, господи, помоги угомонить плоть!

Ермак взглянул на атамана, заметил горячий блеск его глаз и подумал: «Этот и до могилы не угомонится!»

Матвей Мещеряк тут же, на молитве, отозвался на слова попа:

– Браты, перенесли мы тяжкие испытания и стали крепкими и непобедимыми! Так железо крепчает и становится годным для меча только в огне горна! Испытаем, братья, дух свой еще и постом и подумаем, как быть? Пусть каждый из вас честно прислушается к своей совести, что она скажет. Правду ли я говорю?

– Правду! – хором ответила громада.

Лицо Ермака просветлело. Добрыми глазами оглядел он своих бойцов: «Вот когда все казачьи думки слились воедино!»

– Батько, – прошептал ему на ухо Кольцо. – А коли повоюем Сибирь, быть тут казацкому царству!

Всегда охотно об этом говоривший, Ермак вдруг нахмурился и промолчал.

4

Четырнадцатого сентября тысяча пятьсот восемьдесят первого года казаки покинули Карачин-городок и отплыли вниз по Тоболу. Берега были охвачены осенним багряным пламенем. Желтели и осыпали яры золотыми листьями догоравшие березки, трепетали на солнце лиловые листья осины. По буграм, откосам, берегам розовели, бурыми, рыжими разводьями ярко пестрели леса. Стояли сухие и красные дни осени.

Вдали выступили утесы, на них, торжественный, сияющий под солнцем, шумел кедровник. Струги вышли на стремнину; с каждой минутой утесы все больше расходились в стороны, и вдруг разом за ними распахнулась водная ширь.

– Иртыш-батюшка! – полной грудью вздохнул Ермак.

Казаки сняли шапки, кланялись великой реке, черпали горстями воду и пили.

– Студена!

И не только вода оказалась студеной. В лицо ударил холодный ветер-бедун, он поднимал высокую свинцовую волну, и хлестала она в глинистый берег. Ермак прислушался к шуму ветра. Долетели до него и отдельные отрывочные слова:

– Вот коли подоспела осень. Стужа, ветер...

– Годи, не спорь, Кучум шатры теплые припас для нас.

Раздался веселый окрик Брызги:

– Браты, не унывай. Ударим – или Сибирь наша, или с ладьи – прямо в рай. Казаку пугаться нечего. Гей-гуляй! Песню!..

Могучие голоса огласили Иртыш:

Не шуми, мати зеленая дубравушка,

Не мешай мне, добру молодцу, думу думати...

День быстро угасал, надвигались сумерки. На правом берегу Иртыша замаячили огни. Смолкла песня. За бортами стругов плескала волна, но сквозь шорохи и плеск слышался гомон и топот коней.

– Вот коли доплыли! – с горечью сказал Савва. – Хан Кучум, поди, давно нас поджидает.

– Струсил? – спросил его Ермак.

– И у храброго сердце замрет перед битвой последней, – не скрываясь, ответил поп.

В густых талах шумит и стонет ветер, и в ответ ему глухо ропщет Иртыш. Грозно вздулась сердитая река, торопит ладьи. Ночная тень окутала весь мир.

– Как будем, батько? – Перед атаманом появился кормчий Пимен.

– Всю ночь плыть! – решительно сказал Ермак. – А трубачам играть отход ко сну.

Стих шум на стругах. Усталые казаки вповалку спали. Ермак всю ночь не сомкнул глаз, думал: «Близится час, последний час, когда решится участь всей дружины. Теперь ничто уж не остановит схватку!»

Вечером на пятьдесят второй день от начала похода, осторожно плывя, казаки подошли к городку Атик-мурзы. Посланный Богдашка Брязга прознал, что крепостца, обнесенная валами, покинута жителями, мурза бежал.

Городок оказался мал, тесен, и, что горестнее всего, в нем не нашлось ни хлебных, ни мясных запасов. Казаки приуныли. От ночной стужи они забрались в брошенные мазанки и землянки, расставив дозоры. Но отдохнуть не пришлось: за Иртышом, на высоком яру, запылали яркие костры и оттуда всю ночь доносилось конское ржанье, рев верблюдов и разноязычный гомон.

Несколько раз выходил Ермак из мазанки и, подолгу простаивая, всматривался в мрак. Догадывался атаман, что сам Кучум с войском вышел ему навстречу. До рассвета он не мог уснуть. На заре, когда на крутых ярах Заиртышья погасли татарские костры, Ермак обошел валы городища. Вокруг расстилалась ковыльная равнина, рядом шумел темный Иртыш. С мутного неба сыпалась редкая снежная крупа. Атаман раздумывал: «Настигает зима и голод, а кругом враги. Осталась одна дорога – на Искер, но для этого надо сломить страшную вражью силу. Как же быть? Одолеет ли дружина?»

«Нет, некуда свернуть, надо схватиться с татарами! – принял твердое решение Ермак. – Сидя за валами, имея за собой на Иртыше струги, можно принять удар врага».

Барабан отбил зарю, казачий стан оживился. Каждая минута дорога. По приказу атамана в улусы разослали людей собирать довольствие. Но добыть ничего не довелось: улусники разбежались кто куда. По мазанкам собрали только полмешка арпы²⁷, вот и все.

Между тем подошло ненастье. Мелкий пронизывающий дождь спорко заливал землю, забирался в землянки. Под сапогами хлюпала грязь, и от этого мрачнее становилось на душе. Однако Ермак не унывал: он решил терпеливо ждать. Не удержался же Маметкул у Бабасанских юрт и первым бросился на казаков. Теперь казаки стоят в одном переходе от Искера, забрались в самое сердце Кучумова куреня, так неужто хан потерпит это и не бросится в сечу? Тут, у городка Аттика, место выгодное для битвы.

Татарские наездники до того осмелели, что добирались до валов. Они нагло разглядывали казачий стан. И стоило только казаку показаться из-за насыпи, как лучник подстерегал неосторожного.

– Батько, дозвожь пугнуть басурман? – просили пищальники, но Ермак отвечал:

– Зелье сгодится для большого дела, а ноне бери терпеньем!

В холодные вечера уланы Кучума располагались неподалеку от валов Аттика и разжигали огромные костры из соснового сухостоя, на которых в черных чугунах варили молодой махан. Запах вареного мяса тянулся в городок, вызывая тошноту у голодных казаков. Обросшие, исхудалые, в изодранных, грубо латанных и перелатанных чекменях, они мрачно следили за татарами и в сердцах ругались:

– И чего ждем, братья? – роптали одни.

– Либо почать бить, либо бежать на Русь надо! – говорили другие.

²⁷ Арпа – ячмень (татарск.).

– Ране не погибли, а ноне погибнем тут, и костей ворон на Дон не снесет! – шептались трети.

Поп Савва видел все, слышал все и гудел шмелем:

– Гулены, бездомные головушки, куда побежишь? На миру и смерть красна.

– А мы умирать и не думаем, – озорно вставил задира-казак.

– То и хорошо! Жить будем, пировать будем! Эхх! – Поп взмахнул бойко руками, стукнул каблуками и пошел в пляс под частую песню:

Пошел козел в огород,
По-о-шел козел в огород.
Потоптал лук, чеснок...
Чигирики, чок, чигири!
Зубарики, зубы, зубари...

Ермак издали незаметно наблюдал за попом: «Нет, не веселый пляс вышел, и песня звучит горько. Добрая душа! От дурных мыслей отводит казаков, да не с того, видно, пошел – не радуется больше песня!»

По ночам, в затишье, копилась вражья сила. Хантазей отправился в челне на разведку и принес невеселые вести:

– У Чувашьей горы, батырь, много войска сослось. Все идут, идут, – перепуганно говорил вогул. – Что делать, что скажешь, батырь?

– Драться будем! – ответил, успокаивая его, Ермак. В ту ночь он все думал об одном: «Пришло последнее испытание, в ватаге беспокойно, неужели теперь она сробеет, подастся вспять?»

Надо было успокоить казаков. Барабан забил сбор. Как и в былые дни на Дону, на площадке собрался круг. Никогда еще Ермак не видел такого неугомонного и беспокойного люда. Возбужденные и злые, угрюмые и бесшабашные, гуляй-головики и молчаливые казаки окружили атаманов. Бесшабашные задиры кричали Ермаку:

– Дошли! На гибель завел, на измор и муки!

– Лучших братьев порастеряли, а ноне самим – безвестная могила! Чего ждем-стоим?

– Нас полтыщи, а их не счесть, татарья!

Ермак поднялся на широкую колоду, терпеливо выждал, когда смолкнет шум, и спокойно заговорил:

– Лыцарство, прошли мы все напасти. Горюшка испили немало...

– Кровью умывались! – подсказали в толпе.

– Истинно так, кровью умывались, – согласился Ермак. – И стоим мы сейчас перед последним: бежать нам на Русь или стоять крепко и взять Искер? Верно, немного нас, но помнить, братья, надо: побеждает не множество, а разум и отвага...

– То издавна ведомо нам! – разом перебило несколько глоток.

– Не все ведомо, а коли и ведомо, все же у немалого числа оказалась на душе смута, – продолжал Ермак. – Взгляните, братья, на Иртыш! Вон он Искер-город, курень хана Кучума. Там и зимовать! Кланяюсь казачеству, что бережет славу и честь отцовскую и дедовскую, и прошу лыцарство обдумать по-честному и решить, как будем робить?

Он смолк и отодвинулся в сторонку. Казачий круг еще больше зашумел, люди кричали про свои обиды и тяготы. И горечь, и злоба, и вызов слышались в их криках. Вперед степенно вышел атаман Гроза и протянул руку:

– Дайте слово молвить!

Говор стих. Иван Гроза заговорил неторопливо и обдуманно:

– Браты, мало нас осталось, а будет еще меньше, когда в Искер войдем. И войдем ли? Гляньте, что за крутоярье, а под Искером – городки. И каждый на горе, оберегается глубокими оврагами да Иртышом. Нелегко брать крепостцу за крепостцой. Татарья прибывает, а нас убывает. Они – дома, а мы – в чужой стороне. И не страх меня берет, а думка угнетает. Для кого стараемся? Может и впрямь на Дон поворотить? Есть еще сила пробить путь-дорожку, а потом поздно будет: растает наша силушка, как снег под вешним солнцем. Подумайте, братья, над моим словом...

– Истинно так! – согласно гаркнуло в разных концах толпы несколько голосов.

Змурый, в жестоком раздумье, стоял Мещеряк. Давно уже, раньше чем кто-либо другой, начал он думать о походе, о том, что будет завтра, через месяц, к весне... И ничего не решил. «Ну, хорошо, – прикидывал он, – разобьем мы хана, это возможно, а дальше что? Надолго ли? Татар – тьма-тьмущая, они дома, а у нас ни хлеба, ни зелья для стрельбы... Вот если бы переманить к себе – какие из недовольных – племена, поставить их против хана! Тогда, пожалуй, и хлеб и силы будут. Да как это сделать?»

Раздумья атамана были прерваны криком:

– А что ж ты, Мещеряк, за что стоишь? Говори, атаман, ты разумен!

Мещеряк очнулся, поднял голову и обвел всех умным взглядом.

– Говори, не таись! – дружно кричали казаки. – Хотим тебя слушать.

– Что ж, братья, – негромко ответил атаман, – известно дело, худо нам, и лучше бы на Русь, домой, пойти... Но если с умом, с хитростью к делу подойти, то оно, пожалуй, и не надо домой... Да, не надо! – решил он наконец тяжкий для себя вопрос. – Победим мы! Трудно, а победим!

На помост вскочил Иван Кольцо.

– Браты! – закричал он. – Думал, тужился Матвей, а сказал все-таки правду: нельзя отступить, победим мы татар. Зелья, хлеба нет? – жалитесь вы, а всегда ли у нас бывали они на Дону и на Волге? Всяко доводилось. Казак терпелив, выдержит и сейчас! Я, братья, хочу заглянуть вперед. Прошли мы много, перестрадали больше того. Прямо скажу, жалко так, зазря от думки своей отказаться. Можно ли труды наши ратные скинуть со счета? Не выходит это! Надо утвердить наше дело! Но сейчас меня гложет другая думка: пусть скажет атаман Ермак Тимофеевич, чье мы дело вершим! Строгановых – купцов, иль казачье?

– Пусть скажет! Говори, батько! – откликнулась сотня голосов.

Ермак снова вышел на круг. Помедлил. Суровым внимательным взором оглядел воинов. Казаки терпеливо ждали его слов.

– Что сказать вам, братья? – прищурился глаза, тихо начал Ермак. – Не думал я о ваших слабостях, не чаял я, что и атаманы заколеблются. Рано казаки на полати к ночлегу запросились! И можно подумать – вот вернемся мы за Камень, и ждут нас там теплые избы и пироги с рыбой. А женки все очи проглядели, нас ожидаючи. Ух, и обнимать-целовать будут! – Ермак широко раскрыл глаза, наполненные гневом, и громко выкрикнул: – Слабодушные! Поглядите честно, что ждет нас за Камнем! Виселица да плаха! Обнимет вас не женка, а петля пеньковая, крепкая, а кому и топором голову снимут. Где вы, казаки да камские солевары, которые били врага насмерть и, попирая опасность, плыли мимо Долгого Яра и бились с Маметкулом у Бабасанских юрт? Не вижу я своих братьев-казаков, не узнаю их. Потеряли они храбрость, умелость и удаль казацкую! Испугались хана и завыли от трусости, как чекалки в степи.

– Ты, батько, не гневи нас! – выкрикнул Дударек и, помня прошлое, упрятался за широкую спину Трофима Колесо.

– Не лукавь! – обернулся Колесо и схватил горластого за плечо: – Говори в лицо, а не шипи змеей!

Черноглазый Дударек вспыхнул, сгреб шапку и ударил ее об землю.

– Батько, в чем нас коришь? – со страстью спросил он. – Аль мы тебя не любим? В походах ты не хоронился за наши спины. Мечом да уменьем сам прокладывал дорожку встреч солнцу! Не к дыбе и колесу ворочаться нам, а туда, где казачью славу подыдем на веки веков. Браты, так ли сказано? – жарким взглядом обежал Дударек товарищей.

– Любо сказано! Ой, любо! – отозвались на майдане.

– И мне любо! – приветливо сказал Ермак и продолжал: – Радуюсь, что заговорила совесть. Вспомните, браты, как татары жить на Руси не дают! Спрашивал Иван Кольцо, а через него и дружина, чье мы дело вершим? Разве не видите вы, куда мы гнем? Все мы люди русские, и в каждом из нас накопилась обида горькая на ханские лютости. Пусть теперь отольются Кучуму сиротские слезы. Зову вас, казаки и камские солевары, не на бесчестье, а на дело великое. Пусть помянет нас добром русская земля – за нее трудимся, за нее терпим! А смерть не страшна! Одна у нас дорога – на Искер! – Атаман пронзительно взглянул в ту сторону, где темнел татарский лагерь, перевел глаза на казаков и решительно закончил: – Казачья клятва от века нерушима! Слушай, войско, выждать больше нечего. Коли хан сюда не идет, значит у него нет веры в свою силу. Мы сами ударим на супостата. Кто сказал, что поляжем мы? Не поляжем, и назад не пойдём!

– Любо, батька, – заорали сотни сильных глоток. – Веди нас, веди!

– А коли так, то ночью на струги и на тот берег! На хана!

– На хана! На Кучума! – подхватило все войско.

Глава седьмая

1

Двадцать третьего октября казачья вольница на рассвете пересекла Иртыш. Струги плыли широким фронтом, почти вплотную. Еле шевелили веслами, чтобы не шуметь. Река шла могучей темной струей, воды были холодны, неприветливы. Ермак стоял под знаменем «Спаса» на ертаульном струге. Рядом с ним взволнованно вглядывались в приближающийся темный яр густо обросший бородищей, злой и упрямый Иван Гроза и бравый Никита Пан. Струги все ближе и ближе подплывали к берегу. Казаки готовились к смертельной схватке: кто грудью навалился на борт ладьи и прочно прилаживал пицаль, кто забивал заряд, а кто сжимал копье, норовя стремительно выпрыгнуть, как только вода станет мельче. Трепетали хоругви, тихо переговаривались пушкари.

Серенькое утро хмурилось и постепенно наполнялось глухим, нарастающим рокотом, в котором слились воедино топот и голоса многих тысяч людей. По кромке яра вихрились быстрые клубы пыли: татарские уланы проносились вдоль обрыва и, задирая казаков, выкрикивали бранные слова. Толпы пеших ордынцев, остяков и вогулов плотной серой волной бурлили под ярмом. За ними, на холме, в легкой синеве белели шатры, развевалось зеленое знамя Кучума и слышались призывные крики. Татарский лагерь волновался морским прибоем, готовясь огромными гремящими валами захлестнуть дерзких пришельцев.

И вдруг сизые тучи разорвались; из-за хмурых облаков выглянуло солнце и, словно живой водой, взбрызнуло казацкую рать, яр и реку. И все мгновенно ожило и заиграло веселыми пестрыми цветами: радовали и веселили глаз красные суконные чекмени, кафтаны и алые верхи лихо заломленных казачьих шапок, блеск воинских хоругвей, синеватые переливы кольчуг, золотые молнии пик и серебристые разливы обнаженных мечей...

И опять зазвучал призывный голос Ермака; могучий, звонкий, он зажигает сердце. Вот он, батька, он стоит впереди. Тяжкий, сильный, большой, чернобородая голова его в стальном шлеме крепко сидит на крутых плечах, а в суровых глазах столько силы и веры в себя!

Когда он примолк – на короткий миг, запомнившийся на всю жизнь – стало совсем тихо. И вдруг Ермак властно взмахнул рукой и крикнул:

– Бей супостата!

Пицальники дали дружный залп по орде. Закричали, засуетились на берегу. Татарские лучники слали стрелы. Тугими ударами они падали в темную рябь Иртыша и уходили на дно. Иные с лязгом били о казачьи кольчуги, впивались в тегилей²⁸ и ломались на юшманах²⁹. Казака Осилка ударило стрелой в грудь, и на жупане заалела кровь. Он вырвал стрелу и ладонью прикрыл рану.

– погоди, дай только добраться! – прохрипел он. Лицо его побледнело, борода взмокла от пота – такая была боль. Но она зажгла душу казака: глаза Осилка запыхали, и он, преодолевая страдания, закричал что было силы: – Гей-гуляй, казаки!

Этот знакомый казачий окрик встрепенул всех, от него окрепло тело, окрылилась душа. В ответ повольники дружно закричали, засвистали, заулюлюкали:

– Э-гей-гуляй! Бей кистенем, бей палицей, руби саблей гололобых!

²⁸ Тегилей – кафтан со стоячим воротом.

²⁹ Юшман – колонтарь с кольчужными рукавами.

Рядом высокой стеной поднялся глинистый яр. Струги тихо подходили к берегу, на котором темной тучей ждала их несметная татарская рать. Задние толпы ордынцев напирали на передних. Тесно, трудно размахнуться тут для доброго удара!

Мелкой зыбью бьются о борта стругов иртышские волны, но сильнее их, яростнее – волна казачья.словно шумящим девятым валом, выхлестнуло казачью вольницу на орду. Пороховой дым окутал струги, берег и сблизившиеся две грозные силы.

– Трави запал! – крикнул пушкарям Ермак.

Черноусый Петро, запачкавший свой орлиный нос смолой, размотал просаленную тряпку, которая оберегала от ржавчины пушку, и поднес смоляной фитиль к заряду. Почти мгновенно пушка изрыгнула пламя, струг качнулся, и по долине пошел гром. На соседних стругах отозвались другие пушки, и разом дрогнула земля, с отвесов яра за клубилась пыль, смешавшаяся с порохом дымом. По бортам сверкнули желтые огоньки самопалов. Перепуганные татары сбились в стадо. Многие повернули назад, молотя кулаками своих, но с яра торопились все новые и новые толпы и напирали... Щетина сверкающих копий преграждала путь на берег. Кормщик Пимен переглянулся с Ермаком; по взмаху атамана гребцы еще раз сильно взмахнули веслами, – и струги уперлись в дно.

Казачи без раздумья спрыгнули в воду. Они шли медленно, держа наготове топоры, копы и мечи. Татары теснили к берегу остяков и вогулов, со страхом разглядывавших казаков. Чаше посыпались стрелы. Князек Лабута, крепкий и смуглый, туго натягивая тетиву, метил стрелы в кормчего на струге.

– Шайтан! Шайтан! – сверкая белыми зубами, кричал он. В его смуглом лице была лютая злоба, казалось, он только и ждал часа, чтобы сцепиться с русскими. Тесно было на узком иртышском берегу под ярмом, но стало еще теснее, когда казаки ворвались на эту узкую кромку. Напрасно лезли татарские скопища к реке – нет, не сдержать им страшной силы, не ослабить ее, не истребить!

– Вперед, братцы! Не страшись! – выскочил первым на берег Ермак и хряснул тяжелым мечом по копыям. Они ломались от удара, и наконечники взвевались над головами. Рядом казак Ильин, описывая быстрые круги секирой, пробивал в щетине копий брешь. За ним справа и слева бердышами, мечами прокладывали себе дорогу другие казаки. С громкими криками, с пронзительным свистом, колыхаясь живой стеной, двигались плечистые и бесстрашные бородачи и, будто лес топорами, валили на пути всех. Остяки в ужасе пятились, а позади на них нажимали татары.

Возле Ермака бился Иванко Кольцо, оберегая тяжелым кистенем атамана. Неподалеку в горячем запале зывал к своей полусотне Богдашка Брызга:

– Руби, ихх!.. Бей за Русь, за все наши беды!

Татары попятнулись, спотыкаясь о мертвые тела, незаметно стали растекаться лучники – вогулы и остяки. На яру на тонконогом аргамаке высился горделивый всадник в длинном юшмане и мисюрке³⁰ на голове и что-то горячо приказывал свите.

– Гляди, батько! Там, видно, сам Маметкул, – указал Иванко Кольцо. – Эх, сцепиться бы!

– Доберемся и до него! – Ермак наотмашь мечом развалил надвое татарского мурзака. Видя гибель своего господина, лучник ухватился за голову и пронзительно взвыл. На лучника налетел Савва и угомонил его тяжелой палицей. Рядом Трофим Колесо работал топором. Великий ростом, невероятной силы, он одним ударом клал врага наземь. Прыткий татарин увернулся от его топора, наскочил на другого богатыря и полоснул ножом. Клинок пропорол тигелей и скользнул по вшитой железной пластине. Казак озлобился, схватил ордынца за руку, с хрустом сжал ее, рванул и, когда татарин упал, топором снес ему череп. В это время с яра

³⁰ Мисюрка – воинская шапка с железной маковкой, или теменем, и сеткой.

принеслась с воем стрела и вонзилась казаку в грудь; он пошатнулся, в запале вырвал наконечник с куском живого тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.